

Библиотека советской фантастики

3. ЮРЬЕВ

ПОЛНАЯ ПЕРЕДЕЛКА

БИБЛИОТЕКА
СОВЕТСКОЙ
ФАНТАСТИКИ

РОГ Язон Рондоп

РОНДОП

Р

БУДЕМ НАДЕЯТЬСЯ
ЧТО НУЖНО ДЕЛАТЬ
ШЕМУ ПОЛИЦЕЙСКОМУ
ЗАДЕРЖАННЫЙ ПЫ
БЕЖАТЬ

— ПОНИМАЮ, МИСТЕР
ВОЛЬМУТ.

Библиотека советской фантастики

З. ЮРЬЕВ

ПОЛНАЯ ПЕРЕДЕЛКА

Фантастический роман

**МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1979**

P2
1085

Ю $\frac{70302-281}{078(02)-79}-240-79.$ **4700000000**

© Издательство «Молодая гвардия», 1979 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
КЛИЕНТ

Файяр

ГЛАВА I

Муха суетливо подергалась, неуверенно поползла по ярко-синему глянцевою небу, на мгновение остановилась в пенном прибое и устремилась прямо к блондинке с лазурными глазами, которая с вожделием смотрела на флакон масла для загара. Блондинка не шевелилась. Она не пошевелилась даже тогда, когда муха устроилась у нее на носу.

— Господи, — пробормотал я, не отрывая взгляда от настенного календаря с морем, блондинкой и мухой, — если ты существуешь и если тебе не безразличны обнищавшие адвокаты, пошли мне знамение. Пусть муха оторвется от дамы и усядется на то число, когда у меня появится клиент. Если, конечно, он вообще когда-нибудь появится.

Муха слегка вздрогнула, словно ее неожиданно окликнули, торопливо засучила лапками и решительно сдвинулась к столбикам чисел. Остановилась она на двадцать третьем сентября.

— Ну-ну, — разочарованно вздохнул я и откинулся на спинку кресла, — учитывая, что сегодня как раз двадцать третье, эта муха много на себя берет.

У меня, во всяком случае, ее уверенности не было. За стеной слышались шаги. Я взглянул на часы. Девять пятнадцать. Гизела опять опоздала. На те же пятнадцать минут, что и всегда. Строго говоря, она даже не опаздывала. Она приходила в контору с неизменной, я бы сказал, пугающей точностью в девять пятнадцать, на пятнадцать минут позже, чем должна была. Впрочем, признаюсь, в глубине души ее упорство даже нравилось мне. В мире осталось так мало принципов и так немного людей, готовых защищать их до конца.

Скрипнул стул. Это Гизела уселась за свой столик. Когда целыми днями сидишь в пустой конторе, за сто-

лом, на котором, кроме утренней газеты, ничего нет, и ждешь, ждешь, ждешь, не понадобятся ли кому-нибудь твои услуги, слух поневоле становится изощренным, как у калеки или заключенного.

Сейчас наступит тишина. Гизела вытащит из сумки косметические принадлежности и начнет трудиться, чудесным образом преображая свое заспанное круглое личико с коротенькими белесыми ресницами в нечто почти миловидное. Однажды, когда мне довелось увидеть ее лицо до косметики и после, мне почудилось, что сначала был негатив, который секретарша затем как-то удивительно ловко превратила в позитив: светлое потемнело, а темное посветлело.

Почему Гизела неизменно трудилась над своим лицом именно в конторе, а не дома, я не знал, но подозревал, что вразумительного ответа не получу, а потому и не спрашивал. Надо воспринимать мир целиком, со всеми его тайнами, которые нам не дано познать.

Девять часов тридцать минут. Сейчас один за другим раздадутся два сухих револьверных щелчка: Гизела сначала хлопнет свою косметическую сумочку, а потом и большую сумку. Вот и первый щелчок. Но второго не последовало. Я не успел удивиться, потому что вместо него за стеной зазвонил телефон. Почему-то я поднял взгляд на календарь. Муха все еще сидела на двадцать третьем сентября. Похоже было, что именно здесь она решила мужественно встретить свой конец, до которого, по-видимому, было уже недалеко.

— Мистер Рондол, — в голосе Гизелы звучало едва сдерживаемое возбуждение, она даже забыла поздороваться, — вас просит мистер Нилан.

— Что ему нужно?

— Вы, мистер Рондол.

Боже, подумал я, как ей хочется, бедняжке, чтобы это оказался клиент. Еще больше, наверное, чем мне. Учитывая, что я не плачу ей уже второй месяц...

— Давайте его, Гизела. — Она соединила меня с мистером Ниланом. — Слушаю вас, мистер Нилан, — сказал я и в последний раз взглянул на муху. Все там же, на сегодняшнем числе. Что же она все-таки делает? Засиживает календарь или предсказывает будущее?

— Мистер Рондол? Мистер Язон Рондол?

Голос в трубке был такой благовоспитанный, такой сладкий, что я слегка отодвинул ее от уха, как бы не приклеилась.

— К вашим услугам.

— Моя фамилия Нилан. Вы слышали когда-нибудь о фирме «Игрушки Гереро»?

— Очень сожалею, мистер Нилан, но я вышел из возраста, когда интересуются игрушками. Настоящими игрушками, по крайней мере.

Я, конечно, соврал. Я слышал эту фамилию, и слышал совсем недавно. Буквально на днях. Где я ее мог слышать?

Трубка вежливо булькнула. Смех у мистера Нилана был такой же сладкий, как и голос.

— Вы очень остроумный человек, мистер Рондол.

В голосе Нилана было столько убедительности, что я не стал с ним спорить. Зачем зря раздражать человека?

— Спасибо. Полностью с вами согласен.

Трубка снова залила мне ухо изысканно-вежливым смешком. Приятно иметь дело с воспитанным человеком.

— Я имею честь представлять интересы фирмы. К величайшему нашему сожалению, у главы фирмы, мистера Ланса Гереро, неприятности, и он хотел бы воспользоваться вашей помощью.

Теперь я вспомнил, где видел эту фамилию. В газете и на телеэкране. Какая-то девица...

— Я должен вначале поговорить с ним.

— Разумеется, разумеется, мистер Рондол. Мистер

Гереро просил передать, что ждет вас с величайшим нетерпением.

— Когда я могу увидеть его?

— Чем раньше, тем лучше. Если бы вы могли сделать это сейчас, мы бы...

— Хорошо. Где мы можем поговорить?

— Видите ли, мистер Рондол, у моего шефа, как я уже сказал, небольшие неприятности... — представитель «Игрушек Гереро» сделал паузу, ожидая, очевидно, моего сочувствия, но я промолчал. Наконец он собрался с духом: — Мистер Гереро арестован и находится в 1-й городской тюрьме...

— Хорошо, мистер Нилан, я буду там к одиннадцати.

— Благодарю вас, мистер Рондол.

Теперь я вспомнил кое-что еще. Небольшие неприятности мистера Гереро заключались в том, что он убил какую-то девушку. Поэтому-то он в тюрьме. При обвинении в убийстве под залог не выпускают. Даже владельцев игрушечных фирм.

Я положил трубку и встал из-за стола, чтобы подойти к календарю. Мне хотелось лично поблагодарить муху за все, что она для меня сделала, но ее не было ни на двадцать третьем сентября, ни на блондинке, ни в море, ни на небе.

— Какая скромность, — громко сказал я.

Гизела приоткрыла дверь.

— Вы мне что-то сказали, мистер Рондол? — спросила она, просовывая в щель уже вполне позитивное лицо.

— Я сказал: «какая скромность».

— Надеюсь, это вы не обо мне? — улыбка Гизелы была чуточку лукавой, но не больше. Большого она себе не позволяла. Она вообще была твердой поклонницей дисциплины (не считая утренней четверти часа и косметики), хранительницей конторских традиций.

— Нет, дорогая Гизела, — важно сказал я. — Я имел в виду не вас, а одну знакомую муху.

Секретарша посмотрела на меня с легкой брезгливостью. Шеф, у которого есть знакомые мухи и который не платит зарплату своей помощнице второй месяц, на большее, впрочем, рассчитывать не может.

— Что-нибудь еще, мистер Рондол? — сухо спросила она.

— Да, мисс Вебстер. Через полчаса я поеду в 1-ю городскую, поэтому положите мне в чемоданчик «сансуси». Проверьте, не сели ли батарейки.

— Значит, клиент?

— Кто знает, кто знает, Гизела...

— Поздравляю вас, мистер Рондол. — Она улыбнулась мне так тепло, так благожелательно, так по-матерински, что я мысленно извинился перед ней за все придирки и замечания, которые мысленно же делал ей.

* * *

Дежурным офицером оказался в этот день мой друг Айвэн Берман, тихий человек лет пятидесяти, с которым мы часто рыбачим на Тихом озере. Он долго тряс мне руку, словно заводил меня, хлопал по спине и укоризненно покачивал головой, на которой осталось не так уж много волос.

— Неужели это ты, Язон? — наконец удивленно спросил он меня.

— Сам не знаю, Айвэн. Ты так обрадовался мне, что я начал сомневаться — я ли это.

— Ах, Язон, Язон, ты все такой же.

— Какой, Айвэн?

— Легкий. Легкий ты человек, Язон. Птичка божья. Все порхаешь, порхаешь...

Ну, раз порхаю, значит, порхаю. Айвэн Берман — не тот человек, чтобы объяснять, что он имеет в виду.

И не потому, что он не хочет. Боже упаси, он один из самых добрых и услужливых людей, которых мне когда-либо приходилось встречать. Просто он не понимает, что говорит. В прошлом году, например, когда мы раз продрогли в лодке, часов пять тщетно ожидая хотя бы одной поклевки, он вдруг сказал мне: «Рыба умнеет на глазах. Все умнеют, кроме людей». Сколько я ни спрашивал его, что он имеет в виду, он так и не ответил. Сам не знаю, говорит. Так, глупость...

— Неужели у тебя клиент, Язон? Ты так давно не был у нас...

— Представь себе, Айвэн.

— И кто же?

— Некто Ланс Гереро.

— О... солидная добыча. — Берман заговорщически подмигнул мне. — Давай твоё удостоверение и руку.

Он сунул мое удостоверение в регистрационную машину. Я прижал пальцы к определителю личности, подождал, пока на табло не выскочило мое имя и личный номер.

— Что у тебя в чемоданчике? — спросил Айвэн, когда я подошел к двери и зазвонил звонок детектора.

— «Сансуси».

— Я тебе верю, Язон, но все же нужно посмотреть. Порядок есть порядок, хотя еще неизвестно, что такое порядок...

Я раскрыл чемодан.

— Все в порядке. Можешь идти. Седьмой этаж, камера двадцать третья... Да, Язон, скажи, когда мы снова поедem на наше озеро? Я как вспомню утренний туман на воде, белесый такой, словно грязная вата, холод, темную рассветную воду и тишину — выть хочется...

— От чего тебе хочется выть?

— Не знаю, Язон. Просто хочется. Ну иди, а то ты на меня действуешь как-то странно. Я перестаю понимать, что говорю.

— Ну это ты мне льстишь, Айвэн. Как будто кто-нибудь действует на тебя иначе...

Берман улыбнулся кроткой и мудрой улыбкой тюремщика.

Я пошел к лифтам по пустому и гулкому коридору, который пах дезинфекцией и безнадежностью. Даже стальной цвет стен источал безнадежность. Пластик, металл, электроника. Безнадежность прогресса. Или прогресс безнадежности, какая разница...

Перед лифтами была металлическая решетчатая дверь. Я сунул руку в определитель и нажал кнопку. Машина задумчиво пощелкала несколько секунд своими мозгами и приоткрыла дверь. Я прошел к лифтам и тут же услышал за собой печальный вздох — дверь снова захлопнулась. Каждый раз, когда я прохожу через автоматические двери тюрьмы и слышу за собой глубокий вздох пневматического механизма, у меня возникает ощущение, что машины уже давно тайно жалеют людей, во всяком случае, больше, чем сами люди жалеют себя.

Когда я подошел с дежурным офицером по этажу к двадцать третьей камере, я вдруг сообразил, что номер камеры совпадает с сегодняшним числом. Числом, указанным мне безымянной, но славной мухой. Еще одно предзнаменование.

— Двадцать третья, — сказал дежурный, молодой человек с сонными глазами и воловьей шеей. — Простите, но, перед тем как впустить вас в камеру, я еще раз должен проверить ваш чемоданчик.

— Пожалуйста, — сказал я. — Только «сансуси».

— Проходите. Через сколько за вами прийти?

— Ну... через час-полтора.

Молодой человек набрал на диске какое-то число,

приоткрыл дверь, и я очутился в камере. Навстречу мне шагнул высокий, массивный человек лет сорока, с черной бородой и удивительно светлыми глазами.

Первое впечатление можно было выразить в трех словах: массивность, борода, светлые глаза. Если бы я должен был угадать его бизнес по внешности, я мог бы гадать миллион лет. Игрушки...

— Ланс Гереро, — сказал он и протянул мне руку.

— Язон Рондол, — ответил я. Рукопожатие у него было энергичное, ладонь сухая и теплая. Он чуть склонил голову набок и, не стесняясь, рассматривал меня. И я рассматривал его. То ли оттого, что он смотрел на меня чуть исподлобья, набывчившись, то ли из-за того, что он стоял, широко расставив ноги, но мне на мгновение почудилось, что сейчас он заревет и поднимет меня на рога.

— Садитесь, — сказал он и кивнул на единственный стул в камере. Голос у него был низкий, рокочущий. Большинство людей, которых мне приходилось видеть в камере, казались жалкими. И чем больше они храбрились, тем более жалкими выглядели. Камера ведь вообще не самое лучшее место для того, чтобы чувствовать себя там человеком.

Гереро не был жалок. И кивнул он мне на стул жестом человека, который привык указывать другим на их место.

— Вы знаете, почему я остановил свой выбор на вас? — довольно сухо спросил фабрикант.

— Нет, не знаю.

— Возможно, вы думаете, что вы лучший адвокат в городе? — Все так же исподлобья Гереро бросил на меня саркастический взгляд. Я почувствовал легкое покалывание в кончиках пальцев — у меня всегда бывает это ощущение, когда хочется дать кому-нибудь по физиономии. А Гереро явно вызывал у меня это желание. Впрочем, это было хорошо. Я вообще люблю на-

чинать знакомство с антипатии, особенно с клиентами. Когда человек не нравится, воспринимаешь его более критически. Кроме того, в таком случае никогда не рискуешь разочароваться в человеке.

Но когда второй месяц не платишь секретарше, не говоря уж о самом себе, особенно разборчивым быть не приходится. Я пожал плечами.

— Ну хорошо, Рондол, — вздохнул Гереро, — раз вы не считаете себя лучшим адвокатом в городе, я скажу, почему я выбрал именно вас. Во-первых, вы были когда-то частным детективом, а во-вторых, ваши финансовые дела, насколько мне удалось установить, не блестящи. Верно?

Я продолжал молчать и рассматривать бородатого игрушечника. Дать ему по морде и поехать на озеро с Айвэном Берманом ловить рыбу и слушать его темные сентенции. Боже, почему мы отказываем себе в самых невинных удовольствиях?

Самым отталкивающим в Гереро было то, что он говорил правду. Мое финансовое положение было не только не блестящим, оно было катастрофическим.

— Ну ладно, не злитесь, — вдруг улыбнулся Гереро. Улыбка сразу смыла с него всю агрессивность. — Я люблю позлить людей, особенно тех, кто со мной работает.

— Я с вами еще не работаю, — сказал я и тут же пожалел. Я уже знал, что займусь его делом. И он знал, что я займусь его делом. И слова мои прозвучали жалко. Нужно было промолчать.

— Э, мистер Рондол, — слегка насмешливо сказал Гереро, — не будьте таким обидчивым. У каждого свои странности, а я, повторяю, люблю иногда позлить собеседника.

Он обезоруживающе развел руками, и я должен был мысленно признаться, что именно он, а не я, пока одерживал верх в нашей пикировке.

— Ну что ж, мистер Гереро, вам это прекрасно удается.

Он деловито кивнул, соглашаясь, и вдруг подмигнул мне, давая понять, что мы люди одного склада, что мы понимаем друг друга и вообще можем иметь друг с другом самые лучшие отношения.

— Ну-с, как это у вас делается? Я вам должен, наверное, рассказать все?

— Так именно это у нас и делается. У нас и у вас. — Я сделал ударение на последнем слове. — Наденьте только эти наушники с микрофоном. — Я открыл чемодан и достал «сансуси».

— Что это? — спросил Гереро.

— Эта штука даст нам возможность побеседовать, не опасаясь, что кто-нибудь подслушивает разговор.

— Но ведь электронное подслушивание запрещено законом. Суд не принимает его в качестве доказательств. Так ведь, если я не ошибаюсь?

— Запрещено, это верно, но тем не менее...

— Мне нечего скрывать.

— Послушайте, мистер Гереро, если вы так все хорошо знаете, может быть, вы сами будете своим адвокатом?

Гереро вздохнул и надел наушники с микрофоном. Я надел вторую пару. Я подумал, что вряд ли смог бы работать у него, будь он на свободе.

ГЛАВА 2

Я смотрел на Гереро и думал, что для человека, обвиняемого в убийстве, он держится просто великолепно. И все же несколько раз мне казалось, что в глубине его светлых — слишком светлых — глаз мелькал страх. Может быть, даже и не страх, а растерянность, которая была бы, наверное, незаметна в ком-нибудь еще, но у

Гереро со всей его самоуверенностью, агрессивностью, властью ее нельзя было не заметить.

— Прошу вас, расскажите мне все с самого начала, — сказал я. — Не пропускайте ничего.

Гереро достал сигарету, медленно покатав ее между пальцами, критически осмотрел, взял мундштук в губы, кивнул, одобряя, должно быть, ее поведение, и с видом большого одолжения поднес к кончику сигареты огонек зажигалки. И дым он выпускал так, словно тот был обязан мистеру Гереро многим, и пребывание в легких мистера Гереро отличало этот дым от всех прочих дымов в мире.

— Я вас слушаю, — напомнил я Гереро о своем существовании и с трудом уклонился еще от одной волны раздражения, которая накатывалась на меня. Я еще не решил, позер ли он или просто не слишком приятный человек, но я все время должен был сдерживаться в его присутствии.

— Я знаю, — коротко кивнул Гереро, словно кто-то дернул его за его черную с проседью бороду. — Просто мне нечего вам рассказывать.

— Ну хорошо, — пожал я плечами, — если вам нечего мне рассказывать, мне, в свою очередь, нечего слушать. — Я встал и снял в себя наушники «сансуси».

— Да перестаньте же вы! — взорвался Гереро. — Если я должен каждую секунду думать о том, чтобы не обидеть своего адвоката... — Он пожал плечами, и я снова надел «сансуси». Не нужно мне было разыгрывать этот крохотный и неубедительный скетчик. Я знал, что никуда не уйду. Он знал, что я не уйду. Я знал, что он знал. Он знал, что я знал, что он знал и так далее. В наш век электронных судов и судей адвокаты, во всяком случае живые адвокаты, а не консультационные машины, клиентами не разбрасываются. Это знали все. В том числе и Гереро. Наверняка знал. Он был из тех, кто всему знает цену. Иногда даже и себе.

— Мне нечего вам рассказывать потому, — твердо сказал Гереро и посмотрел мне прямо в глаза, — что я не убивал эту Джин Уишняк, не жил с этой девицей, никогда не видел ее и даже не слышал ее имени до двадцать первого сентября, то есть до позавчера, когда меня арестовали, предъявив обвинение в ее убийстве. Вот и все. — Должно быть, он уловил сомнение в моем взгляде, потому что добавил: — Это истинная правда, черт побери! Понимаете вы меня? Истинная правда!

Он вышел из себя и сразу стал симпатичнее. Даже не симпатичнее, наверное, а просто человечнее. Исчезло невыносимое выражение снисходительного и чуть насмешливого превосходства.

— У вас есть алиби или хоть что-нибудь похожее на алиби? Когда произошло убийство?

— Девятнадцатого вечером. Как видите, им не понадобилось много времени, чтобы найти убийцу... Я освободился рано, около четырех, и поехал за город. У меня там домик.

— Где именно?

— Элмсвиле.

— Угу, — кивнул я, — чудное место.

Гереро посмотрел на меня с видимым сожалением. Бедный, глупый адвокатик! Неужели он до сих пор не понял, что все имеющее хоть какое-то отношение к Лансу Гереро, от дыма его сигареты до домика в Элмсвиле, может быть только наилучшего качества? Возможно, он и трупики делает только экстра-класса. И он, этот адвокат, тоже должен проникнуться этой идеей избранности, если хочет быть адвокатом самого Ланса Гереро. Я расправил плечи и выпрямил спину.

— И вы там были все время? В Элмсвиле?

— Да.

— Вас там кто-нибудь видел?

— Да.

— Кто?

— Моя любовница. Она приехала ко мне в семь и уехала в одиннадцать.

— А убийство произошло?

— В обвинительном заключении говорится, между девятью и десятью.

Он был все время начеку. Подчеркнул: в обвинительном заключении говорится... Удивительное дело, как клиенты обычно пытаются уверить нас, адвокатов, в своей невинности, вместо того чтобы вместе подумать над тактикой защиты.

— Ваша любовница может дать показания?

Гереро медленно покачал головой.

— Боюсь, что нет.

— Почему?

— Она замужем за довольно богатым человеком. Они давно бы разошлись, но он скуп, как Шейлок, а она жадна, как голодная акула. При разводе она получила бы изрядную толику. Но если бы ее супруг мог доказать, что она совершила прелюбодеяние — так это у вас называется? — он показал бы ей кукиш. А ей признать, что она провела несколько часов с глазу на глаз с мужчиной — все равно что расписаться в письменном факте любовной связи. Поэтому-то она никогда не даст показаний.

— Вы в этом уверены?

— К сожалению, да.

— Даже если она будет знать, что вам угрожает смерть или полная переделка?

Гереро внимательно посмотрел на меня. Он все еще никак не мог привыкнуть к моим вопросам. В самом деле, о какой жалости может идти речь, когда рискуешь потерять на ней деньги? Интересно, а как поступил бы на ее месте сам Гереро? Так же, как она? Удивительно было, как реально, как четко он воспринимал идею денег, даже чужих, и как абстрактна была пока что для

него идея смерти или переделки. Своей смерти или своей переделки. Пока...

— А нельзя ли все-таки уговорить вашу даму дать показания?

— По-моему, я вам уже сказал. Ее зовут, кстати, Урсула Файяр.

Гереро посмотрел на меня, чтобы убедиться, какой эффект произведет на меня это имя. Посмотрел, как мне показалось, даже с гордостью. Да, миссис Файяр было что терять. У ее супруга было больше миллионов, чем у меня рубашек.

— Неужели же все-таки она не согласится выступить на суде, зная, что от ее слов зависит жизнь человека?

— Нет, она не сентиментальна.

Да, разумеется, рисковать деньгами из-за жизни человека — это сентиментальность. Во всяком случае, когда речь идет о деньгах мистера Файяра.

— Ну а заставить ее выступить в суде мы не сможем?

— Что значит «заставить»? — насторожился Гереро. Слово «заставить» было ему понятнее, ближе.

— Есть у вас какие-нибудь доказательства вашей связи? Письма, записочки? Что-нибудь в этом роде?

Гереро задумчиво пососал верхнюю губу и с сожалением покачал головой. Чувствовалось, что он бы с удовольствием прижал бедную маленькую Урсулу Файяр к ногтю. И он не был сентиментален. Два голубка, не забывающие о выгоде. Две электронные машины, не забывающие в объятиях цену друг друга и всегда готовые продать. Лишь бы была подходящая цена.

В Гереро уже и следа не осталось от его недавней уверенности. Пожалуй, он был теперь растерян.

— Не-ет. Ничего. Совершенно ничего. Теперь, когда я думаю об этом, я вижу, как осторожна она была, дьяволица...

— А мог кто-нибудь из соседей видеть, как она приехала к вам? Или уехала?

— Нет, мой дом стоит совсем особняком и совершенно не виден соседям. Я даже их как следует и не знаю, признаться.

— А у вас там никого нет? Я имею в виду какого-нибудь садовника или кого-нибудь вроде этого?

— У меня есть садовник. Он же сторож, он же шофер. Но в этот день я его отпустил. Урсула всегда настаивала, чтобы никто ее не видел...

— Гм... удивительно она все-таки предусмотрительная особа...

— Да, пожалуй, — пожал плечами Гереро. — К сожалению, я это понимаю сейчас... Но кто бы мог предположить...

— Вам кто-нибудь звонил туда в тот вечер?

— Нет, никто. Я выключил телефон.

Да, у этой публики легко не заработаешь, вздохнул я. Уж если всевышний и послал мне клиента, так такого, как мистер Ланс Гереро.

— Почему вы молчите? — спросил меня Гереро, и в первый раз с начала разговора я уловил в его голосе нотки беспокойства. Настоящего беспокойства. Может быть, только сейчас, отвечая на мои вопросы, он понял, насколько он безоружен перед законом.

— Я думаю, стоит ли мне соглашаться, мистер Гереро, — медленно сказал я. На этот раз я не блефовал. Если машина выдала ордер на арест, значит, основание для ареста было. Да и полиция не стала бы терять время понапрасну, если бы не была уверена в фактах. Чего нельзя было сказать о будущей защите. Я поднял глаза и внимательно посмотрел на Гереро. Удивительный все-таки нюх у бизнесменов. Куда там какому-нибудь пойнтеру. Он мгновенно почувствовал, что я заколебался, и его манеры тут же изменились.

— Мистер Рондол, — всю самоуверенность с него как сдуло, и голос теперь звучал просительно, — мистер Рондол, как только меня арестовали и сюда приехал мой адвокат Нилан, мы сразу поняли, что он не сможет быть моим защитником. Он занимается делами фирмы. Уголовный процесс — это не его сфера. Мы перебрали десятки фамилий, прежде чем остановились на вас. Нам нужен был адвокат, который мог бы произвести свое расследование, а вы несколько лет были частным детективом... Я понимаю, что дело необычно, но клянусь вам, я никогда не видел этой Джин Уишняк. Это какая-то чудовищная ошибка. Нелепость. Нонсенс. И это вы должны доказать... Иначе я должен буду выбирать между смертью и переделкой. Не думайте о деньгах, назначьте самый высокий гонорар...

— Мистер Гереро, — холодно сказал я, — я не намерен запугивать вас, чтобы выжать лишнюю тысячу НД. Но дело, как вы сами понимаете, не из самых простых...

— Я выпишу вам сейчас чек на пять тысяч. После процесса мы удвоим эту сумму. Хорошо?

Бог свидетель, что мне не хотелось связываться с этим делом. Я бы предпочел сидеть в лодке с Айвэном Берманом и смотреть на красно-белый поплавок, вежливо кланяющийся каждой волнишке, и ждать, пока он не вздрогнет и не начнет погружаться, теряя в прозрачной воде озера четкость очертаний.

Но у меня почти два месяца не было клиентов. Почти два месяца я сидел в конторе и ждал шагов. Или звонка. И теперь отказаться от пяти тысяч?

Как легко бедным, им не приходится ломать себе голову над выбором.

— Хорошо, — сухо сказал я. — Я согласен взяться за ваше дело. Мои условия: с этой минуты вы будете говорить и делать то, что я сочту нужным. Не вы, а я. — Я поймал себя на мысли, что испытываю опреде-

ленное удовольствие, мстя Гереро за его самоуверенность. — Вы согласны?

— Да, — вздохнул мой подзащитный. Теперь уже он был побежден и смотрел на меня с надеждой.

— Все, о чем мы говорим с вами, является по закону доверительным, поэтому вы можете быть со мной совершенно откровенны. Никто не имеет права потребовать от меня передачи доверительного сообщения клиента. Поэтому, повторяю, не колебайтесь ни мгновения. Я сейчас для вас больше, чем исповедник. Тот должен примирить вас с богом, я же с законом. Вы понимаете меня?

— Да, вполне.

— Прекрасно. Ведь мы сумеем строить защиту только при условии вашей полной откровенности.

— Я ничего не скрываю от вас.

— Вы знаете, как выдается ордер на арест?

— Нет.

— Полиция скармливает полученные ею данные прокурорскому компьютеру. Машина выдает санкцию на арест только в том случае, если данных для этого достаточно. Не потому, что ее электронным потрохам не нравится борода некоего Ланса Гереро, а потому, что данные, введенные в нее, убедительно доказывают, что некая Джин Уишняк была убита неким Лансом Гереро. Поэтому, кстати, у адвокатов теперь стало меньше работы...

— Но я же вам несколько раз повторил, что услышал ее имя в первый раз, когда читал обвинительное заключение. Это недоразумение. Этого не может быть. Ошибаются ведь и машины. Кому-то компьютер десять раз присылал напоминание срочно уплатить за электричество ноль-ноль НД ноль-ноль центов. Какой-то фирме машина заказала в десять тысяч раз больше деталей, чем им нужно было... Я не убивал эту девушку. Вы верите мне?

— Не знаю, мистер Гереро. Пока не знаю. Да это и не имеет значения. Раз вы мне говорите, что невиновны, значит, мы будем строить защиту, исходя из того, что вы невиновны.

— А если бы я сказал вам, что действительно убил мисс Уишняк? Как бы вы тогда строили защиту?

— Я бы все равно попробовал доказать суду, что вы ее не убили. Ежели бы этого доказать я не мог, пришлось бы выбирать другую тактику, например, доказать, что вы действовали в порядке самозащиты. Или что вы невменяемы.

— К сожалению, я вменяем.

— Увы, похоже на то. Когда-то, еще до того, как диагноз психического состояния начали ставить машины, психическая невменяемость, состояние аффекта были любимым оружием адвокатов. Защита приглашала своих экспертов, обвинение — своих, и на процессах разыгрывались грандиозные сражения психиатров. Строчили друг в друга латынью тесты, эффекты и синдромы носились в воздухе, ученые мужи хватали друг друга за горло... Сказочное было время. Теперь анализ психического состояния, как я уже сказал, ставит машина, и вся драма исчезла.

— Боюсь, эта тактика для нас отпадает.

— Скорее всего да. Подумайте еще, мистер Гереро, не мог ли кто-нибудь вас видеть в тот злополучный вечер в Элмсвиле? Не разговаривали ли вы там с кем-нибудь? По дороге туда? Напрягите память. Вспомните.

Гереро медленно покачал головой. Теперь мне уже не нужно было искать искорки страха в его странно светлых глазах. Страх клубился в них.

— Нет. Понимаете, мой дом находится не совсем в Элмсвиле, а чуть дальше за ним. Если ехать отсюда по третьему шоссе, левый поворот на Элмсвиле находится на двадцатой миле. Я же проезжаю еще милю и сворачиваю направо, на маленькую боковую дорожку.

— Куда ведет эта дорожка?

— К моему дому и еще двум. Но они довольно далеко от меня. Я их не вижу, они — меня.

— А в городе, где вы живете? Или вы всегда ездите в Элмсвилль?

— Нет, у меня есть небольшая квартира. Маршал-авеню, семь. Изредка я остаюсь на ночь в своей семье.

— Вы женаты?

— Да, но мы не живем вместе с женой около трех лет.

— Вы не разведены?

— Нет. Жена не настаивает, а мне совершенно безразлично. Тем более что она все-таки мать моих детей.

— Сколько их у вас?

— Двое. Сыну одиннадцать лет, дочери восемь.

— Какие у вас отношения с семьей?

— Вам это нужно, мистер Рондол? — спросил Гереро. На мгновение он было обрел прежнюю власть, и в голосе его зазвучало нетерпение.

— Не знаю, честно скажу, не знаю.

Я не врал. Я действительно не знал, что мне нужно, и просто старался выиграть время, ожидая, что в голову мне придет хоть какая-нибудь спасительная мыслишка. Я подозреваю, что врачи, расспрашивая о всякой чепухе, тоже маскируют свою беспомощность и тянут время.

— Пожалуйста, Рондол. Думаю, что жена до сих пор не может простить мне ухода. Но она порядочная женщина...

— Сколько вы даете им денег?

— Три тысячи новых долларов в месяц. Как видите, сумма вполне приличная. Кроме того, если возникает потребность в чем-то дополнительном, я, как правило, не отказываю.

Я представил себе, как миссис Гереро должна про-

сить у мужа денег на «что-то дополнительное». Не хотел бы я быть на ее месте.

— А дети?

— Дети? Чьи дети?

— Как они к вам относятся?

— Ах, как относятся? Не знаю, я их не очень часто вижу... Наверное, как обычно. Как в наше время дети относятся к родителям? В лучшем случае никак.

Я снял наушники и положил в чемоданчик. Гереро последовал моему примеру. В сущности, он был прав. Для такой беседы можно было и не напяливать на головы «сансуси».

— Послушайте, Рондол, — сказал вдруг Гереро, — ведь существуют же детекторы лжи. Может быть...

— Видите ли, их показания никогда не принимались судами, хотя когда-то в ходе следствия полиция и пользовалась иногда этими машинами. Что такое, в сущности, детектор лжи? Несколько датчиков состояния человека. Один датчик показывает давление крови, другой — электропроводность кожи, третий — частоту пульса и так далее. Изобретатели предполагали, что человек, говорящий правду, спокоен, а человек, лгущий во время допроса, нервничает. И это отражается на его физиологическом состоянии, пульс учащается, он потеет, и кожа соответственно лучше проводит электрический ток, подскакивает давление крови, ну и прочее в том же духе. Все это очень мило, за исключением одной маленькой детальки. Иному человеку соврать куда легче, чем сказать правду. На этом ведь, строго говоря, построено наше частнопредпринимательское общество. Чем больше лгут, тем оно более развивается.

— Значит, даже если бы я прошел проверку на детекторе лжи...

— Только для собственного удовольствия.

Мне показалось, что за время нашего разговора Гереро стал меньше. Как будто вместе с самоуверенно-

стью и агрессивностью он терял и вес. Он помолчал и спросил:

— А если суд признает меня виновным?

— У нас будет полтора-два месяца для апелляции, во время которых вы будете в спячке. Вы ведь знаете, что это такое?

— Да-а...

— Подсудимые просто-напросто замораживаются. Очень гуманно и экономично. Восемнадцать квадратных футов площади и полкиловатт-часа в сутки.

— А потом?

— Если мы выиграем дело в апелляционном суде, вас разморозят, пожмут вам руку и отпустят домой.

— А если проиграем?

— После приговора, а он в таких случаях, как ваш, то есть предумышленное убийство, допускает только два варианта: смерть или полная переделка, вы сами выбираете форму наказания и даете подписку. Если вы выбираете смерть, то после отказа апелляционного суда вы тихо и незаметно для себя переселяетесь в мир иной. Когда-то для казни включали ток на электрическом стуле. Теперь его выключат. Ежели вы выбрали полную переделку, вас, не приводя в сознание, подвергают так называемой психокорректировке, размораживают, проверяют и отпускают домой.

— А какова статистика? Выбирает ли кто-нибудь смерть?

— Вы не поверите, мистер Гереро, если я вам скажу, что около шестидесяти процентов подсудимых, приговоренных к смерти или полной переделке, предпочитают смерть.

— Почему?

— Вы когда-нибудь видели измененных?

— Н-нет, не думаю...

— Вообще-то, строго говоря, они остаются теми же людьми. Допустим, вы подвергаетесь полной переделке.

Вы остаетесь тем же Лансом Гереро, вы знаете, что вы Ланс Гереро, узнаете всех друзей и знакомых, помните свою предыдущую жизнь. Но вы начисто лишены агрессивности, вы не можете никому причинить зла, вы даже не можете соврать. Есть ли место для такого человека в нашей системе? Ведь он как святой, а святые как-то неважно вписываются в частнопредпринимательское конкурентное общество... Попробуйте представить, что вы не можете солгать, что вы никого не хотите загнать в угол, никому не можете причинить зла. Сможете ли вы тогда быть промышленником? Или финансистом? Или вообще преуспеть в нашем обществе? Вы молчите? Вот вам и ответ, почему шестьдесят процентов приговоренных выбирают смерть...

Мне было стыдно за себя, но я ничего не мог поделать. Я испытывал удовольствие, глядя, как с Ланса Гереро, словно шелуха с луковицы, сшелушиваются все новые и новые слои, обнажая его испуганное, человеческое естество.

ГЛАВА 3

— Гизела, — сказал я, входя в контору, — как вы думаете, чем я собираюсь сейчас заняться?

Секретарша внимательно посмотрела на меня.

— Неужели все-таки дело? — недоверчиво спросила она.

— Дело — это пустяки. Главное, я сейчас сяду за свой старый, добрый стол и...

— Уснете, как обычно? — Гизела была воплощенной невинностью. Я даже не мог рассердиться на недостаток чинопочитания.

— Нет. Я возьму ручку и выпишу чек на ваше имя. Зарплата за три месяца.

— Большое спасибо, мистер Рондол. Вы спасаете меня от голодной смерти.

Я посмотрел на Гизелу. Время от времени она сообщала мне, что твердо решила худеть. После этого она в течение нескольких дней все время что-то грызла за стенкой, звякала ложечкой о стакан и через неделю с изумлением обнаруживала, что не только не похудела, но даже поправилась. Сейчас, судя по цвету лица и по тому, как обтягивало ее тело зеленое платье, Гизела только закончила очередную попытку похудеть. Впрочем, полнота ей шла.

— Но, Гизела, — строго сказал я, — не думайте, что я плачу вам деньги зря. Найдите-ка мне вечернюю газету за девятнадцатое сентября, утренние за двадцатое, двадцать первое, телепенки с последними известиями за девятнадцатое, двадцатое и двадцать первое.

Я прошел в свою комнатку, уселся в кресло и посмотрел на блондинку с голодными глазами. Она все с таким же вожделением смотрела на масло для загара. Может быть, чуточку более страстно, чем утром.

Интересно, как я буду защищать этого бородатого игрушечника? Если бы он признался мне в убийстве, тогда хоть можно было бы думать: состояние аффекта, самозащита, шантаж с ее стороны. Банальная, но обычно довольно эффективная тактика защиты... Далеко не молодой бизнесмен, респектабельный член общества, пылко, со всей силой неизрасходованной нежности и страсти полюбил молоденькую девушку. Он принес ей свое сердце, свои чувства, свою открытую, наивную душу... Гм, наивная душа бизнесмена — прекрасно звучит... А она, эта юная расчетливая хищница, опутывает его, требуя денег, денег, денег. Ее оружие — молодость. Она пользуется им, как опытный фехтовальщик шпагой. Она для него все: жизнь, любовь, страсть. Он не жалеет для нее ничего. Он готов на все, он забывает обо всем на свете. Все, что у него было, он бросил к ногам улыбающейся хищницы, молодого вампира, высосавшего его досуха.

И вот, когда он, опустошенный и разоренный, стоит в последний раз перед ней на коленях, она заявляет ему, что его акции упали до нуля. Оскорбленный в самых своих лучших чувствах, доведенный до отчаяния страстью, он выхватывает из пиджака бумажник и с силой швыряет его в недостойную. Даже пустой бумажник бизнесмена, увы, достаточно тяжел. Удар пришелся в висок. Она упала, успев лишь прошептать: ах, как ты был прав, Ланс, когда говорил, чтобы я не думала о твоём бумажнике... Вечерние газеты вышли бы с заголовками: «Смерть в бумажнике», «Бумажник — смертельное оружие в руках бизнесмена».

Я вытащил из кармана носовой платок, но глаза мои были сухи. Я не разжалобил даже себя и уж подавно не разжалобил бы судейские машины. Ах, какое дьявольское изобретение эти электронные чудовища, заменившие и присяжных и судью. Они ведь не могут поставить себя на место обвиняемого и вспылать гневом против коварной оболъстительницы, разорившей и оттолкнувшей бедного владельца «Игрушек Гереро»...

Другое дело, если бы существовал старый, добрый суд присяжных. О, тогда среди них наверняка нашелся бы не один пожилой ловелас, обжегший крылышки на таких же Джин Уишняк... Но у электронных судейских машин, сменивших присяжных, ни один транзистор не дрогнет от таких душещипательных историй. Нет, придется, видно, бросать адвокатскую практику и становиться программистом консультационной юридической машины. И то лишь закончив специальные курсы.

— Вот газеты, мистер Рондол. — Гизела положила мне на стол «Шервуд таймс» и «Шервуд икзэминер».

— Спасибо. И никуда не уходите, пожалуйста. У нас будет много работы.

Я начал просматривать газеты. Девятнадцатого я не нашел ничего. Ни строчки. На завтра, двадцатого, в «Таймс» была крошечная заметка: «Вчера вечером в

своей квартире на Индепенденс-стрит, 18, была убита Джин Уишняк, 21 года, начинающая актриса. Убийца нанес своей жертве несколько ударов по голове. Лейтенант Бэнкс заявил, что подозрения падают на человека, который, по словам соседей, регулярно посещал мисс Уишняк в течение нескольких месяцев».

В «Икзэминер» было примерно то же самое, а завтра, двадцать первого, обе газеты сообщили об аресте Ланса Гереро, владельца «Игрушек Гереро». И все. Начинаящая актриса... Этот бородатый идиот приезжал к ней, надо думать, не раз и не два. И машину оставлял около самого дома. Да и внешность моего клиента с его окладистой черной бородой запомнить нетрудно.

А для чего, интересно, ему понадобилось морочить мне голову при помощи Урсулы Файяр? Чтобы убедить меня в своей невиновности? Какая глупость! Интересно, оставил ли Гереро какие-нибудь следы в квартире девицы? Если там есть отпечатки пальцев — а они скорей всего там есть, ведь он там бывал не раз и не два, — защита будет трудной. Чтобы не сказать большего. Главное — чтобы не оказалось прямых улик, вроде орудия убийства с отпечатками пальцев...

Надо было ехать на Индепенденс-стрит. Но прежде я позвонил сладкоголосому мистеру Нилану в «Игрушки Гереро» и спросил у него, на какой машине ездил его шеф. Оказалось, что на «шеворде» модели «клинэр». Электромобиль одного из последних выпусков. Красного цвета. Регистрационный номер ВС 17-344. Отличная машина. Их всего тысяч семь-восемь, не более. Как раз для владельцев игрушечных фирм. И всех других владельцев, конечно. Не для обнищавших адвокатов.

Я вышел на улицу. Холодный северный ветер, насыщенный влагой, неся по улице, как в аэродинамической трубе. Я посмотрел на мой маленький, израненный «тойсун». Увы, не «шеворд» и тем более не

«клинер». Но не будем снобами, господа. Тем более что даже и в «тойсуне» сейчас было лучше, чем просто на улице. Я снял с ветрового стекла несколько налипших на него листьев, сел в машину и отправился на Индепенденс-стрит.

Индепенденс-стрит принадлежит к тем улицам, у которых какой-то неопределенный характер. Они никак не могут решить, то ли продолжать цепляться за исчезающую респектабельность, то ли смириться с судьбой и медленно опуститься к статусу трущоб.

Эти двойственность и нерешительность видны во всем. И в неуверенных шагах наркомана, который еще стесняется своего порока, и в кое-как выкрашенных фасадах старых, давно не ремонтировавшихся зданий, похожих на лица молодящихся старух, и в брезгливых лицах пенсионеров, вспоминающих, должно быть, старые, добрые времена.

Дом оказался классом выше, чем я предполагал. В нем, наверное, даже были ковровые дорожки на лестнице. Впрочем, имея таких поклонников своего расцветающего таланта, как Ланс Гереро, бедная Джин Уишняк могла позволить себе жить в приличном доме.

Я стоял на тротуаре, подняв воротник, и ждал. В наши дни достаточно постоять около дома несколько минут, чтобы вызвать чьи-нибудь подозрения.

Первым откликнулся на мой призыв немолодой человек, который явно забыл утром побриться. Скорее всего с похмелья, судя по его рачьим, красным глазам.

— Ждете, — сказал он удивительно ровным голосом. Не то вопрос, не то утверждение.

— Меня зовут Язон Рондол. — Я улыбнулся со всем доступным мне дружелюбием и приподнял шляпу. — Вот моя карточка. Я адвокат Ланса Гереро. Человека, который...

— А, это тот, кто пристукнул мисс Уишняк. С бородой.

— Я еще не уверен, что пристукнул ее именно он, — еще дружелюбнее улыбнулся я, — но что он с бородой — это святая правда.

Небритый подозрительно посмотрел на меня. Игривость моего тона показалась ему, наверное, какой-нибудь ловушкой. Кроме того, на Индепенденс-стрит уже давно не шутили. Не та это была улица, чтобы шутить здесь.

— На то и адвокаты, — неопределенно сказал он и облизнул пересохшие губы.

Я достал из кармана пятидолларовую бумажку.

— На то и адвокаты, — повторил небритый, и глаза его, которые впились в банкнот, стали похожи на глаза блондинки на моем настенном календаре. Если платить всем жителям Индепенденс-стрит по пяти НД, подумал я, завтра я должен буду сам стать на углу с протянутой рукой. Но небритый был первый. Ему повезло. Должно же когда-нибудь везти и таким людям, как он.

Я протянул ему руку с бумажкой. Он протянул мне свою без бумажки. На полпути руки встретились и поменялись ролями.

— Мистер...

— Ларри Ковальски, — представился небритый. С деньгами в кармане он выглядел гораздо уверенней. И даже седая щетина на его щеках стала казаться меньше. Он даже помолодел. Ровно на пять НД.

— Мистер Ковальски, моего клиента подозревают в том, что он убил мисс Уишняк...

— А чего подозревать... — не то спросил, не то подтвердил Ковальски. — Ну, он ее пристукнул, тут и говорить нечего. Если, конечно, кому поговорить охота, тогда конечно. А так, чего ж говорить...

— Почему вы так думаете?

— А чего думать, я тут в этом и соседнем доме... ну, как бы привратник... Ну, чтоб чисто было, порядок...

и вообще. Ну, я, конечно, почти всех жильцов знаю. Вижу, что к чему, кто к кому. Ну, Джин Уишняк, конечно, хорошая была девочка. Добрая. Всегда поздоровается первая, улыбнется, конечно. А он к ней все время ездил. Староват для нее, тут спору нету, ну зато он при деньгах.

— Кто он?

— А этот, с бородой.

— Кто с бородой?

Привратник посмотрел на меня с легким сожалением. А может быть, и презрением. Что взять с такого глупого человека.

— Тот, кто к ней все время ездил. Полиция, когда меня допрашивала, мне целый ворох карточек высыпала. Ну, я его, конечно, сразу признал.

— Только по бороде?

— Ну зачем только по бороде? Я с ним, конечно, не разговаривал, но видел много раз, хотя все больше вечером. Солидный такой мужчина. Ну, конечно, немолодой уже, ежели с покойницей сравнивать. Так он, с другой стороны, и за квартиру ее платил. А это, конечно, не шутка. Сто пятьдесят в месяц вынь да положь. Считай, на всей улице лучший дом. Так что старый, не старый, а она рада была.

— А откуда вы знаете, что платил он?

— Так мне сама мисс Уишняк говорила. Ну, конечно, он человек состоятельный...

— А называла она его имя?

— Нет, так чтобы по имени, нет. Но говорила мне: Ларри, а мой-то знаешь, что делает? Игрушки. А имя уже я потом услышал. Как его там, Ланс Гереро. Ну, когда его арестовали.

— А почему вы уверены, что убил мисс Уишняк именно Гереро?

— Ну, я, конечно, при этом не присутствовал, но он в тот вечер у ней точно был. Я еще помню, как его ма-

шину увидел, подумал: ну до чего ж красавица, глаз не отвести.

— А какая у него машина?

Ковальски посмотрел на меня с изумлением: как это можно было не знать, на чем ездит Ланс Гереро? Должно быть, этот «шеворд» обсуждался здесь не раз и не два.

— Как какая? «Шеворд», конечно. «Клинэр».

— А номер вы не запомнили?

— А зачем мне было номер запоминать?

— А где обычно оставлял машину мистер Гереро?

— Ну, конечно, немного в стороне. Стеснялся, наверное. Вот больше у того дома.

Боже, подумал я, если бы только я был не защитником, а следователем. Какая бы это была поучительная и приятная беседа... я бы обнял мистера Ковальски и поцеловал его в небритые щеки. Свидетель экстра-класса. Но только обвинения.

— Скажите, мистер Ковальски, а мисс Уишняк поддерживала с кем-нибудь здесь дружеские отношения?

— Ну, конечно. С Агнессой Анджело. Я их часто вместе видел.

— Она здесь живет?

— Здесь, здесь. С матерью. Квартира четыре «б». Второй этаж.

— Как вы думаете, когда ее можно застать?

— Да хоть сейчас. Дома она. Она в это время всегда дома... Все работу ищет... Считай, как школу бросила, так до сих пор не смогла устроиться... Да и то, винить ее, конечно, трудно, сами знаете, как сейчас с работой...

Мисс Анджело оказалась девушкой лет семнадцати. Когда она узнала, что я адвокат Гереро, она пришла в такое возбуждение, что казалось, вот-вот не выдержит и заплачет. Я думал, что она убивается из-за погибшей подруги, но она, оказывается, думала о том,

как будет выступать на процессе. Ее звездный час. Я не удивился бы, если бы узнал, что она уже сейчас присматривает себе туалет для свидетельских показаний. Бедная рыбка в море анонимности, которой раз в жизни посчастливилось подняться к поверхности.

Она не хотела слушать меня. Не я задавал ей вопросы, а она мне.

— Мистер Рондол, а вы уверены, что мне придется выступать на суде?

— Если вы что-нибудь знаете о погибшей...

— Я все знаю. А по телевидению будут показывать суд?

— Боюсь, что нет, во-первых...

— А газеты писать будут?

— Будут, наверное...

— Мистер Рондол, а...

— Дитя мое, — решительно сказал я, — если вы мне зададите еще один вопрос, я сделаю все, чтобы вы не были свидетелем.

Агнесса подняла на меня испуганные глаза. От возбуждения на верхней губе у нее выступили капельки пота.

— Простите, мистер Рондол. А если я...

— Мисс Анджели! Вы обещали!

Агнесса несколько раз хлопнула себя ладошкой по губам.

— Простите. Честное слово, я больше не буду.

— Скажите, мисс Анджели, мисс Уишняк рассказывала вам что-нибудь о себе, о своем друге, который посещал ее?

— Она все рассказывала мне. Мы были подругами... — девушка говорила быстро, давась словами. Наверное, она боялась, что я вдруг не поверю ей.

— Она называла вам имя человека, который...

— Который содержал ее? — перебила меня Агнесса. В отличие от меня она меньше выбирала слова. — Нет,

имени она не называла. Я ее спрашивала, кто он. А она говорит: «Я дала ему слово не называть его имени». Но я все равно знала точно.

— Откуда?

— Она мне говорила, что у него фирма, которая делает игрушки. И показывала некоторые игрушки. Одна просто замечательная. В большой такой коробке обложка из серебристого пластика. Ее надуваешь патрончиками такими, как для сифона, знаете? И получается такая длинная толстая колбаса. Дири... как это называется?

— Дирижабль?

— Вот-вот! Дирижабль. Внизу подвешивается такая корзиночка с крохотным пропеллером, и этот дирижабль прямо плавает по воздуху. Знаете, сколько стоит такая игрушка?

— Нет.

— Семьдесят пять НД, вот сколько.

— Но откуда же вы все-таки знаете имя владельца фирмы?

— А по коробке. Там такая красная лента, и по ней название «Игрушки Гереро». Ну, я не глупенькая, я сразу догадалась, что поклонник Джин как раз и есть Гереро.

— А вы его самого видели когда-нибудь?

— Один или два раза, из окна.

— Вы бы его узнали?

— А я его уже узнала.

— Когда?

— Когда полиция допрашивала меня. Они мне показывали фотографии мужчин... Я его сразу узнала. Ну, почти сразу. В нем, знаете, сильно мужское начало...

— Что, что?

— Ну, мужское начало. Так говорят... Это такое выражение.

— Помню. Скажите, Агнесса, а мисс Уишняк что-нибудь рассказывала вам о характере Гереро? Какой он? Как себя ведет?

— О, сколько раз!

— И что же она вам рассказывала?

— Что он властный, нетерпеливый, вспыльчивый... Как бы я хотела, чтобы у меня тоже был такой друг!

— И чтобы он вас тоже отправил на тот свет? — не удержался я. Кажется, я старею, потому что все чаще ловлю себя на том, что становлюсь моралистом.

На мгновение лицо девушки вытянулось.

— Не-ет, — испуганно пробормотала она.

— Это хорошо, — вздохнул я. — Я рад, что вы такая разумная девушка, с такими прекрасными идеалами.

Агнесса подозрительно взглянула на меня. Должно быть, ее насторожило слово «идеалы». На Индепенденс-стрит этим словом не пользовались, а во всем новом для таких, как Агнесса, таится угроза. Маленький зверек городских джунглей.

— А вы будете на суде? — спросила она.

Бедная дурочка, она даже не поняла, что ее нелепый вопрос не столь уж глуп. Пока что я не знал, для чего мне присутствовать на суде Ланса Гереро. Разве что зрителем. Все, буквально все, что я узнал до сих пор, укладывалось в схему, как химические элементы в клеточки таблицы. Не в мою схему, а в схему обвинения. Немудрено, что прокурорский компьютер выдал ордер на арест. С таким же успехом он мог бы сразу вынести и приговор. Я бы, конечно, не получил своего гонорара, но, с другой стороны, не чувствовал бы себя мародером, стаскивающим сапоги со смертельно раненого на поле боя. Именно мародером, потому что пока у меня не было ни малейшего представления, как защищать Ланса Гереро. Ни малейшего.

Я вышел на улицу. Ветер стих, но пошел дождик. Мелкий осенний дождик. На ветровое стекло моего

«тойсуна» снова налипло несколько листиков. Бог с ними, с листиками, пусть покатаются со мной. Не каждому листу ведь выпадает такая честь — ездить с адвокатом, который и понятия не имеет, как он будет защищать своего клиента... Бородатый идиот! Если уж ему приспичило прикончить свою любовницу, неужели же нельзя было сделать это как-нибудь более изысканно и дать мне хоть какой-нибудь шанс?

ГЛАВА 4

Я приехал в контору и просмотрел телепленки, которые достала Гизела. Абсолютно ничего нового, за исключением того, что они показали фото Джин Уишняк: Обычная девушка с довольно простеньким, доверчивым лицом.

Я попросил Гизелу разыскать мне миссис Урсулу Файяр. К моему удивлению, она это сделала довольно быстро. Я взял трубку и услышал низкий ленивый голос. Даже если бы я не знал, кому он принадлежит, я бы все равно почувствовал, что его обладательница — женщина, уверенная в себе, женщина, которая не привыкла торопиться. Особенно на работу.

— Миссис Файяр?

— Да.

— С вами говорит Язон Рондол, адвокат Ланса Герро.

— Очень приятно. И чем же я обязана такой чести? — К властным ноткам в ее голосе теперь добавились и чуть насмешливые.

— Видите ли, я бы хотел поговорить с вами...

— А по телефону это сделать нельзя?

— Боюсь, что это не совсем телефонный разговор.

— Гм... Вообще-то можете говорить смело, мой те-

лефон не прослушивается, но, если вы настаиваете, что ж, приезжайте.

— Когда?

— Можете приехать сейчас.

Она положила трубку. Естественно. Такие дамы не спрашивают, могут ли приехать к ним именно сейчас, не дают своего адреса, не объясняют, как проехать. Урсула Файяр! Этим сказано все. О, эти люди обладают тысячами элегантнейших способов унижить ближнего, кротко и ненавязчиво дать понять, кто есть кто.

Я думал об этом, пока ехал в Блэкфилд. Самое смешное, что я действительно знал адрес мистера Файяра. Не помню уж откуда, но знал. Мистер Файяр из Блэкфилда. Файяр де Блэкфилд. Мсье Файяр де Ша Нуар. Герр фон Шварцфельд.

Последнее время я все чаще ловлю себя на неприязни к богатым. Может быть, потому, что два месяца у меня не было клиентов и я чувствовал, что имущий класс вступил против меня в заговор, поклявшись или не совершать преступлений, или не пользоваться моими услугами. Скорее, пожалуй, второе. Без первого не прожить им, без второго мне.

Через полчаса я уже был в Блэкфилде и остановился у массивных металлических ворот с крошечной медной табличкой «Файяр». В размере таблички тоже было тонко рассчитанное напоминание, что владелец этого замка не нуждается в рекламе.

Из будки выползло огромное человекообразное существо. Впрочем, с человеком его роднил только пистолет на боку. Похоже, что Файяру и ему подобным удалось вывести новый вид животных, скрестив фамильного слугу с гориллой.

Гибрид посмотрел на мой заляпанный грязью пятнистый «тойсун» с таким презрением, что мне захотелось тут же броситься к машине и начать обтирать ее носовым платком.

— Фамилия? — Голос у гибрида зарождался где-то в глубине его необъятного туловища, с трудом поднимался к поверхности и превращался наконец в инфразвуковое ворчание.

Мне на мгновение захотелось пасть ниц. Уж не знаю, каким усилием воли я удержался на ногах и даже смог сказать, что я Язон Рондол.

Чудовище проклокотало нечто неясное и открыло ворота. Я проехал метров пятьдесят по дорожке, и передо мной открылся изумительный по красоте дом. Длинный, низкий, всего этажа в полтора, как-то удивительно ловко врезанный в зелень, он походил на какой-то странный корабль, плывущий по желто-коричневому сентябрьскому морю. Я вышел из машины, ощущая всей кожей теперь уже не только принадлежность моего бедного «тойсуна» к низшей механической расе, но и свою собственную неполноценность.

Не успел я подойти к двери, как она распахнулась, и я даже отпрянул от неожиданности. Очевидно, подсознательно я ожидал увидеть еще одно такое же чудовище, как у ворот, разве что меньше размером, но передо мной стояла красавица. Настоящая красавица. Рыжие волосы и прозрачные фиолетовые глаза в пол-лица. Мисс Блэкфилд. Мисс Шервуд. Да что там Шервуд, мисс Вселенная!

— Добрый день, мистер Рондол, — улыбнулась мисс Вселенная, — миссис Файяр ждет вас.

Что еще ждало меня? Герольды с серебряными трубами? Стража с алебардами? Шуты в колпаках с бубенчиками? Мадам Файяр в огромном кринолине?

Но она оказалась не в кринолине, а в обыкновенных черных брюках. Ей было, по-видимому, под сорок. А может быть, много больше. Или много меньше. Она была стройна, даже худа, седа и элегантна до слез.

— Садитесь, мистер Рондол, — кивнула она мне на

глубокое кожаное кресло, в котором можно было легко утонуть. — Я вас слушаю.

— Миссис Файяр, — сказал я, борясь с невольной почтительностью в своем голосе, — вы знаете, что случилось с мистером Гереро?

Она на какую-то долю секунды замешкалась.

— Нет, а что с ним?

Она лгала. Я был уверен, что она лгала, и не очень ловко. И сразу исчезли шуты и герольды, и кресло приобрело нормальную твердость. Она лгала самым банальнейшим образом, как все смертные.

— Он арестован по обвинению в убийстве.

И снова она не сразу решила, как реагировать на мои слова.

— Бедный Ланс, — наконец пробормотала она. — Как же это с ним случилось?

— О, миссис Файяр, вы найдете детали в газетах за двадцатое сентября.

— Я не читаю газет.

— Суть заключается в другом. Мой клиент утверждает, что в то время, когда было совершено убийство, то есть вечером девятнадцатого сентября, между девятью и десятью, он находился в своем доме в Элмсвиле. К сожалению, подтвердить это утверждение может только один человек. Вы.

— Я?

— Да, мадам. Мистер Гереро утверждает, что в тот вечер вы были у него.

Миссис Файяр внимательно посмотрела на меня, подняла глаза, словно обдумывала что-то, слабо улыбнулась.

— Я была бы рада помочь мистеру Гереро, он мой хороший знакомый, но, согласитесь, давать ложные показания на суде...

Теперь я уже не был уверен, что она лжет. Но в равной степени и не был уверен в обратном. Ее искрен-

ность походила на ее возраст. Все зависело от мгновения, от взгляда.

— Значит, мадам, вы не были в тот вечер в Элмсвиле?

— Вы удивительно сообразительны, мистер Рондол. В тот вечер я не была в Элмсвиле. Как не была там, впрочем, в какой-нибудь другой вечер. Или утро. Я никогда не была у мистера Гереро. Мы добрые знакомые и иногда встречаемся у наших общих друзей, но он ни разу не приглашал меня к себе. А я... — Она кокетливо улыбнулась. — А я... пока еще не научилась набиваться на такие приглашения.

Она подняла глаза и внимательно посмотрела на меня.

— Если это все...

— Могу ли я спросить вас, мадам, где вы были вечером девятнадцатого? Я вовсе не допрашиваю вас, и вы вовсе не обязаны отвечать мне, но если на суде возникнут...

— Меня не интересует, что может возникнуть на суде, — холодно ответила миссис Файяр. — Я понимаю, Гереро хотел бы иметь алиби, но, увы, я не могу помочь ему. В тот вечер я его не видела. Что делать, мистер Рондол, может быть, мне нужно было бы солгать и сказать, что я была у него, но я такая старомодная дура, что не умею лгать. Поверьте, это нелегко.

— Вы были дома?

— Вы все-таки допрашиваете меня, мистер Рондол? Извольте, я отвечу вам. Я не была дома. И чтобы вы не тратили время попусту, расспрашивая моих слуг, могу сказать, что я уехала часов в пять и вернулась после одиннадцати. И все это время я была одна. За городом. Я гуляла. Я не ужинала в маленьких придорожных кафе, не подзаряжала батареи на зарядных станциях, ни с кем не разговаривала. Я просто гуляла. Од-

на. Я очень люблю гулять одна. А теперь, мистер Рондол, с вашего разрешения...

Она посмотрела мне прямо в глаза, и лицо ее было холодно. Она встала.

— Благодарю вас, миссис Файяр, — сказал я, вылезая из кожаного плена. — Вы очень помогли мне.

Если бы я не был уверен, что Гереро действительно убил Джин Уишняк, я готов был бы поклясться, что Урсула Файяр врет и что тот вечер она провела в Элмсвиле.

Что значит принадлежать к сливкам общества! Можно смотреть холодными лживыми глазами и улыбаться при мысли, что твой любовник вот-вот отправится на тот свет. Пожалуй, это даже не сливки общества, а особая раса. Хотя, если подумать, я мог бы назвать нескольких человек, которые дали бы миссис Файяр несколько очков форы, хотя находились в другой имущественной категории. А может быть, это вообще идеал нашего общества? Холодный расчет и свирепый эгоизм.

До свидания с Гереро у меня оставалось много времени, и я решил побродить немного по Блэкфилду. Я оставил машину у зарядной станции и уже через пять минут оказался в чудесной рощице. Дождь давно прекратился, из нескольких рваных дыр в лохматых облаках землю заливала трогательно-беспомощная осенняя голубизна. Опавшая листва шуршала под ногами. Показалось солнце, и деревья вспыхнули желтым светом.

Если бы я мог забыть Гереро, как хорошо было бы погулять здесь часок-другой! Одному. Как миссис Файяр. Но она умела гулять одна, не беспокоясь о борода-том милстере Гереро. Я же этому еще не научился. Я не мог не думать о своем клиенте. Я не мог не думать о деле..

Не мог. Всякий раз, когда я берусь за какое-нибудь

дело, я буквально погружаюсь в него. Даже тогда, когда я не думаю о нем, подсознательно мысль продолжает работать. Но на этот раз случай был особый. Обычно, когда занят делом, перебираешь огромное количество фактов, деталей, вариантов, теорий. Складываешь их так или эдак, примеряешь, сравниваешь, ищешь внутренние противоречия или, наоборот, связи. На этот раз все было не так. У меня практически не было никаких вариантов. Никаких версий, никаких теорий, даже никаких фактов, не считая тех, которые будут использованы обвинением. У меня нет свидетелей, у меня нет ничего. Я на дне глубокого колодца и хватаюсь за стенки. Но стенки гладкие, без единой трещины, без единой выбоины. Некуда поставить ногу, не за что уцепиться.

Ланс Гереро бывал у Джин Уишняк, его там видели не раз, он содержал ее, в тот вечер он тоже был у нее. Возможно, полиция нашла и отпечатки его пальцев. С другой стороны, Урсула Файяр лжет. Я чувствовал это каждой клеточкой своего тела.

Я остановился, привлеченный шорохом листьев. Из-под моих ног выпрыгнул лягушонок, посмотрел на меня взглядом мадам Файяр — ну, что ты можешь сделать со мной? — и исчез в луже.

Я вернулся к своему замызганному «тойсуну» и поехал в Шервуд. В 1-ю городскую тюрьму, к клиенту, которого я не знал, как защищать.

Должно быть, Гереро не спал всю ночь, потому что под глазами у него легли тени, и выглядел он сегодня лет на десять старше, чем вчера. Когда я вошел в камеру, он вопросительно посмотрел на меня. На мгновение в его глазах вспыхнула надежда, но тут же погасла. Он ни о чем не спросил меня. Я молча уселся на единственный стул, а он начал ходить по камере. Пять шагов вперед, пять назад. Поскольку длина камеры двенадцать футов, можно было определить, что один

шаг Гереро чуть меньше ярда. Ну вот, поздравил я себя, появились и первые умозаключения.

— Послушайте, мистер Гереро, — сказал я, — могу я задать вам один вопрос?

— Попробуйте, — пожал он плечами, не прерывая прогулки.

— Вы убили Джин Уишняк?

Он остановился и пристально посмотрел на меня.

— Нет, Рондол, — покачал он головой, — я не убивал Джин Уишняк. Я никогда не видел Джин Уишняк, никогда не слышал ее имени до момента ареста. Это чудовищно, понимаете, чудовищно... Я ни на секунду не сомкнул ночью глаз. Моментами мне начинало казаться, что я схожу с ума. Этого ведь не может быть. Этого ведь действительно не может быть?

— Я адвокат, мистер Гереро. До этого, как вы знаете, я был частным детективом. А еще раньше я работал в полиции. Я привык иметь дело с фактами. И суд имеет дело с фактами. Особенно электронный суд.

— Вы были у Урсулы Файяр? — перебил он меня.

— Да.

— Она отрицает?

— Да.

— Я в этом не сомневался... Какое она произвела на вас впечатление?

— Мне показалось, что она лжет.

Гереро остановился и посмотрел на меня.

— У вас действительно такое впечатление?

— Да.

— Спасибо.

— За что?

— Это хоть маленький якорек. Не знаю, удержит ли он меня от безумия... — Он покачал головой. — Понимаете, я начинаю сам сомневаться. Все как в зыбком тумане. Неясно, размыто. Призрачно. Нет уже ясного

самоощущения, как всегда. И ползут, ползут мысли: а может быть, у тебя раздвоение личности? А может быть, провалы в памяти? А может быть, ты давно уже сошел с ума? Я отпихиваю эти мысли, давлю их, как змей, а они все ползут и ползут... Боюсь, я долго не выдержу... А может быть, это было бы даже лучше...

— Мистер Гереро, — сказал я зло, — я не подозревал, что вы умеете так образно говорить. Постарайтесь лучше сосредоточиться: может быть, вы что-нибудь забыли? Какие-нибудь детали, что-нибудь? Неужели вас никто не видел в тот вечер?

Я был зол, потому что он сказал примерно то, что я испытывал сам. В меньшей, разумеется, степени.

— Нет, — покачал он головой. — Мне нечего сказать. Я рассказал вам все.

Когда тюремщик открыл дверь камеры и я встал со стула, Гереро вдруг спросил меня:

— Вы уже говорили мне давеча об измененных... А вы... сталкивались с ними?

— Да, конечно.

— Расскажите мне еще о них.

— Они люди. Даже лучше, чем мы с вами. Они добры и кротки. Они такие, какими должны были бы быть все. Но так как все не такие, они заклеены. Добротой и кротостью. Их боятся и сторонятся. На них смотрят с испуганной брезгливостью, хотя они даже теоретически не могут никому причинить зла. Они антипод тем героям, которые воплощают идеалы нашего общества, от гангстера до, простите, бизнесмена. И поэтому — и это не парадокс! — измененные вызывают больше страха, чем, скажем, убийца...

— Вы идете, мистер Рондол? — спросил тюремщик.

— Иду.

Не прощаясь с Гереро, я вышел из камеры.

Самое страшное, когда заключенный начинает ду-

мать об измененных. Это значит, он перестает бултыхаться и собирается идти ко дну. Он уже мысленно сдался. И чем больше он думает об измененных, тем услужливее мысль расписывает их. Все зависит от точки отсчета. Здоровый, преуспевающий человек содрогается при мысли о том, что может стать измененным. Заключение, ожидающий суда и уже потерявший надежду, смотрит на такую перспективу совсем другими глазами...

* * *

В оставшиеся до суда дни я метался как затравленный. Я несколько раз был на Индепенденс-стрит, я разговаривал со всеми, кто видел там Гереро, я еще раз разговаривал по телефону с Урсулой Файяр, добился проверки психического состояния Гереро — все было напрасно. Мы были там же, с чего начали. Мы не продвинулись ни на шаг.

Я стал злым и раздражительным. Дважды я орал на Гизелу так, что у нее наворачивались слезы на глазах. Дважды, когда я ставил в гараж машину, я задевал за край ворот. Раньше ничего подобного со мной не случалось.

В день суда я проснулся рано и долго лежал неподвижно, слушая страстное воркование голубей за окном. Когда я был маленьким, я долго думал, что это кто-то стонет, что кому-то очень плохо, что кто-то умирает. Я боялся спросить у матери, кто умирает, потому что боялся смерти и боялся говорить о ней. А умирающий продолжал стонать изо дня в день, не теряя сил, и мой детский умишко начал сомневаться. Тогда я увидел сизых, жирных голубей на карнизе.

Никогда я еще не ощущал себя таким беспомощным. Я ехал не в суд, нет. Скорее в цирк, где клоун Язон Рондол будет смешить уважаемую публику.

Разглядывая публику, я заметил немолодую женщину, которая смотрела на Гереро со странным выражением лица. Что-то вроде жадного любопытства, смешанного со страхом.

— Вы случайно не знаете вон ту женщину в сером костюме? — спросил я у Гереро.

— Случайно знаю. Это моя жена.

Занял свое место обвинитель, Анатолий Магнусон, помощник окружного прокурора. Неплохой парень, хотя звезд с неба не хватает. Впрочем, для нашего дела теперь не только что звезд, даже мозгов иметь не нужно. Мозги у машины. Отличные электронные мозги, не обремененные мыслями о заработке, о своей репутации, эмоциями и прочими жалкими порождениями килограмма серого вещества, что мы таскаем в своих черепных коробках. А вот и судья-контролер. Его я тоже знаю, Роджер Ивама.

— Встать, суд включен, — громким фальцетом пропел секретарь-контролер.

Щелкнули выключатели, на главной судейской машине и на трех машинах жюри вспыхнули красные лампочки.

— Народ против Ланса Гереро, обвиняемого в убийстве Джин Уишняк, — объявил судья. — Джентльмены, я как судья-контролер проверил работу главной судейской машины и машин жюри и нашел их в полном соответствии с нормой и готовыми к судейскому разбирательству. Согласно процедуре электронных судов тесты проводились голосом и в письменной форме. Обвинение и защита могут провести самостоятельную проверку. Мистер Магнусон?

— Обвинение отказывается от проверки, ваша честь, — сказал Магнусон.

— Мистер Рондол?

— Защита отказывается от проверки, ваша честь, — пробормотал я.

— Прекрасно. Мистер Магнусон, обвинительное заключение.

— Ваша честь, — сказал помощник прокурора, — защита знакома с обвинительным заключением. Вы тоже. Я приготовил несколько копий для главной судейской машины и для машин жюри. С вашего разрешения мы сейчас введем их.

— Вводите.

Магнусон подошел к главной машине, положил на вводный поднос несколько листов, склеенных в ленту, которая тут же быстро вползла в узкую щель ввода, похожую на стариковский беззубый рот.

Ту же операцию он проделал с тремя машинами жюри.

— Мистер Магнусон, ваши свидетели, — сказал судья-контролер.

— Обвинение вызывает сержанта полиции Ли Медину.

Сержант, высокий черноволосый человек, занял свое место.

— Свидетель, ваше имя и должность?

— Ли Медина, сержант полиции Шервуда.

— Положите правую руку ладонью вниз на регистрационную машину.

Сержант прижал ладонь к стеклу машины, и на табло вспыхнуло его имя, год рождения, номер свидетельства о рождении.

— Мистер Медина, что вы можете сообщить суду по поводу убийства Джин Уишняк?

— Девятнадцатого сентября сего года, в девять часов сорок две минуты в полицию позвонила женщина, которая назвалась миссис Марией Анджело и сообщила, что ее дочь Агнесса Анджело только что обнаружила убитой Джин Уишняк. Мы тут же выехали по ука-

занному миссис Анджело адресу на Индепенденс-стрит, поднялись в квартиру шесть «а». Входная дверь была открыта...

— Какой замок на двери? — спросил помощник прокурора.

— Два. Замок, запирающийся только изнутри, и замок фирмы «Дюрандаль», запирающийся снаружи ключом.

— Благодарю вас, сержант. Продолжайте.

Сержант был спокоен. В глазах тлея скука. Это была его работа. Будни блюстителей закона. Трупом больше, трупом меньше. Свидетельством больше, свидетельством меньше, какая разница?

— В квартире две комнаты и кухня. Мисс Уишняк лежала на полу в большой комнате. Врач, прибывший с нами, констатировал смерть от удара твердым предметом по голове.

— Не углубляйтесь в медицинские детали, сержант. Это сделает врач. Продолжайте.

— Простите, но я должен сказать об орудии убийства...

— Хорошо.

— По характеру ран врач высказал предположение, что удары были нанесены металлическим тяжелым предметом с довольно острыми краями. Наше внимание привлекли два металлических подсвечника, стоявшие на столе. Оба были отправлены на лабораторный анализ. На одном из них обнаружены следы кровавых пятен, причем группа крови соответствует группе крови убитой. Вот результаты анализа.

— Хорошо, — сказал судья-контролер, кивнув помощнику прокурора, — можете ввести анализ в машины. Надеюсь, вы заготовили достаточное количество копий?

— Да, ваша честь, — молодежато ответил обвинитель. — Сержант, — повернулся он к свидетелю, —

обнаружил ли что-нибудь еще лабораторный анализ?

— Да, — кивнул сержант, — на том же подсвечнике, на котором были найдены пятна крови, были обнаружены отпечатки пальцев. Тот, кто держал его в руках, попытался стереть их, но сделал это недостаточно тщательно. В результате удалось получить три достаточно четких снимка. Они были введены в большую регистрационную машину шервудской полиции.

— Что показала машина? — спросил обвинитель. Как опытный режиссер, он чувствовал, когда нужно сделать паузу. Чтобы хоть как-то поддержать интерес к делу, от которого вот-вот заснут и люди и машины. Все ведь так просто.

— Отпечатки пальцев на подсвечниках принадлежали Лансу Гереро.

— Провели ли вы контрольные сравнения после ареста мистера Гереро?

— Да, мистер Магнусон.

— И каковы же результаты?

— Отпечатки пальцев на подсвечниках принадлежат мистеру Лансу Гереро. Вот увеличенные фото отпечатков.

— Обвинение может ввести фото в машины, — кивнул судья-контролер.

— Благодарю вас, сержант. Прошу, мистер Рондол, — помощник прокурора был со мной подчеркнут вежлив. Он жалел меня. Он знал, что я загнан в угол и стою там со связанными руками. Я даже не волновался. Странное оцепенение охватило меня. Я не мог защищать Гереро. Даже лучший в мире альпинист не может влезть по абсолютно вертикальной отполированной стене. А дело Гереро было именно такой стеной. Я мог только броситься на колени и просить суд, чтобы он пожалел Гереро, пробившего голову девчонке, и Язона Рондола, который на глазах у всех теряет свое

профессиональное лицо. Что я мог спросить сержанта? О чем? Поставить под сомнение результаты анализа крови? Попросить объяснить мне, что такое дактилоскопический отпечаток? Я и так уже видел, что это были одни и те же отпечатки. Я даже был уверен в этом до суда.

— У защиты нет вопросов к свидетелю.

— Хорошо, — сказал судья-контролер. — Мистер Магнусон, можете вызвать вашего следующего свидетеля.

— Обвинение вызывает полицейского врача Джеймса Вандершмидта.

Мистер Вандершмидт привычно занял свое место, привычно прижал ладонь к стеклу регистрационной машины, привычно повернул голову в сторону стола обвинения. Он был абсолютно лыс. Голова его сияла, отражая свет ламп. Зато короткая бородка начинала расти от самых глаз.

— Мистер Вандершмидт, — сказал обвинитель, — вы проводили вскрытие тела мисс Уишняк?

— Да.

— Что вам удалось установить? Только, пожалуйста, не вдавайтесь в детали. У меня есть акт вскрытия, и, если защита не будет настаивать, мы просто введем его в машины.

— Если, как вы говорите, не вдаваться в детали, то можно сказать, что смерть мисс Уишняк была вызвана ударом тяжелого металлического предмета с довольно тонким закругленным краем. Именно этот край способствовал тому, что из четырех нанесенных ран две оказались смертельными.

— Мистер Вандершмидт, — спросил помощник прокурора, — мог ли подсвечник быть именно тем орудием, при помощи которого были нанесены раны?

— Да, мистер Магнусон.

— Были ли обнаружены на теле убитой какие-нибудь следы борьбы?

— Нет, мистер Магнусон.

— Можно ли по характеру ран установить, были ли они нанесены спереди, сбоку, сзади?

— С абсолютной уверенностью нет, поскольку вполне вероятно, что в момент удара или перед ним жертва могла повернуть голову, но скорее всего удар был нанесен сзади.

— Благодарю вас, доктор. Защита, свидетель в вашем распоряжении.

Что я мог спросить? Тонкими вопросами вынудить доктора признать, что убийца, быть может, стоял не позади, а сбоку? Ура, колоссальная победа! Неожиданный поворот в ходе процесса! Обвинение посрамлено! Знаменитый адвокат Язон Рондол ставит в тупик обвинение, доказав, что его подзащитный раскроил голову девушке, стоя не сзади, а сбоку!

— У защиты нет вопросов.

Место доктора занял крошечный человечек с оттопыренными, как у мышки, ушами. У него была вытянутая мордочка с мигающими глазками. Я подумал, что, если в зале суда была бы кошка, она обязательно бросилась бы на эту мышку. Мышка назвалась профессором Вудбери и не без гордости сообщила суду, что заведует лабораторией звукозаписи в Шервудском университете и служит консультантом в двух фирмах, выпускающих пластинки.

Выяснилось, что согласно акту осмотра квартиры Джин Уишняк там был обнаружен магнитофон и двенадцать кассет. На одиннадцати были музыкальные записи, на двенадцатой — запись женского и мужских голосов.

— Мистер Вудбери, — сказал Магнусон, — мы просили вас сравнить два мужских голоса на двух пленках, которые мы передали вам.

— Совершенно верно.

— И каковы же результаты?

— Оба голоса принадлежат одному и тому же лицу.

— Вы в этом уверены?

Мышка снисходительно улыбнулась.

— К сожалению, — пропищал профессор, — не все отдают себе отчет в том, что голос столь же индивидуален, столь же неповторим, как и отпечатки пальцев. И подобно тому, как дактилоскопический метод практически полностью исключает возможность ошибки, поскольку она исчезающе мала, так и анализ голоса, его составных элементов: тембра, высоты и так далее — дает абсолютно точные результаты. Фонограмма голоса столь же надежна, как и дактилоскопия.

— Это можно доказать, профессор?

— Разумеется. Мы получили фонограммы двух голосов и сравнили их. Они тождественны. Вот эта фонограмма. Видите, даже неопытный глаз сразу может определить, что сходство полное. И у фонограммы «А» и у фонограммы «Б» совпадают буквально все элементы.

— А может ли суд просто послушать эти пленки? — спросил судья-контролер.

— Разумеется, разумеется, если, конечно, здесь есть магнитофон, — пискнул профессор.

— Обвинение приготовило магнитофон, — сказал Магнусон. — Вначале, ваша честь, мы поставим пленку, найденную в квартире убитой.

Раздался женский смех:

— Ну говори же, Ланс, говори... Экий ты упрямый... Если ты ничего не скажешь, я заставлю тебя проглотить микрофон.

Послышался громкий вздох, и мужской голос, голос Ланса Гереро, сказал:

— Ну что мне тебе сказать, глупышка? Что я тебя люблю?

— А вот запись голоса, сделанного на предварительном следствии, — сказал Магнусон.

Тот же голос, голос Ланса Гереро, произнес:

— Нет, я не знаю никакой Джин Уишняк, никогда ее не видел и никогда с ней не разговаривал.

Нет, положительно Магнусон делает успехи. Так удачно подобрать отрывки...

Я бросил искоса взгляд на Гереро. Он сидел, не шелохнувшись, странно напряженный, замороженный... Замороженный... Для чего продолжать эту комедию? Если бы он послушал меня и сразу признал себя виновным, не нужно было бы, по крайней мере, участвовать в этом цирке. Были бы хоть эфемерные, но надежды. Была бы цель.

Было бы за что бороться. До самого конца. Думаю, что покойная мисс Уишняк наверняка тоже не была ангелом. Оплоты добродетели не сдают себя напрокат немолодым бизнесменам. И скорее всего не нужно бы слишком тщательно ворошить прошлое, чтобы найти в карьере начинающей актрисы не слишком лестные для нее штришки. Но все это было бы возможно, если бы мой клиент признал себя виновным. Он же все отрицал, и его упрямство связало нас обоих по рукам и ногам, и Анатоль Магнусон не торопясь катил нас под гору, подталкивая ногой, к обрыву.

Один за другим прошли оставшиеся свидетели, двоих из которых я уже знал: привратник дома, где жила Джин Уишняк, и Агнесса Анджело. Бедняжка так волновалась, что долго не могла сообразить, как ее зовут.

Да, все они видели человека, который сидит сейчас на скамье подсудимых. Он всегда приезжал вечером. Да, они видели его машину. Такую не каждый день увидишь на Индепенденс-стрит.

Когда судья-контролер объявил, что сейчас будет вынесен приговор, в зале зевали и шептались. Все было ясно. Наконец воцарилась тишина. Послышалось мело-

дичное позвякивание, похожее на сигнал лифта, и почти одновременно вспыхнули табло на трех машинах жюри: виновен в предумышленном убийстве. А затем и главная судейская машина вынесла приговор: лишение жизни или полная переделка по выбору подсудимого. Срок апелляции — сорок дней.

Судья-контролер сообщил, что мистеру Гереро даются сутки для выбора наказания, и все было закончено.

* * *

— Мистер Гереро, — сказал я своему клиенту завтра, — я должен вернуть вам чек.

Он непонимающе посмотрел на меня.

— Какой чек?

— Чек на пять тысяч НД, который вы выписали мне. К сожалению, я ничего не смог сделать. Ничего. У меня не было ни одной ниточки, ни одной зацепки... Мне очень жаль, но...

— Что? Что? О чем вы говорите, Рондол? — Гереро, казалось, действительно хотел понять, о чем я говорю, но не мог сосредоточиться.

— Я хотел бы вернуть вам чек, — сказал я.

— Оставьте, Рондол. — Гереро брезгливо поморщился. — Кому нужно ваше театральное благородство... Наоборот, я приготовил вам чек еще на такую же сумму. Вот, держите.

— Но...

— У вас есть больше месяца. Сделайте все, что можете. Я хочу, чтобы вы помнили только одну вещь — я не убивал Джин Уишняк. Вы верите мне?

— Не знаю, мистер Гереро.

— Моментами я начинаю думать, что и я не знаю. Но сейчас я знаю. — Голос его окреп, и он стал больше походить на того человека, каким он был, когда я в первый раз увидел его. — Это все чудовищная, неле-

пая, кошмарная ошибка. Я знаю все, что вы можете мне сказать: отпечатки, фонограммы, свидетели... Все это так, и тем не менее я невиновен...

Дверь камеры открылась.

— Мистер Гереро, пора.

Гереро повернулся, и мы вышли из камеры.

— Следуйте, пожалуйста, за мной, — скучным голосом пробормотал стражник со стертым, бледным лицом. Другой пошел за нами.

Запах дезинфекции, серый пластик под ногами, серые металлические двери. Тишина.

Наконец нас ввели в небольшую комнату. Такую же дезинфицированную, такую же пластиковую, такую же серую и тихую. Вчерашний судья-контролер попытался подняться из-за стола, но болезненно поморщился, потер поясницу, еще раз поморщился и все-таки встал.

— Вы Ланс Гереро? — спросил он.

— Да, — ответил Гереро.

— По приговору суда и согласно основам законодательства... — Голос судьи становился все более монотонным, пока не превратился в жужжание, разобрать в котором отдельные слова не было ни малейшей возможности. Пожужжав с полминуты, он начал медленно тормозить. — На основании всего вышеизложенного вам предоставляется право в присутствии любых трех указанных вами лиц сделать выбор между смертной казнью и полной переправкой, каковые должны быть осуществлены в соответствии с приговором через сорок дней в случае отклонения апелляции или отказа подать ее. Вам понятно, мистер Гереро?

— Да.

— Вам сообщили, что вы имеете право пригласить трех свидетелей, которые могут присутствовать при совершении вами выбора?

— Да.

— Вы пригласили кого-нибудь?

— Нет, будет присутствовать только мой адвокат, мистер Рондол.

— Хорошо. Готовы ли вы сделать выбор?

— Да. Я его уже сделал.

— Подойдите к столу. Перед вами карточка с вашим именем. На ней вы видите два кружка. В одном написано «смертная казнь», в другом — «полная переделка». Зачеркните крестом тот кружок, который вы отвергаете. Вам понятно?

— Да.

— Пожалуйста, мистер Рондол, подойдите ближе и станьте рядом с мистером Гереро.

Я встал рядом со своим подзащитным. Гереро взял ручку и жирно зачеркнул крест-накрест левый кружок со словами «смертная казнь».

— Распишитесь, пожалуйста, внизу. И вы, мистер Гереро, и вы, мистер Рондол... Благодарю вас. Пройдите, пожалуйста, в соседнюю комнату. В вашем распоряжении, — судья-контролер взглянул на часы, — ровно десять минут. Через десять минут за вами придут.

Мы прошли в комнату, в которой стоял длинный стол-каталка, покрытый белой простыней. У изголовья холодно поблескивал хромом небольшой аппарат.

— Что это? — тихо спросил Гереро.

— Они вас сейчас усыпят, а потом перевезут в холодильное отделение.

Я почувствовал, как он опять весь сжался. Его била дрожь, на лбу выступил пот. Но он держался молодцом.

— Рондол, — прошептал он, — как вы думаете, почему я выбрал полную переделку?

Я пожал плечами. Есть вопросы, на которые не ожидают ответов.

— Я хочу узнать, что это все значит... как это случилось... Рондол, через несколько минут меня усыпят. Мне нечего скрывать от вас. Я клянусь вам, что я не

убивал Джин Уишняк. Вы верите мне? Верьте мне, Рондол, верьте. Я знаю, что вы не можете верить мне, но вы должны, должны! Боже, если бы я только верил, если бы у меня была вера. Я бы бросился на колени и умолял бога открыть вам правду. Но я никогда не верил в него, и я знаю, что он не придет ко мне в эту последнюю минуту и не поможет мне. Как мне убедить вас, как открыть душу, чтобы вы увидели ее изнутри? Почему люди замкнуты в своей скорлупе, почему они не прозрачны? Почему мы все бредем в потемках, не видя друг друга? Почему, почему?

Что я мог ему ответить? Что можно сказать человеку за минуту до его ухода? Тем более когда он не знает, куда уходит. Мне было жаль его, и все-таки я не мог удержаться от мысли, что всю свою сознательную жизнь он вряд ли пытался сделать свое сердце прозрачным. Скорее наоборот. Бизнесмены тоже, конечно, могут мечтать о прозрачных людях, но только о других. Сами они предпочитают мертвые души. А если вдруг начинают говорить о своей открытой душе, значит, она им больше не нужна. Как, например, Гереро.

— Рондол, — сказал Гереро, — мне уже не страшно. Клянусь, это правда. Просто бесконечно чего-то жаль. Нет, не чего-то. Себя, других. Тех, мимо кого я проходил всю жизнь...

В комнату вошли оба стражника и человек в сером блескуе халате.

— Прощу вас лечь сюда, мистер Гереро, — сказал человек в халате и кивнул на стол.

— Хорошо, — сказал Гереро. — Раздеваться не нужно?

— Нет, вас переоденут потом.

Все-таки он держался молодцом. Он лег на каталку, посмотрел на меня и чуть заметно покачал головой. Наверное, он хотел еще раз сказать, что ни в чем не виноват.

Человек в халате снял с прибора выпуклую крышку, положил ее на голову Гереро и щелкнул выключателем. Послышалось ровное низкое гудение.

— Я вам верю, — сказал я, глядя в глаза Гереро, — я сделаю все.

Он благодарно опустил веки, поднял их. В зрачках уже клубился туман. Он снова опустил веки и уже не поднял их.

* * *

Первый морозец застеклил лужицы, и они с хрустом лопались под ногами. Зачем я снова приехал в Блэкфилд? Ах да, чтобы погулять, побыть хоть немножко в тишине.

Ветер шелестел еще не опавшими сухими листьями. Пошел снег. Крошечные, еще осенние снежинки таяли, не долетая до земли.

Я ни о чем не думал. В голове прыгала лишь одна фраза: «Раздеваться не нужно?» Она то звучала медленно и торжественно, то пронзительно и крикливо. «Раздеваться не нужно?», «Раздеваться не нужно?»

Ясно было одно: надо было забыть о суде и попробовать ответить себе на простой вопрос: мог ли Гереро убить? Тот ли он человек?

Я понимал всю нелепость и эфемерность этого пути, но другого у меня не было. Тем более что оставалось всего сорок дней. Вернее, тридцать девять дней и двадцать один час.

ГЛАВА 6

— Вы хотите, чтобы я рассказала вам, каким человеком был мой муж? — недоверчиво спросила меня миссис Гереро. — Но ведь мы уже несколько лет не живем вместе...

Ее руки ни на секунду не оставались в покое. Она то расправляла белую шерстяную кофточку, то приглаживала свои тронутые сединой русые волосы, то потирала руку об руку, словно зябла.

— Я знаю, миссис Гереро. Ваш муж говорил мне об этом. Я хотел лишь составить себе представление о его характере. Как вы думаете, мог он убить?

Она вздрогнула и принялась натягивать край скатерти на столе.

— Я... не знаю, мистер Рондол, — тихо сказала она.

— Миссис Гереро, поймите меня. Чтобы хоть как-то двигаться дальше, я пытаюсь ответить себе на тот же вопрос, что задал вам. Именно потому, что все, буквально все говорит против вашего мужа, именно потому, что все факты указывают на его виновность, я хочу ответить себе на простой вопрос: а мог ли он убить?

— Я не знаю...

Она вдруг всхлипнула и сделала усилие, чтобы не расплакаться. Ее и без того немолодое лицо некрасиво сморщилось. Она совершенно не пользовалась косметикой. Она демонстрировала свой возраст с каким-то вызовом. Похоже было, что она сдалась. Или уговаривала себя, что сдалась. Почему? Ведь ей должно быть не так много лет. Во всяком случае, не больше сорока...

— Поймите меня, — миссис Гереро подняла на меня умоляющие глаза, — мне трудно говорить о нем...

— Я понимаю, — пробормотал я, хотя вовсе не понимал почему.

— Я... я люблю его. — Она расплакалась и закрыла лицо руками. У нее были тонкие красивые пальцы. На одном пальце с обручальным кольцом был перстень с довольно крупным изумрудом. «Карата два как минимум», — зачем-то подумал я. — Как это ужасно, — пробормотала она.

— Я понимаю, — снова повторил я только для того, чтобы что-то сказать.

— Вы ничего не понимаете, вы ничего не можете понять! — вдруг выкрикнула она. — Как вы можете что-нибудь понять, если я почти через пятнадцать лет не понимаю и не знаю его. Он жестокий негодяй. Он мог пройти мимо меня, когда я рыдала, он мог не позвонить, зная, что я сижу около телефона, ожидая его звонка, а он задерживается где-то до утра. И он мог быть необыкновенно нежным со мной, и тогда я забывала обо всем на свете, и мне казалось, что все еще будет хорошо... Вы знаете, что он мне изменял?

Бедная миссис Гереро, она воображала, должно быть, что весь город жил только их отношениями.

— Да, мне теперь не стыдно, я перешагнула и через стыд. Я могу вам сказать, что он изменял мне, изменял все время.

Трудно, конечно, сказать, но похоже было, что на месте Гереро и я бы постарался задерживаться в офисе как можно чаще.

— И я терпела, — продолжала она. — Понимаете, что это значило для меня — жить с сознанием, что тебе изменяют? Мне казалось, что все это пройдет, что все это несерьезно... Но когда я узнала об этой девчонке...

Я насторожился. Неужели она знала о Джим Уишняк?

— О какой девчонке?

— Об этой Одри Ламонт... Будь проклят тот день, когда я случайно увидела его письмо к ней... Он забыл его на своем столе... Знаете, как начиналось письмо? «Кариссима». Это по-итальянски. Я не хотела читать письмо. Я как чувствовала... Я боролась с собой... Но слова прямо сами прыгали мне в глаза. «Родная моя...» Знаете, когда я поняла, что все рухнуло? Когда я увидела слова «родная моя». Все, что угодно, но не это... Я убеждала себя, что я единственная из его женщин, кто близок ему. Я родная. Вечером я сказала ему, что прочла письмо, которое он забыл на столе.

Не знаю, наверное, в глубине души я надеялась, что он будет чувствовать себя виноватым, будет просить прощения...

— И вы бы простили? — спросил я, чтобы как-то подтвердить свое участие в беседе.

— Да, да, простила бы... Но он лишь пожал плечами и продолжал читать свою проклятую газету. Вы понимаете, что это значит для женщины? Боже, если бы он только набросился на меня с кулаками, если бы он ударил меня, если бы он осыпал меня проклятиями — я бы и тогда простила... Но он пожал плечами и продолжал читать газету... С того дня мы перестали быть мужем и женой...

— А эта женщина, Ламонт, кажется? Он ушел к ней?

— Какое-то время, я слышала, он был с ней, потом и она ему надоела. Он бросил ее, и она как будто пыталась покончить с собой или что-то в этом роде...

Упоминание о чужих несчастьях заметно приободрило миссис Гереро. Она вытерла глаза, пригладила волосы, одернула кофточку, поправила скатерть и даже попыталась улыбнуться. Безостановочное мелькание ее рук действовало на меня гипнотически. Я почувствовал, что засыпаю. А это было опасно. Вполне могло быть, что я глядел бы и глядел, как она одергивает кофточку, и пробыл бы здесь до конца своих дней.

— Скажите, миссис Гереро, ваш супруг — человек вспыльчивый?

— Да, пожалуй... Но только с теми, с кем он близок...

— Как вы думаете, мог он убить человека? Эту девушку, Джин Уишняк?

— Нет, нет, нет! — страстно выкрикнула моя собеседница. — Я в это не верю!

— Почему же?

— Вы ничего не понимаете? Я ж вам говорю, он мог

выйти из себя, мог вспылить, но только с теми, с кем он был действительно близок. А эта... — Она пожала плечами. — Нет, я не могу в это поверить.

Даже убийство в ее представлении было неким актом близости, который Ланс Гереро мог совершить по отношению к ней — к ней! — но не по отношению к какой-то девчонке. Она проиграла его по всем статьям, но хотела сохранить для себя хоть монополию на убийство... Я встал, распрощался и вышел, думая о бессмысленности всех этих разговоров. Но тут же я представил себе холодильную камеру 1-й городской, ряды прозрачных саркофагов и в одном из них Ланса Гереро с замороженной в мозг надеждой, что я сделаю все.

Я вздохнул и поехал в контору «Игрушек Гереро». Мистер Нилан оказался под стать своему голосу: вымытый до розового блеска, выутюженный, каждый волосок уложен один к одному, сладкая улыбка и холодные лживые глаза. Говорить с ним было бессмысленно. Спроси его, сколько будет дважды два, и он начнет извиняться как уж. Я сказал ему, что уверен в его абсолютной лояльности по отношению к главе фирмы и поэтому, чтобы составить себе более полное представление о характере мистера Гереро, хотел бы побеседовать с кем-нибудь из сотрудников, желательно с каким-нибудь ветераном игрушечного бизнеса. Нилан нисколько не обиделся. Наоборот, мне даже показалось, что он улыбнулся.

— Пожалуйста, мистер Рондол, я вас прекрасно понимаю. Одну секундочку... Ага, сейчас я приглашу сюда нашего главного конструктора. — Мне снова показалось, что он слегка усмехнулся. Он позвонил куда-то по телефону, и через минуту в комнату ворвалось нечто, состоящее из ярко-рыжих волос и огромного количества конечностей. Впрочем, при ближайшем рассмотрении их, к моему удивлению, оказалось всего две пары, но я

никогда не видел человека, который размахивал бы руками с такой скоростью.

— Мистер Рондол, это Иан Салливэн, наш главный конструктор. Не улыбайтесь, потому что и игрушки конструируются. Иан, это мистер Рондол, адвокат мистера Гереро. С вашего разрешения я вас оставлю сейчас.

Нилан вышел из комнаты, а рыжий смерч, взмахнув еще раз руками, в изнеможении рухнул в кресло.

— Мистер Салливэн, вы давно знаете мистера Гереро?

— Давно? — Невидимая пружина с силой ударила главного конструктора в зад и подбросила его вверх. — Давно? — В голосе его зазвучал сатанинский сарказм. — Я прикован к этой галерее вечность. — Он взмахнул руками, показывая, должно быть, размеры вечности. — Давно...

Я никогда не предполагал, что слово «давно» может так обидеть человека.

— Скажите, мистер Салливэн, вот вы узнали о том, что вашего шефа обвиняют в убийстве. Вас это не удивило? Вы понимаете, что я хочу сказать? Есть вещи, которые...

— Удивило? Меня? Нисколько.

— Почему?

— Потому что он прирожденный убийца! Да, сэр! Ланс Гереро — прирожденный и законченный убийца! И я это знаю лучше кого бы то ни было!

Он замахал руками с такой силой, что я был уверен — еще секунда, и центробежная сила оторвет их и забросит на огромный плафон под потолком.

— Вы знаете о каких-нибудь его убийствах? — Он так напугал меня своими руками, что я решил позволить себе немножко иронии. — Может быть, вы даже присутствовали при них?

Так же неожиданно, как начался, ураган стих, и рыжий игрушечник снова упал в кресло.

— Не-одно-кратно, — отрубил он.

— Может быть, вы объясните мне, мистер Салли-вэн, что вы имеете в виду?

— Охотно, синьор адвокат. В твердом уме и здоровой памяти...

— Наоборот, герр главный конструктор. В здоровом уме и твердой памяти.

Рыжий внимательно посмотрел на меня и вдруг рассмеялся.

— Вы мне нравитесь. Внешность боксера, профессия юриста и отзывчивость на шутку. Редчайшая комбинация.

К своему удивлению, я почувствовал, что и рыжий мне тоже нравится.

— Взаимно, — наклонил я голову. — Но, с вашего разрешения, я бы все-таки хотел вернуться к трупам...

— А, что там говорить, — вдруг зевнул игрушечник. — Убийца. Я же вам сказал: у-бий-ца. Я приносил ему изумительные, можно даже сказать, гениальные идеи, и почти все они были безжалостно уничтожены Гереро.

— А вы знаете, — сказал я, — мне приходилось слышать самые восторженные отзывы о вашем дирижабле.

— Оставьте! Мы мужчины, и незачем нам льстить друг другу. Вы знаете, каким должен был быть дирижабль? Уп-рав-ля-е-мым! И не по радио, это было бы слишком дорого и банально. Ультразвук! Убил, убил он дирижабль. Да что там дирижабль! Если бы я начал перечислять все его жертвы, мы просидели бы здесь неделю. Да, сэр, неделю! Он не понимал красоты идеи! Единственное, что легко могло улечься в его сознании, — это расчет, сколько он может заработать.

В Иане был спрятан какой-то часовой механизм. Время от времени срабатывала пружина, и он приходил в движение. Вот и сейчас он вылетел из кресла и заметался по комнате. Казалось, что он не столько отталкивается от пола ногами, сколько ввинчивается в воздух пропеллерами рук.

— Благодарю вас, мистер Салливэн. Но не могли бы вы все-таки ответить мне на мой вопрос: как вы считаете, мог бы Гереро убить человека?

— Человека?

— Да, человека.

Рыжий погрузился в глубокое раздумье. Он взъерошил свои рыжие волосы, посмотрел на меня и сказал:

— Наверное, мог бы. Впрочем, все, наверное, могли бы. Ведь для убийства важен не убийца. Жертва важна. Когда попадается подходящая жертва, мало кто удержится от соблазна...

— Замечательная мысль, — сказал я, пожал игрушечнику руку и вышел из «Игрушек Гереро».

Нужно было вернуться к себе в контору, окунуться в привычный мир привычных вещей и подумать, что делать дальше. И стоит ли вообще делать что-нибудь еще. Я буксовал на одном месте. Чем больше усилий, тем глубже я погружался в болото.

Гизела до такой степени одичала от безделья, что даже обрадовалась, когда я попросил ее разыскать мне адрес и телефон Одри Ламонт. Через каких-нибудь полчаса передо мной лежали адрес и телефон.

Я позвонил. Ответил мне немолодой мужской голос.

— Будьте любезны мисс Ламонт. — Я подумал почему-то, что голос сейчас сообщит мне, что она уже не мисс и не Ламонт.

— К сожалению, ее сейчас нет дома. Что ей передать? Я ее отец.

— Очень приятно, мистер Ламонт. Меня зовут Язон

Рондол. Я адвокат некоего Ланса Гереро, имя которого вы, возможно, слышали.

— Да, мистер Рондол, я слышал это имя. — Мне показалось, что Ламонт вкладывает в эти слова какой-то свой смысл.

— Мистер Ламонт, я понимаю, что моя просьба может показаться вам несколько странной, но мне хотелось бы побеседовать с вашей дочерью о мистере Гереро. Если она, разумеется, сможет...

— Что значит «сможет»? — Мне показалось, что в голосе Ламонта появилась подозрительность. — Почему бы ей не смочь? Да и я с удовольствием постарался бы помочь вам, хотя, конечно... Бедный Гереро... Кто бы мог подумать, что он так кончит... — Ламонт глубоко вздохнул.

— Когда бы вы могли уделить мне полчаса?

— Да когда вам угодно. Хоть сейчас. У вас есть мой адрес?

— Да. Санрайз-бульвар, четырнадцать, квартира семь.

— Совершенно верно. Приезжайте. Дочь должна быть дома с минуты на минуту.

ГЛАВА 7

Санрайз-бульвар в отличие от Индепенденс-стрит респектабельная улица. Респектабельная хотя бы уже потому, что нельзя не уважать тех, у кого есть деньги для оплаты безобразно дорогих квартир, какие характерны для этого района.

В холле дома номер четырнадцать, как в гостинице, сидел за маленькой конторкой портье, молодой человек с цирковыми плечами. Он вопросительно посмотрел на меня.

— Моя фамилия Рондол, — сказал я, чувствуя се-

бя бедным просителем, пришедшим умолять об авансе на изобретение вечного двигателя. — Меня жлет мистер Ламонт.

— Пожалуйста, — кивнул портье, — четвертый этаж.

Лифт вздохнул и быстро вознес меня на четвертый этаж. Не успел я выйти из кабины, как дверь справа от меня приоткрылась и навстречу мне шагнул седой невысокий человек. Белый пушистый венчик волос и розовое личико. Бело-розовый старичок.

— Прошу вас, мистер Рондол, прошу. — Он протянул мне маленькую руку, приветливо улыбнулся и провел в квартиру.

— Налево, мистер Рондол, побеседуем у меня в кабинете.

Кабинет, казалось, состоял почти целиком из кожи. Кожаные кресла, кожаный диван, длинные ряды кошельков кожаных переплетов. Я подумал, что розовое личико хозяина выглядело на этом фоне довольно неуместно. Вот если бы оно у него тоже было обтянуто дорогой темной кожей, а рот, нос и глаза вытиснены золотом — тогда другое дело. Я с трудом сдержал улыбку.

— Садитесь, мистер Рондол. — Ламонт порхал вокруг меня, как бабочка. Казалось, мое посещение доставило ему несказанное удовольствие. — Чувствуйте себя как дома. Сигарету, сигару?

— Благодарю вас, вы очень любезны, мистер Ламонт, и мне, право же, неловко беспокоить вас, но профессиональный долг... Позвольте мне прямо приступить к делу. Как я понял, вы знаете о суде над Лансом Гереро. Хотя он и был признан виновным и приговорен к смертной казни или полной переделке, но до последней минуты он продолжал уверять меня, что невиновен. До окончания срока апелляции я продолжаю оставаться его адвокатом. — Я взглянул на мистера

Ламонта. Он внимательно слушал меня, слегка кивая головой, словно одобряя все, что я говорю. — Меня интересует один вопрос, мистер Ламонт, который я должен уяснить для себя. Я хочу знать, мог ли Ланс Гереро совершить убийство. Я понимаю, вам это может показаться странным, но я должен ответить себе на этот вопрос.

— А разве на суде не было установлено, что он убил эту девушку... как имя этой несчастной?

— Джин Уишняк.

— Да, да, Джин Уишняк.

— Было. Еще как было! Для обвинителя это было даже не дело, а прекрасная мечта. От свидетельских показаний до отпечатков пальцев, от орудия преступления до полного отсутствия алиби у подсудимого. Если бы я составлял сценарий убийства, в котором убийца обязательно должен был быть найден и осужден, случшего я бы не написал.

Мой собеседник вежливо улыбнулся и закивал головой, как игрушечный фарфоровый Будда.

— И тем не менее, — продолжал я, — мой клиент все время, до последней минуты, уверял меня, что не совершал убийства.

— Но вы же сами сказали: отпечатки, свидетели...

— Совершенно верно, мистер Ламонт. Но именно из-за тяжести улик, из-за их безусловности отказ моего подзащитного признаться заставляет меня сохранить пусть ничтожное, но сомнение...

— Но это же мистика, дорогой мистер Рондол, — беспомощно развел своими маленькими ручками Ламонт, — я всю жизнь занимался наукой, я вышколил свой мозг, я научил его признавать только факты, а факты в деле бедного Гереро, увы, неоспоримы. Так я, во всяком случае, понял и из газет, и из ваших слов.

— Это все так, не скрою. Да и смешно было бы

спорить с данными дактилоскопии и анализом фонограмм...

— Фонограмм? — удивленно спросил Ламонт.

— У Джин Уишняк нашли пленку с записью ее голоса и голоса Гереро. Эксперт, выступавший на суде, представил сравнительные фонограммы голоса Гереро на этой пленке и его же голоса, записанного во время следствия.

— Интересно, кто же был экспертом? Вы не помните?

— Крошечный человечек с оттопыренными ушами, похожий на мышку.

Ламонт рассмеялся.

— А, это профессор Вудбери. Бедный Джордан, если бы он знал, с кем его сравнивают...

— Прошу прощения, — смутился я. — Я не знал, что он ваш знакомый.

— О, я, поверите ли, знаю его, чтоб не соврать, лет сорок. Я ведь тоже физик и тоже профессор с вашего разрешения.

— Простите, профессор, за мышку...

— Да господь с вами, мышка — это очень точное сравнение. А оттопыренные уши — это просто великолепно. У вас очень острый глаз.

— Профессор, вы хорошо знали Гереро?

— Гм... Как вам сказать? Я много раз видел его, разговаривал с ним, мне рассказывала о нем дочь... Но все это несколько однобокое знакомство. У него был роман с Одри... Может быть, слово «роман» несколько старомодно и романтично, — профессор извиняющимся жестом развел руками, — но в мое время говорили «роман». Позвольте мне сразу сказать вам, дорогой мистер Рондол, что роман этот принес нам, моей дочери и мне, много горя. Чтобы не ставить вас в неловкое положение, я сразу скажу вам, что Одри даже пыталась покончить с собой. — Ламонт на мгновение за-

молк. Плечи его беспомощно опустились, но он продолжал: — Теперь все это позади, и я могу говорить об этом спокойно... Я не виню Гереро ни в чем. Пока он любил ее — любил. Потом бросил. Скорее виноват я. Наверное, именно я воспитал ее такой ранимой, такой беззащитной. Я старый, романтичный дурак... К сожалению, есть вещи, которые начинаешь понимать слишком поздно... Что же касается вашего вопроса, я, пожалуй, не смогу ответить на него однозначно. Понимаете, в нем есть безжалостность, да, конечно, есть... — Ламонт говорил медленно, как бы отвечая сам себе. — Иначе, наверное, он бы и не смог быть бизнесменом. И, говорят, неплохим. С другой стороны, он мог быть и нежным, и внимательным, и обаятельным. Для него главное — подчинить себе окружающих. Он боец. Это его инстинкт. И чтобы утвердить свое главенство, он будет и жестоким, и грубым, и забавным. Он — он, пока он в центре внимания... Смог бы он убить? Не знаю, не знаю... Боюсь, это вообще некорректный вопрос. Кто знает, что может вдруг подняться из тайников подсознания в какое-то роковое мгновение... Я не слишком многословен? — спросил он вдруг с обезоруживающей откровенностью. — А то, знаете, старческая болтовня — это страшная вещь. Я даже сам никак не могу к ней привыкнуть.

Немного он все-таки кокетничал.

— Как вы думаете, профессор, уместно мне побеседовать на эту же тему с вашей дочерью?

— О да, вполне. А вот, кажется, и она.

Он на мгновение замолчал, прислушиваясь к звуку открываемой двери.

— Одри, — позвал он, — это ты?

— Да, папа, — послышался из прихожей низкий женский голос.

— Ты можешь зайти ко мне на секундочку?

Она была довольно высока, стройна. Лицо ее, на-

верное, нельзя было бы назвать красивым, но привлекательным оно было безусловно. Привлекательно и слегка курносый носиком, и большими серыми глазами, и, главное, быстрой, неуловимой переменчивостью его. Только что на нем была покойная домашняя приветливость любящей дочери. Удивление. Немой вопрос. Улыбка хозяйки. Интерес молодой женщины к незнакомому мужчине. В последнем, впрочем, я не был уверен, поскольку незнакомый мужчина был я.

— Одри, это мистер Язон Рондол, адвокат Ланса Гереро. Мистер Рондол, это моя дочь Одри Ламонт.

— Очень приятно, — улыбнулась мисс Ламонт. Зубы у нее были ровные и белые. Она протянула мне руку, и я почему-то с удовольствием отметил, что рукопожатие у нее было не по-женски сильным.

— Одри, мистер Рондол хотел бы поговорить с тобой о Лансе...

Как и в первом случае, когда ее отец упомянул имя Гереро, в самой глубине ее глаз мелькнула тень. А может быть, мне это только показалось. Она пожала плечами.

— Пожалуйста. — Она уселась в кресло, не глядя протянула руку к кожаной сигаретнице на письменном столе, достала сигарету и закурила. Движения ее были изящны, ловки. На них было приятно смотреть. Мне во всяком случае. Она выдохнула дым, который удивительным образом был точно такого же голубовато-серого цвета, как и кофточка на ней. — Я к вашим услугам, — сказала она.

Нет, пожалуй, голос ее не был низким. Скорее в нем была едва уловимая хрипотца. Не знаю. Мне этот голос нравился. Мне не хотелось говорить с ней о Гереро, который писал ей письма с итальянским словом «кариссима». И из-за которого она пыталась покончить с собой. Пока это был главный ее недостаток, который мне удалось заметить. В нескольких случаях в жизни

меня очень выручала откровенность. Может быть, попробовать сейчас?

— Мисс Ламонт, — сказал я, — я намеревался побеседовать с вами о своем клиенте мистере Гереро, но теперь у меня пропало желание...

Она удивленно подняла брови, и они выгнулись совсем по-детски.

— Почему же, мистер Рондол?

— Не знаю, наверное, ревную к нему...

Она засмеялась.

— Этого я от вас ждала меньше всего. Адвокаты — это ведь высохшие джентльмены в черных костюмах. Они не ревнуют. Может быть, вы вовсе не адвокат?

— Может быть, вы и правы, мисс Ламонт. Вместо того чтобы думать сейчас об интересах моего клиента, я думаю совсем о другом...

Мне показалось, что она было хотела меня спросить, о чем именно, но не спросила. Она, наверное, знала, что я отвечу. Мне стало стыдно своей пошлости. Вообще я чувствовал себя рядом с ней каким-то неотесанным, неуклюжим, провинциальным... Только ли потому, что вырос не среди кожаных кресел, кожаных портсигаров и тисненых золотом корешков солидных книг?

— Но увь, — сказал я решительно, стряхивая с себя чары и этой женщины, и кабинета Ламонта, — долг заставляет меня вернуться к мистеру Гереро. Мисс Ламонт, если мои вопросы будут вам неприятны, я не буду настаивать на них.

Она бросила на меня быстрый взгляд и довольно сухо заметила:

— Благодарю вас. Весь разговор о Лансе Гереро не доставляет мне ни малейшего удовольствия, но я любила его когда-то... Человек приговорен к смертной казни...

— Он выбрал полную переделку.

Не знаю почему, но мне было приятно сказать ей это. Она недоверчиво посмотрела на меня.

— Он выбрал полную переделку?

— Да, мисс Ламонт.

Она скептически пожала плечами. Должно быть, ей трудно было представить Ланса Гереро измененным. Мне тоже.

— Вот видите, — сказала она. — Мне казалось, что я его немножко знаю, а оказывается, нет. Я ни за что не поверила бы, что он может выбрать полную переделку... Ланс Гереро — и измененный... Невозможно себе представить...

— Почему?

— Наверное, потому, что он и кротость совершенно разные вещи. Все равно что представить себе тигра с бантиком или голубицу, рвущую клювом добычу... — Она помолчала и слегка усмехнулась чему-то. — Кроткий Гереро... В нем столько энергии... Простите, правильное, наверное, сказать — было...

— Нет, почему же, — сухо сказал я. — Пока не кончился срок апелляции, о вашем знакомом...

— О вашем клиенте, — сердито поправила она меня.

— Хорошо, — согласился я, — о моем клиенте можно говорить в настоящем времени.

— Не знаю... Когда я представляю себе его замороженным, это все равно как... как конец.

— И замороженным вам его тоже трудно представить? — Я хотел задать самый обычный вопрос, но против моей воли откуда-то вылез сарказм. Одри Ламонт его тут же почувствовала. Она, похоже, вообще была совершенным инструментом, улавливающим людские эмоции.

— Да, трудно, — с легким вызовом ответила она. — Он всегда был полон энергии. Она просто бурлила в нем. Он не мог буквально сидеть на месте...

— Он был жесток?

— Нет, нет, — она бросила на меня быстрый взгляд. — Нет, жестоким его не назовешь. Удовольствия от жестокости он, по-моему, не получал... Но, с другой стороны, если он уж решил что-то сделать, он шел напролом. И если на пути оказывались чужие чувства и даже судьба, он пробирался сквозь них, как буйвол через кустарник...

Буйвол через кустарник. Она выбрала очень точное сравнение. Такое же, какое приходило и мне в голову. Но она не видела его, когда он жалел, что не верит в бога. Она не видела надежды в его глазах. Тогда это был не буйвол.

— А если бы ему нужно было убить?

— Не знаю...

У меня было впечатление, что она могла бы сказать «да», но хотела быть объективной.

— Гереро был вспыльчивым?

— О да!

— Значит, в порыве гнева он мог бы ударить близкого человека?

Она сердито посмотрела на меня, и глаза ее потемнели и сузились.

— Он никогда не поднимал на меня руку. Понимаете, никогда! На меня никто не поднимал никогда руки. — Она вдруг усмехнулась. — Кроме меня самой... Боже, как это было давно... Есть еще у вас вопросы, мистер адвокат?

— Нет, — ответил я с сожалением. Мне хотелось поговорить с ней о чем-нибудь легком, например, о судьбах цивилизации или проблемах загрязнения окружающей среды.

Увы, я не знал, как перебросить мостик от наклонностей фабриканта игрушек к судьбам цивилизации, и поэтому выполз из кресла.

— Благодарю вас, мисс Ламонт. — Я поклонился

элегантно, как дипломат. Так, во всяком случае, показалось мне. Вполне вероятно, что со стороны мой поклон выглядел как конвульсия.

— Мистер Рондол, — вдруг сказала Одри Ламонт голосом, который звучал совсем по-иному, чем во время нашей беседы, — вы еще придете к нам? Без вопросов о Лансе Гереро? — Она улыбнулась и протянула мне руку.

— О да! — пылко воскликнул я. Наверное, слишком пылко и слишком громко, потому что она весело рассмеялась.

ГЛАВА 8

Оставался еще один человек. Садовник и шофер Гереро Джонас. Еще полчаса глупых вопросов, еще полчаса глупых ответов, еще полчаса пожиманий плечами — и совесть моя полностью успокоится. И я вернусь к своей блондинке, все тянущейся к маслу для загара, к уютному Гизелиному шуршанию за стеной, к привычному ожиданию клиентов. Но теперь уже при двух чеках человека, мерзнущего сейчас в прозрачном саркофаге. Право же, грех было мне чувствовать к Лансу Гереро что-нибудь, кроме теплой благодарности. И грех было бы не поехать к Джонасу.

Я оставил машину у какой-то лавчонки и решил пройти до дома Джонаса пешком. День выдался удивительно теплым, каким иногда балует в самом своем конце сентябрь, почти летним. Трудно было поверить, что всего несколько дней назад были заморозки и под ногами хрустели замерзшие лужицы.

Я расстегнул куртку, а через несколько десятков шагов и вовсе снял ее. А вон, кажется, и домик, который мне нужен. Я шел по Элмсвилю, и улочка эта упиралась в еловый лесок, который сизо-бархатно темнел в нескольких сотнях ярдов. Последний дом по правой сто-

роне, так мне объяснил по телефону Джонас. Он хотел приехать ко мне, раз двадцать повторил, что не смеет обременять меня, но я настоял на своем. На самом деле я решил поехать к нему в Элмсвилль из трех соображений. Во-первых, я давно уже усвоил простую истину, что люди откровеннее в привычной обстановке, чем, скажем, в кабинете адвоката. Во-вторых, мне хотелось на обратном пути взглянуть на дом Гереро. А в-третьих — и это, если говорить честно, было главным, — день был таким славным, что мне хотелось под любым предлогом выбраться из Шервуда. Что я и сделал.

А вот и последний дом справа. «Вы его сразу узнаете, мистер Рондол, у него красная черепица на крыше, как ни у кого в округе». Черепица действительно была ярко-красной, и дом действительно был последним справа.

Не успел я подойти к калитке, как из дома уже вышел средних лет человек с простым, но приветливым лицом.

— Входите, входите, мистер Рондол, калитка не заперта.

Он провел меня в удивительно чистенький домик, усадил в плетеное кресло, предложил стакан сока собственного изготовления, вообще хлопотал вокруг меня, как наседка вокруг цыпленка.

— Вы один живете, мистер Джонас? — спросил я.

Шофер уставился на меня так, словно я спросил, живет ли он на Луне.

— А как же, конечно, один, а то с кем же?

— Я думал, вы женаты, у вас так чисто...

Он захихикал. Должно быть, мысль о женитьбе показалась ему необыкновенно смешной.

— Ну что вы, мистер Рондол. Я все сам...

Он пустился в пространные объяснения своей системы поддержания чистоты, которая сводилась к тому,

что нужно убирать дом почаще. Еще минута — и я бы заснул. Голос Джонаса звучал так покойно, в комнатке было так тепло, плетеное кресло было таким удобным, пылинки плясали в луче солнца так уютно, больше сопротивляться я не мог. Я задремал самым постыдным образом, прикрыв в глубоком раздумье глаза рукой. Я не знаю, сколько продремал так, но вдруг что-то словно толкнуло меня, и я вылетел из дремоты, как пробка из воды.

— ...а я и совсем забыл, — говорил своим ровным голосом Джонас, — что мистер Гереро предупреждал меня, чтобы вечером я не приходил. Забыл — и все тут. Думаю только, что надо проверить аккумуляторы в «шеворде». Что-то слишком быстро стали они разряжаться в последнее время. Ну, значит, сел я в свой «фольк» — а то ведь отсюда до дома мистера Гереро около четырех миль — и поехал. И уже подъехал к самому дому, через ворота вижу в сумерках «шеворд» перед домом — и тут только вспомнил, что хозяин не велел мне приезжать в тот день.

— А какой это был день?

— Да тот самый, когда с ним это все случилось...

— Что случилось?

— Ну, с этой Джин Уишняк... Господи, я видел ее фото по телевидению, что он в ней нашел, ума не приложу. Конечно, она помоложе той, что к нему ездила в последнее время...

Боже, неужели всего несколько секунд тому назад я тихо дремал под убаюкивающий голос Джонаса? Сотни вопросов одновременно проносились у меня в голове.

— Мистер Джонас, а в котором часу вы подъехали к дому мистера Гереро? Может быть, вы случайно обратили внимание?

— Почему же не обратил? Обратил. Полдевятого было.

Половина девятого! В это время Ланс Гереро был в Шервуде на Индепенденс-стрит. По показаниям соседей Джин Уишняк на суде было установлено, что он уехал от нее около десяти. Уехал на своем красном «шеворде».

— А вы не могли ошибиться, мистер Джонас? Его это был «шеворд»?

Шофер посмотрел на меня с сожалением — до чего бывают бестолковые люди — и покачал головой.

— Как же я мог ошибиться? Я что, машину хозяина не знаю? Да я ее с закрытыми глазами узнаю...

— Верю вам, верю, — сказал я, — но ведь в наших местах в середине сентября в половине девятого уже темно.

— Темно, это верно. Только ведь и в моей машине фары были включены, да и из окон свет падал.

— Что? — чуть не подпрыгнул я. — Как свет?

— Да так, очень просто. Машины стояли у самого дома, вот свет из окна на них и падал.

Голова у меня начала вращаться каруселью. Все быстрее и быстрее.

— Машины?

— Ну да, машины. Наш «шеворд» и еще чья-то «альфа».

Срочно проверить, на какой машине ездит Урсула Файяр. Не знаю почему, но я уже был уверен, что это ее машина. И горел свет... И красный «шеворд» стоял у окна. В то время как красный «шеворд» стоял на Индепенденс-стрит. Хорошо, допустим, есть два красных «шеворда», в этом нет ничего сверхъестественного, но «альфа»... Значит, Гереро не врал. Не мог же он один приехать в Элмсвиле в двух машинах, зажечь свет, съездить в Шервуд на третьей машине, раскрыть череп Джин Уишняк подсвечником и вернуться домой... Да, но отпечатки пальцев, свидетели? Этого не могло быть. Но и Урсула Файяр не могла поставить свою

машину во дворе и сидеть и ждать, пока Гереро не съездит в Шервуд... Я вспомнил свое ощущение, что Гереро говорит правду. Сейчас это ощущение получило мощную поддержку. Да, но отпечатки пальцев на подсвечнике, машина, которую соседи видели на улице, наконец, сам Гереро? Стоп. Этого не могло быть, потому что этого не могло быть. Может быть, этот кретин Джонас что-нибудь путает? Но я уже знал, я всем нутром чувствовал, что он ничего не путает, что мне нужно примирить непримиримое, что мне нужно вырваться из цепких объятий кошмара. О, теперь я начал понимать Гереро, когда он в последний раз смотрел на меня с каталки перед усыплением... Если кошмар обволакивал меня холодными, влажными щупальцами, то что должен был чувствовать он? Он, который знал, что не был на Индепенденс-стрит, и которому все доказывали неопровержимо, что он там был, что должен был чувствовать он, слушая приговор судейской машины?

— Мистер Джонас, — сказал я, — то, что вы сейчас рассказали, очень важно. Что вы сделали, когда подъехали к дому своего хозяина?

— Ну, я, как только увидел, что под окном еще и «альфа» и в доме горит свет, так я вспомнил, что он мне говорил, чтобы я вечером не приходил. Ну, я развернулся и поехал домой.

— Прекрасно, мистер Джонас. Вы можете завтра утром, скажем, в девять, быть дома?

— Конечно, мистер Рондол.

— Отлично. Я позвоню вам в это время и заеду за вами. Вы покажете мне, как стояли машины под окном, мы оформим ваши показания для апелляционного заявления. Договорились?

— Конечно, мистер Рондол. Буду ждать вас. Если бы только я мог как-то помочь бедному мистеру Гереро. Я ведь от него никогда ничего плохого не видел...

Конечно, можно было бы оформить показания Джо-

наса и сегодня, но я все-таки хотел вначале проверить, на какой машине ездит Урсула Файяр. Это было очень важно. Если все-таки Джонас путает...

Я давно уже не ездил с такой скоростью. Мой «тойсун» негодующе завывал, но я не обращал на него никакого внимания. Если бы я даже знал, что разорюсь на штрафах, я все равно не снизил бы скорости. К счастью, полиции не было, и минут через тридцать я уже был на Уилсон-стрит у длинного здания полицейского управления. К счастью, был на месте и Херб Розен, мой старинный знакомый. К счастью, он даже обрадовался, увидав меня.

— А, судейская крыса, — прорычал он со свойственным ему юмором, — эти электронные машины не сделали еще тебя безработным?

Он дружески хлопнул меня по спине. Я не маленький человек, я вешу сто семьдесят фунтов, и во мне нет ни капли жира, но от прикосновения лапы Розена я чуть не упал. Но я согласен был на все.

— Херб, — сказал я, — сделай мне одолжение. Я редко прошу тебя о чем-нибудь.

— Ну, давай выкладывай.

— Узнай мне, только сейчас же, на какой машине ездит некая Урсула Файяр.

— Это жена самого Файяра, что ли?

— Она самая.

— Эге, Язон, ты, я вижу, еще не совсем безработный. В том мире, где вращается миссис Файяр, деньги растут на деревьях. Посиди тут минутку...

— Спасибо, Херб, я как раз проверю, не сломал ли ты мне позвоночник.

Вернулся он через несколько минут и подмигнул мне.

— Не чета твоему «тойсуну». Ты все еще едешь на этом маленьком японском катафалке?

— Херб, — простила я, — меня не интересует мой

«тойсун». Хочешь, я подарю его тебе? Меня интересует машина миссис Файяр.

— Красная «альфа-супер». Номер джи пи эйч шестьдесят два двести одиннадцать. Стой, куда же ты, ты ведь обещал подарить мне свой «тойсун»?! — неся за мной бас Розена, когда я вылетел из полицейского управления.

Я посмотрел на часы. Половина восьмого. Гизела уже давно ушла из конторы. Я поехал к себе домой. Я просто не находил себе места от возбуждения. Мне обязательно нужно было с кем-нибудь поговорить. Меня просто распирало это желание. Если я ни с кем не смогу поговорить, я просто лопну. Я позвонил на Санрайз-бульвар. Мне не хотелось лопаться, мне хотелось услышать голос Одри Ламонт.

Но, увы, ее не оказалось дома. Конечно же, так она и сидит дома, ожидая, а не позвонит ли вдруг сам Язон Рондол.

Профессор был очень любезен. Он спросил меня, как идет мое психологическое исследование.

— Похоже, мистер Ламонт, что это уже не чистая психология.

— То есть, дорогой Рондол?

Ну-ка, проверим, какую реакцию вызовет Джонас у ученого, который, как он сам говорит, признает только факты. Я подробно изложил разговор с Джонасом. Профессор был более чем внимателен. Он задавал мне вопросы о Джонасе, о том, могут ли сыграть его показания какую-нибудь роль для апелляционного суда, когда он может дать эти показания и так далее. Мне было неловко отнимать у него столько времени, но профессор и слушать не хотел моих извинений.

— Надеюсь, вы скоро у нас будете, — сказал он.

— Я был бы рад, профессор. Как только найду подходящий предлог.

— А Одри вам мало? Я понимаю, что отставной

профессор физики далеко не самый интересный собеседник в мире, но Одри уже трижды спрашивала про вас.

Я почувствовал, как расплываюсь в глупейшей и счастливой улыбке.

— Передайте ей, пожалуйста, привет.

— С удовольствием. Так приезжайте же, Рондол. Даете слово?

— Даю, — сказал я с торжественностью, которая меня даже испугала.

Я пошел в ванную и долго смотрел на себя в зеркало. Смотрел с симпатией и брезгливой жалостью, с какими смотрят обычно на юродивых и на тяжелобольных.

Утром я не выдержал и позвонил Джонасу на четверть часа раньше условленного срока. Никто не ответил. Должно быть, он возится в своем саду или занят уборкой, о которой так убедительно рассказывал мне. Через пять минут я позвонил снова. И снова никто не ответил. Не слышит звонков из-за включенного пылесоса. В девять я позвонил снова и держал трубку у уха минуты две. Даже если бы у него был жесточайший запор, он все равно успел бы подойти к телефону. Идиот, все-таки возится в саду. Впрочем, наверное, и из своего крошечного садика он бы услышал телефонные звонки.

Я поехал в Элмсвилль и вскоре уже подходил к его домику под ярко-красной черепичной крышей. На этот раз он не вышел к калитке. Я толкнул ее — как и накануне, она была не заперта — и вошел в садик.

— Мистер Джонас, — позвал я.

Тишина. Откуда-то доносился детский плач и успокаивающий женский голос. Они не нарушали тишину. Они даже делали ее более совершенной, полной. Я постучал в дверь. Не знаю почему, но я уже знал, что никто не ответит мне. Владелец этого домика не тот

человек, чтобы назначить свидание и уйти. Поэтому он должен быть дома. Просто он не слышит моего стука.

Он действительно не слышал моего стука, как не слышал раньше телефонных звонков. Потому что лежал в маленькой прихожей, неловко подломив руку. На нем была какая-то детская голубенькая пижамка с мурашками, а рядом на полу расплылась черная лужица. Я не раз видел такие лужицы и знал: так странно темной выглядит чаще всего кровь. К тому же солидные люди не ложатся в пижамах на пол в прихожих. Я осторожно нагнулся над Джонасом. Стреляли почти в упор. Промаяхнуться на таком расстоянии было невозможно.

Мне показалось, что я слышу чье-то дыхание. Я поднял голову, чтобы оглядеться, и увидел перед собой молодого коренастого человека со сросшимися на переносице бровями. Прямо на меня смотрел раструб глушителя пистолета.

— Что это значит? — спросил я и механически отметил про себя глупость вопроса. Человек с пистолетом тоже, наверное, понял, что я лишь тяну время. Пистолет всегда значит одно и то же.

— Не шевелитесь, — как-то очень просто и убедительно сказал он. — Иначе... — Он выразительно показал глазами на труп Джонаса. Передо мной был профессионал. Он показал на труп не рукой с пистолетом — отводить направленный на человека пистолет никогда не рекомендуется, — а лишь глазами. И вместе с тем это было хорошо. Я всегда предпочитал иметь дело с профессионалами. Профессионал, по крайней мере, не испугается бурчания в собственном желудке и не начнет нажимать с перепугу на спуск. К тому же, если бы он хотел меня убить, он бы мог это сделать в тот момент, когда я нагнулся над телом Джонаса. Я молчал. Я знал людей того типа, что стоял передо мной. Они не любят, когда с ними много разговарива-

ют. Они вообще не слишком любят говорить. Они предпочитают действовать. Я еще раз взглянул на черноволосого. Нет, пожалуй, у него было все-таки более интеллигентное лицо, чем у простого убийцы. У него было лицо интеллигентного убийцы.

— Ты готов, Эрн? — спросил он кого-то, не отводя от меня ни взгляда, ни пистолета.

— Да, иду, — слышался голос из комнаты.

— Расстегните рукав рубашки и поднимите его, — так же спокойно сказал мне черноволосый. — И не делайте при этом лишних движений. Вы меня понимаете?

— Да, — сказал я. Я его прекрасно понимал. Он очень четко излагал свои мысли. Что они хотят со мной сделать? Кто они? Почему они убили Джонаса? Я задавал себе эти вопросы, но они не хотели проникать в сознание, словно не интересовали меня. Вместо этого я почему-то заметил, что довольно мясистый подбородок человека с пистолетом был раздвоен и на правой его половине росла маленькая бородавка. «Должно быть, она здорово мешает ему бриться», — пронеслось у меня в голове. Я тут же понял, почему это подумал. Человек явно не брился сегодня утром. Они приехали ночью, убили Джонаса и поджидали меня. Так и не побрившись. Хотя знали, что я приеду...

— Ну скоро ты? — уже с легким раздражением спросил черноволосый.

— Уже, — слышался голос, и из комнаты вышел человек, держа в руке шприц. Он нажал на плунжер, посмотрел на сверкнувшую в полутьме прихожей струйку жидкости и сказал: — Давайте руку.

Черноволосый все смотрел на меня, смотрел на меня и его пистолет. Протянуть покорно руку для укола и попробовать одновременно выбить у черноволосого из рук пистолет... Если бы он только хоть на секунду отвлекся... Но он не отвлекался. Нет, у меня не было и одного шанса из десяти, а это слишком маленький

шанс, когда на тебя смотрит не мигая пистолет и ты знаешь, что через секунду небольшой кусочек металла может с громадной силой ударить, например, в живот, легко, как бумагу, разорвать кожу и мышечную стенку, пройти сквозь внутренности и выйти где-нибудь около позвоночника, оставив отверстие в несколько раз больше, чем на животе...

Я протянул руку, и человек со шприцем неумело воткнул иглу в предплечье. Вместо короткого удара он давил на шприц, идиот. Он нажал наконец на плунжер, и мне показалось, что содержимое было горячее.

— Садитесь лучше, — сказал человек со шприцем.

— Для чего? — спросил я.

— Сейчас эта штука начнет действовать, и вы можете заснуть стоя...

Да, конечно, им нужно просто усыпить меня, чтобы перевезти куда-то. Усыпить... Странное до нелепости слово, если вдуматься в его звучание как следует. Так усыпляют зверей, когда их нужно... Что нужно? Слова и звуки теряли резкость, смазывались. Кто-то, наверное, вращал мои глаза, как объектив фотоаппарата, и я никак не мог их снова сфокусировать. Звери... зачем звери... фотолаборатория... темнота. Я еще слышал что-то. Голоса просачивались светлыми точками из безбрежного мрака.

— Ты все проверил?

— Все...

Все. Исчезли последние звуки, и я медленно, бесконечно медленно начал погружаться куда-то вниз. Я больше не сопротивлялся, не цеплялся за свет или звуки. Ничего не было.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ВИЛЛА „ОДРИ“

ГЛАВА 1

Мне не хотелось приходить в себя. Подсознательно, наверное, я чувствовал, что ничего хорошего в реальном мире меня не ждет. А закрытые глаза были хоть и ненадежным, но все же убежищем. Но сознание возвращалось ко мне неудержимо. Я не мог задержать его. Вот с легким шорохом оно вынырнуло на поверхность, и я вспомнил и труп Джонаса в детской голубенькой пижамке, и пистолет, направленный на меня, и горячее содержимое шприца. Да, я проснулся, но все еще не открывал глаза. Сориентироваться в пространстве... Ага, я лежал. Лежал на спине. Я слегка пошевелил головой. Как будто подушка. Она сразу прибавила мне уверенности. Если под голову подкладывают подушку, значит, дело обстоит не так уж плохо. Значит, кому-то хочется, чтобы тебе было удобно лежать...

Я открыл глаза и увидел потолок. Обычный потолок. Обычный светлый потолок. А вот и окно, задернутое занавеской. Какой-то шкаф. Меня подташнивало, хотелось пить. Язык высох и, казалось, был заклеен какой-то шершавой пленкой.

Я попробовал сесть. И сел. Обычная кровать. Кто-то снял с меня ботинки и куртку, расстегнул воротник рубашки.

Я подошел к окну, отвел в сторону занавеску. Было пасмурно, накрапывал дождик. Очевидно, я находился в загородном доме, потому что из окна были видны нахолившиеся ели, какое-то небольшое, похожее на гараж строение.

Наверное, для начала было достаточно. А может быть, во мне все еще бродило снотворное. Я с трудом проглотил густую слюну, подошел к кровати и улегся, заложив руки под голову. Пора было начинать думать, но мне не хотелось думать. А когда не хочется думать,

так легко найти тысячи причин и оправданий, почему именно думать не следует.

Вероятно, я задремал, и, вероятно, именно это мне следовало сделать, потому что во второй раз я уже проснулся сразу. Теперь я чувствовал себя намного лучше и даже потянулся, выгибаясь, как кошка.

Если бы кто-нибудь принес мне чашечку кофе и сигарету, я бы даже согласился побыть здесь еще. Впрочем, пока что никто моего согласия не спрашивал.

...Значит, те двое ждали меня. Кто мог их предупредить? Откуда они узнали о том, что Джонас рассказал мне? Сам он? Я не разговаривал ни с кем, если не считать Ламонта. Да, но, может быть, мой телефон прослушивался. Вероятно. Вполне вероятно. Но кем? Стоп. Это уже бессмысленно. Нужны факты, иначе я буду бесконечно пережевывать одно и то же, хотя в этой жвачке давно уже не осталось ни грана информационной ценности. И все-таки... Если кто-то не поленился всадить с расстояния в несколько футов пулю в бедного Джонаса, значит, то, что он мне рассказал, стоило человеческой жизни.

Я не успел решить это простенькое уравнение с одним неизвестным, потому что за дверью послышались шаги, щелкнул открываемый замок, ручка повернулась, скрипнули петли, и передо мной возник профессор Ламонт. Он был таким же вымытым, таким же бело-розовым, как и тогда, когда я был у него. Он весело потер маленькие ручки, словно вымыл их под невидимой струей воды, приветливо кивнул мне и сказал:

— Добрый день, дорогой мой Рондол. Рад видеть вас...

Я вспомнил, как вчера во время телефонного разговора он сказал: «Надеюсь, вы скоро у нас будете». Выходит, он...

— Я должен сразу же попросить у вас прощения, — продолжал Ламонт, — за то, что пригласил вас к себе

без вашего согласия, но что поделаешь... — профессор развел руками, — бывают обстоятельства, когда приходится поступаться манерами. Но что же это я... Я даже не спросил вас, как вы себя чувствуете.

— Спасибо, мистер Ламонт. Не считая сухости во рту и полной неразберихи в голове, все в порядке.

— Да, да, конечно, это просто чудовищно, как я не подумал сразу, старый склеротик...

Трепеща от волнения, профессор подошел к двери.

— Оуэн, если вам не трудно, чашечку кофе для гостя. — Он повернулся ко мне. — Вы себе не представляете, каким я стал забывчивым. Ах, годы, годы...

Старый позер. Забывчивый. А посадить за дверью некоего Оуэна, чтобы я, часом, не удрал, — это он не забыл. Оуэн оказался моим старым знакомым. По сросшимся бровям и бородавке на подбородке я узнал бы его и во время страшного суда. Да и без бровей и подбородка, пожалуй, тоже. Человека, который направляет на тебя пистолет, запоминаешь сразу и надолго. Теперь, когда он был без пистолета и гладко выбрит, он был вполне респектабелен.

— Добрый день, — сказал я. — Сдается мне, мы где-то виделись...

Оуэн посмотрел на меня и усмехнулся.

— Что-то не припоминаю.

Он поставил на столик чашку кофе и вышел из комнаты.

Ламонт с улыбкой смотрел на меня и молчал. Я сделал несколько глотков.

— Ну, как кофе?

— Спасибо. Вполне...

— Ну и прекрасно. Пейте, дорогой Рондол. Когда вы сможете меня слушать, я кое-что объясню вам. Согласны?

Я поставил пустую чашку на стол. Должно быть, кофе нейтрализовало остатки снотворного в моем организ-

ме, потому что вдруг открылись запертые до этого мгновения эмоциональные шлюзы, и на меня хлынули волны удивления, недоумения, негодования, страха. Но больше всего удивления. Что это все значило? Профессор физики и черноволосый Оуэн с пистолетом. Труп Джонаса в полутемной прихожей и Одри. Сочетания были противоречивы и никак не хотели укладываться в сознании. Но факты насильно втискивали их туда, вталкивали, запихивали, вбивали.

— Ну-с, — сказал Ламонт лекторским тоном, — давайте подумаем, с чего начать. Поскольку я понимаю ваше состояние, а говорить я могу часами: знаете, болтать — это моя слабость, я, пожалуй, попытаюсь вначале ответить на вопросы, которые должны мучить вас больше всего. Ну-с, во-первых, убил ли мистер Гереро Джин Уишняк. Нет, не убивал. Да, скажете вы, но свидетельские показания, отпечатки пальцев... Как известно, вероятность случайного совпадения отпечатков пальцев равняется приблизительно одной шестидесятичетырехмиллиардной, так что случай здесь ни при чем. Все это сделано мною. Как — вы узнаете позже. Это ведь уже детали. Почему? Для чего? Потому что Ланс Гереро — человек, которого я ненавижу. Человек, который причинил страдания Одри. Это месть, дорогой мой Рондол, тщательно продуманная, выношенная годами месть. В моем возрасте люди часто плохо спят. И они, лежа в бессонной темноте, думают. Я думал о Гереро. О том дне, когда он будет раздавлен, когда на него навалится ужас преступления, которого он не совершил. О, не беспокойтесь, он не невинная овечка. Он совершил другое преступление. Он убил Одри. Она так и не стала той Одри, которой была до того проклятого дня, когда своей рукой всыпала в стакан сорок таблеток снотворного... Я мог бы убить его. Это просто. Это гораздо проще, чем многие думают. И дешевле. Но я не мог позволить себе такой гуманно-

сти по отношению к нему. Мгновенная смерть ведь не зло. Смерти как таковой для человека не существует. Умерший человек не знает, что умер. Смерть существует для живых. Мертвые бессмертны. Смерть страшна, когда ее много раз переживаешь заранее, когда она растягивается во времени. Такую смерть я желал Гереро, и такую смерть я нашел для него.

Ламонт встал со стула, глубоко вздохнул. Он сделал несколько шагов по комнате, еще раз вздохнул, как бы выпуская из себя избыток ненависти, клокотавшей в нем, и снова уселся.

— Ну-с, остался бедный Джонас. Преступление на Индепенденс-стрит было организовано идеально, все было учтено, но кто мог подумать, что бедняга забудет инструкции хозяина и все-таки поедет в тот вечер к нему, заметит и две машины там, и свет в окне и расскажет обо всем этом вам. Мы не можем допустить никакого риска, и поэтому Джонас мертв, а вы здесь.

Он замолчал. Верхняя половина моей головы была снята, а на нижнюю положили дуршлаг, в который опрокинули целое ведро чудовищных фактов. И вот только понемножку смысл сказанного начинает просачиваться в сознание. Сознание дергается, его корежит, оно не хочет мириться со странностью узванного, но сверху все капает и капает профильтрованный бред...

Я защищаюсь. Я собираю последние резервы и бросаю их в бой.

— Но все-таки отпечатки пальцев? Вы сами сказали, шансы на совпадение равны одной шестидесятичетырехмиллиардной...

— Если есть образец, можно взять кусочек мягкого пластика и изготовить факсимиле, которое вполне заменит настоящий палец и даст отличный отпечаток.

— А то, что несколько свидетелей видели Гереро на Индепенденс-стрит своими глазами? И его машина?

— Человек, игравший роль Гереро, приезжал туда

только вечером. И в мягкой маске, очень похожей на лицо Гереро. Это уж совсем нетрудно. Ну а достать «шеворд» модели «клинэр» — это сущие пустяки. Для этого надо просто заплатить восемь тысяч. Только и всего.

— А фонограмма? Голос Гереро?

Ламонт улыбнулся. Улыбка была скромной и даже застенчивой. Он потер руки, словно вымыл их.

— О, это, конечно, не кусочек пластика. Это, дорогой мой Рондол, посложнее. Обычно говорят, что лучше раз увидеть, чем сто раз услышать, но в нашем случае это не совсем так...

Профессор вынул из шкафа маленький кассетный магнитофон, лукаво посмотрел на меня и нажал клавишу. Послышался необыкновенно знакомый голос:

— Джентльмены! Перед вами человек, который вчера ограбил 1-й Шервудский банк...

Голос был знаком мне потому, что принадлежал мне. Это был мой голос. Мой, и ничей иной. И он произносил слова, которые я никогда не говорил. Никогда мой язык, нёбо, гортань, звуковые связки не участвовали в образовании этих звуков. И тем не менее они только что прозвучали. И прозвучали наяву. Я начинал понимать Гереро...

— Это, разумеется, шутка, — довольно засмеялся Ламонт. — Вчера я записал ваш голос, когда мы беседовали с вами, потом моя машина проанализировала все составляющие вашей фонограммы и синтезировала несколько слов, которые я задал ей. Звучит это, конечно, просто, но я потратил на свой синтезатор шестнадцать лет жизни. Я бы никогда, наверное, не смог завершить этой работы, как не смогли завершить ее многие физики, если бы не Гереро. Я уже не помню, когда мне впервые пришла в голову мысль использовать его голос для ложного обвинения, но вы не представляете, какой это творческий потенциал — ненависть! Я рабо-

тал как одержимый, и я добился того, что не смог сделать никто в мире! — Профессор гордо выпрямился, и его маленькая фигурка сразу стала больше. — Да, дорогой мистер Рондол, я это сделал! И самоуверенный Ланс Гереро, человек, который, как он сам любил выражаться, держал быка за рога, лежит замороженный, а скоро превратится в измененного и будет бесшумно брести по жизни. Он, шумный, громкий, никогда не оглядывавшийся, он, шедший только вперед и не глядевший себе под ноги, он, сметающий все, он станет измененным! Тихой, кроткой тенью, шарахающейся от любого насилия, от любого громкого крика, будет идти Ланс Гереро...

Профессор судорожно вздохнул, словно всхлипнул. Лицо его посерело. Он начал медленно массировать себе сердце.

— Может быть, вам нужно что-нибудь? — Я даже не понял, я ли это спросил профессора. Я все еще был в оцепенении.

— Спасибо, это сейчас пройдет. Мне нельзя волноваться. — Ламонт посмотрел на меня со слабой извиняющейся улыбкой. — Вот уже легче. — И действительно, лицо его начало розоветь на глазах, словно на цветном телевизоре начали подкручивать ручку регулировки яркости.

Мне было почти жаль его. Как, впрочем, было жаль Джин Уишняк и Джонаса. Их лица, правда, уже не порозовеют. Нет такой ручки, подстройкой которой можно было бы вернуть им краски.

— А Джин Уишняк, Джонас? — спросил я. Я должен был задать этот вопрос. Я не слишком высокого мнения о себе, но есть всегда какой-то предел, который переходить нельзя, если не хочешь потерять себя окончательно.

— Что ж, это, так сказать, издержки производства. Если бы я мог, я бы обошелся без их смертей. Но они

не страдали. Они не умерли, потому что их смерть была неожиданной и мгновенной.

Я не знал, что сказать. Я промолчал. Издержки производства. Накладные расходы. Калькуляция убийства. И вдруг я понял, что никогда не уйду отсюда. Они не отпустят меня после всего того, что он мне рассказал. Убьют? Возможно. Но зачем все эти объяснения? О, древний эгоизм животного! Я уже забыл Джин Уишняк и старого Джонаса. Я думал только о себе. Нет, живым они меня отсюда не выпустят...

— Мистер Рондол, — сказал Ламонт, — поверьте мне, я сожалею, что все так получилось, но что поделаешь... Я был бы рад, если все это можно было бы забыть, но это, к сожалению, невозможно. Мы не можем расстаться так, словно ничего не произошло и вы ничего не знаете. Мы могли, разумеется, убить вас, и вы бы остались лежать рядом с Джонасом. Еще одно нераскрытое преступление. Боже, сколько их у нас! Я даже представить себе не могу, что нужно сделать, чтобы привлечь внимание публики... Но я вас не убил, дорогой Рондол. Потому что вы мне нравитесь. Хотя вы и адвокат Гереро. Но вы не Гереро. Вы не хам, пробирающийся напрямик через жизненную чашу. Вы другой. Это — во-первых, во-вторых, мне показалось, что вы понравились Одри. И, наконец, в-третьих, вы, по-видимому, неглупый человек, да еще с опытом частного детектива и адвоката. Я надеюсь, что мы смогли бы работать вместе.

— Простите, профессор, а в чем будет заключаться моя работа?

— Видите ли, я связан с другими людьми. Гереро — это моя личная месть. Но иногда мне приходится выполнять подобные поручения.

— Не понимаю...

— Представьте себе, что у кого-то другого есть свой Гереро. Деловой Гереро, классовый, личный — неваж-

но. Я получаю заказ, разрабатываю сценарий и руковожу, если уж и дальше пользоваться кинотерминами, постановкой... Вы шокированы, дорогой Рондол?

— Нет, отчего же, — пожал я плечами, — это так буднично...

— В сущности, ваш сарказм лишен оснований. — Профессор нахмурился и посмотрел на меня. — Главное, перешагнуть через какие-то условности. Если бы я был, скажем, полководцем, приглашающим вас принять под свое командование дивизию, вас бы не ужасала мысль, что вам придется убивать. Важно не знать жертву. Тогда она абстракция. Я не знал Джин Уишняк. Я не встречался с ней. Я знал, что ей двадцать один год, что она мечтает о сцене, что у нее нет денег, что она ищет любую работу, что она с удовольствием согласилась сыграть роль, которую мы для нее подготовили. С другим, разумеется, финалом. Она была счастлива. Она была счастлива последние два месяца своей жизни, поверьте мне. Так вот, мисс Уишняк — это икс, игрек, зет. Сколько в мире таких неизвестных? Миллиарды. Вы не знаете их, вы не можете знать их... Я понимаю — то, что я говорю, звучит для вас дико. Это абсолютно естественно. Цивилизация в конце концов держится на условностях. Но интеллект и моральное бесстрашие для того и существуют, чтобы иногда переступать через условности. Разве Иисус два тысячелетия назад тоже не переступил через условности своего времени? Разве это не делали и другие?

— Адольф Гитлер, если я не ошибаюсь, тоже что-то говорил в свое время об условностях.

Ламонт пожал плечами и усмехнулся.

— Видите ли, Гитлеру нужно было моральноекрепощение для своих маниакальных целей... Я не сержусь на вас, Рондол. Даже умным людям нужно время для усвоения новых идей. Но одно я вас прошу понять. Я не садист и не фанатик. Я даже не теоретик насилия.

Просто случилось так, что я зарабатываю именно таким образом. И смею вас уверить, я не увеличиваю количество зла в мире. Я вообще уверен, что существует некий закон сохранения зла. Зло не исчезает и не образуется заново. Оно, к сожалению, вечно. А если нам иной раз кажется, что зла стало больше, то это лишь потому, что оно в наше время лучше рекламируется. Пятьсот или тысячу лет назад наши с вами предки жили в какой-нибудь деревушке и знали только то зло, что видели: хлыст сеньора, нож разбойника. Ну-с, иногда войны. Зато нас с вами буквально засыпают информацией: там-то и там-то поезда врезались друг в друга, там-то и там-то сожжено столько-то деревень, убито столько-то детей, там-то и там-то умерло от голода столько-то людей... Не мы с вами создали зло, и не мы с вами за него отвечаем... Подумайте, Рондол, не спешите. В вопросах морали никогда не доверяйте своему первому порыву. Как правило, он наиболее нелеп...

Я молчал. Что еще мне оставалось делать? Впрочем, оставалось. Надо точно знать альтернативу. Тогда легче решать.

— А если я не соглашусь?

— Тогда, — Ламонт развел свои маленькие ручки в стороны, — тогда мы вынуждены будем убить вас.

— Издержки производства? — Я мог позволить себе поиронизировать, потому что меня еще не убивали.

— Увы, дорогой Рондол, увы. Но, поверьте, в этом случае мне было бы бесконечно жаль вас. Именно поэтому я молю небо, чтобы вы согласились.

— А риск?

Инстинктивно я уже начал, наверное, увертываться от решения и потому цеплялся за все, что угодно.

— Какой риск вы имеете в виду?

— Риск попасться вместе с вами. Согласитесь, профессор, ваша деятельность не совсем вписывается, как говорят, в рамки закона.

— А, вы об этом риске, понимаю. Какой-то риск, безусловно, есть, исключить его на сто процентов невозможно. Но на девяносто девять и девять десятых возможно. — Профессор поймал мой вопросительный взгляд. — Я работаю не в вакууме, — продолжал он, — я связан с влиятельной организацией. Я бы даже сказал, с очень влиятельной организацией. Это они получают заказы от своих клиентов. Я же получаю от них только данные. Это первое. Во-вторых, у организации, о которой идет речь, очень большие связи. Очень. И прежде всего в полиции. В полиции и даже в политических сферах. Наш век, дорогой Рондол, — век организации. Преступление, совершаемое организацией, особенно большой организацией, уже перестает быть преступлением. Организованная преступность — это многомиллиардный бизнес. И он функционирует не в вакууме. Эти миллиарды вросли в наше общество. Они часть его. Хорошо ли это, плохо — это другой вопрос. Уверяю, лично я предпочел бы общество, полностью покончившее со злом и преступлением. Но увы, боюсь, я найду такое общество лишь там. — Профессор печально улыбнулся и поднял на мгновение глаза вверх, показывая, о каком именно обществе он говорил. — И, наконец, последнее. Мы стараемся работать так, чтобы предусмотреть все варианты.

— Скажите, профессор, а для чего заказчикам нужен такой сложный способ разделаться с кем-нибудь? Неужели просто убить человека не дешевле?

— Дешевле, согласен, но вы не представляете себе, сколько бывает ситуаций, когда важно не столько физическое уничтожение человека, сколько законный суд. Как ни парадоксально это звучит, но именно люди, действующие вне рамок закона, больше всего ценят законную расправу...

— И все-таки ваша работа...

— О Рондол, поверьте, наша фирма идеально вписы-

вается в систему. Чем больше вводили электронных судов, тем больше возрастала степень юридической беспристрастности. Но человека с деньгами — а наша система, согласитесь, всегда лучше работала для человека с деньгами, — повторяю, абсолютная юридическая беспристрастность не устраивает. Скажем, не всегда устраивает. Там, где деньги почти всемогущи, не может быть области, где они перестают играть роль. Богатый человек имеет лучшее жилище, лучшую пищу, лучших женщин. Он может заниматься спортом, поэтому он, как правило, здоровее. У него самые лучшие врачи и лекарства. У него даже самый лучший климат, потому что он может позволить себе жить там, где нет слякоти и тяжелый смог не висит над городами. И благосклонность закона он тоже имеет. Во всяком случае, имел, пока не появились электронные суды. Этот суд не принимает во внимание финансовое положение подсудимого. Транзисторы не чувствуют почтения к яхтам, виллам и роскошным машинам. Они им просто не нужны. А раз нельзя подкупить судейскую машину, которая признает только факты, значит, можно купить факты. Мы продаем факты, мистер Рондол. Мы изготавливаем и продаем факты. И нам за них хорошо платят.

Я понимаю, что должен казаться вам эдаким чудовищем... Нет, дорогой Рондол, я не чудовище. Я просто стараюсь быть с вами предельно честным. Я не горжусь своей работой, но она дает мне комфорт и удобную жизнь. Очень удобную жизнь. Знаете, сколько я смогу вам платить? До ста тысяч НД в год... Подумайте, мистер Рондол. Ваша профессия — профессия судейского адвоката — умирает. Вы не умеете воздействовать на кибернетику, как умели воздействовать на судей и присяжных. И поэтому вы становитесь ненужным.

— Сколько я могу подумать?

Ламонт посмотрел на часы,

— Сейчас пять часов. Я приду к вам сюда в девять утра. Согласны?

— А что будет, если я попытаюсь вылезти из окна, спуститься на землю и удрать?

— Мы подведем к окну сигнализацию. Как только вы дотронетесь до него, прозвучит сигнал тревоги. Этот дом обнесен высоким забором, по верхней части которого идет ток высокого напряжения. И, наконец, вас будет караулить Оуэн. Но и это не все. Если бы вдруг чудом, абсолютным чудом вам удалось бежать, если бы ангелы пронесли вас сквозь стены, то и тогда вы не были бы в безопасности, потому что вся полиция Шервуда немедленно начала бы искать вас. По обвинению в серьезнейшем преступлении. Улики ведь уже готовы. Нам осталось только сообщить о преступлении и уликах в полицию.

— Благодарю вас, профессор Ламонт. Вы очень подробно объяснили мне ситуацию.

— О, не стоит благодарности. Еду вам принесет Оуэн. А ежели, паче чаяния, вы придете к какому-нибудь решению раньше, скажите ему. А он уже позовет меня. И еще раз прошу вас, подумайте как следует, обращайтесь мне!

— Хорошо, — сказал я.

ГЛАВА 2

Я улегся на кровать и уставился на потолок. Подсознательно я все еще избегал решения, и потому внимание само по себе сосредоточивалось на чем угодно, кроме того, о чем нужно было думать.

Если присмотреться к потолку, можно было различить на нем тоненькие трещинки. Те, что были ближе к двери, образовали носатого старика, правда, без затылка. Но и без затылка старику было неплохо. По край-

ней мере, его не приглашал к себе на работу мистер Ламонт.

Носатый помог мне. Он все-таки привел меня обратно к Ламонту. К волнующей перспективе совместить в своей персоне автора детективных повестей и господина бога. Придумывать сюжеты для живых людей. Знать, что родившаяся в твоём мозгу фраза, скажем «звучит выстрел, и он падает», не просто пять слов. Действительно прозвучит выстрел, и действительно он упадет. Схватившись, наверное, за живот. Скорчившись, наверное, на полу. Подтянув колени к подбородку, чтобы не дать жизни вытечь из раны. Видеть у своего лица раздавленный окурочок. И чьи-то ботинки. А может быть, пуля в живот — это слишком банально? Может быть, заказчику захочется экзотики? Может быть, Икса лучше выбросить из спортивного самолета во время выполнения мертвой петли? Или скормить Игрека голодным амазонским пираньям — рыбешкам, которые умеют почти мгновенно превращать человека в отлично отполированный скелет, готовый для школьного кабинета анатомии?

Рядом с носатым стариком из сети трещинок сама по себе возникла еще одна голова. Человека помоложе, который смотрел на меня с омерзительным цинизмом. Он был мне неприятен, этот эфемерный циник, и я закрыл глаза. Но он все равно продолжал пялить на меня свои глаза-трещинки. Зачем драматизировать, бормотали его губы-трещинки, зачем это постоянное стремление разложить заранее все по полочкам. Пуля в живот, рыбки пираньи — все это никому не нужно. Надо больше доверять жизни, обстоятельствам. Нельзя подходить к жизни с чересчур жестко запрограммированными представлениями. Это и есть доктринерство, косность. Бросаться в объятия Ламонта было бы, конечно, предательством по отношению ко всему, во что я всю жизнь верил или хотел верить. Но одно дело бросаться

в объятия с энтузиазмом, пуская слюни от восторга и умиления, другое — посмотреть в глаза фактам. С одной стороны, работа с профессором, которая еще неизвестно во что выльется, возможность видеть Одри, сто тысяч в год. Гм, сто тысяч — раз в десять больше, чем я заработал в прошлом году...

С другой — смерть. Моя смерть. Меня не будет. Это очень трудно представить себе. Как это меня не будет? Меня, Язона Рондола, этого неповторимого чуда света? Это просто невозможно. Не видеть больше никого, от Гизелы до этой ухмыляющейся рожи на потолке, — да полноте, дорогой мой Рондол, разве это возможно?

Увы, я-то знал, что это возможно. Слишком возможно. Когда я был еще частным детективом, я несколько раз раскланивался с костлявой, которая была совсем рядом. Да и два года назад, когда у меня было тяжелое воспаление легких и врачи в течение нескольких дней были преувеличенно вежливы и не смотрели мне в глаза, а совсем молоденькая сестра, наоборот, рассматривала меня с детским жестоким любопытством, я думал о смерти. Тогда мне казалось, что эта мысль не была уже так невозможна и невыносима. Может быть, потому, что я был слаб и матушка-природа начала уже готовить меня к дальнему путешествию. Но теперь... Теперь я был вполне здоров, и мысль о смерти была абсурдной.

О, как отлично расправляются с убеждениями наши инстинкты и страхи! Нет, они не бросаются на них в лихую кавалерийскую атаку. В открытом бою убеждения непобедимы. Нет, они грызут их исподтишка, без усталости, со всех сторон, и вот уже убеждения начинают шататься, подергиваться. И вот их уже и нет. И обнаруживаешь, что становится так легко дышать. Ура, да здравствует свобода! Долой оковы убеждений!

Профессор Ламонт негодяй? Ну, зачем же так грубо, негибко? Разумеется, работа его не образец граж-

данского самопожертвования, но не так она уж, если разбираться, и предвсудительна. Ведь кто может быть клиентом и заказчиком его гангстерских друзей? Те же мафиози, сводящие друг с другом счеты. Порядочный человек далек от этого мира. А раз так, и Ламонт лишь помогает одним гангстерам ликвидировать других, то не так уж страшна его работа. И моя, стало быть, тоже. Как говорит Ламонт, количество зла в мире не меняется. Я даже смогу гордиться ею. И когда мне будет семьдесят лет, и я буду сидеть в своем патриаршем кресле, и у ног моих устроятся полукольцом внуки и правнуки, я разглажу свою седую бороду и скажу:

— А сегодня я расскажу вам, как лично придумал страшную казнь для Кривого Джо...

И внуки и правнуки будут смотреть на меня, и в широко раскрытых глазенках будет мерцать восхищение. А знаете, какой у нас дедушка, какой он герой, что он делал? Он убил известного бандита Кривого Джо! Весь мир боялся Кривого Джо, а дедушка один расправился с ним...

Я вздохнул и открыл глаза. У циника на потолке откуда-то появились руки. Похоже, что он аплодировал. Мне. За собственную расправу с Кривым Джо. За сто тысяч в год. За Одри Ламонт.

Хватит! Теперь я был действительно зол. Хватит этих штучек, этих бесконечных рефлексий, этих непристойных полетов фантазии! Имей хоть мужество сказать себе «да» или «нет». Не опутывая их сопливой иронией, иронией над иронией и так далее, пока «да» не начинает казаться «нет», а «нет» — «да».

Да, да, да. Я не хочу умирать. Я боюсь. Я очень боюсь. Завтра утром я скажу профессору «да». А там будет видно...

Я, наверное, задремал, потому что передо мной вдруг очутилась чья-то очень знакомая спина. Спина потянула за собой в поле моего зрения гофрированную поверх-

ность озера, лодку, влажный шорох расчесываемых носом лодки камышей. Расчесываемых на пробор.

— Послушай, — говорит спина голосом Айвэна Бермана, — ты не знаешь, почему это мы становимся все тяжелее, на весах уже шкалы не хватает, а на самом деле легче?

Я не сумел ему ответить. Во-первых, я не понимал, о чем он говорит, а во-вторых, я уже спал.

* * *

Когда я проснулся, мне показалось, что еще очень рано, но часы на моей руке показывали четверть девятого. Я спал как младенец. Ничто так не способствует крепкому сну, как нечистая совесть.

Я встал, потянулся, ткнул несколько раз ладонями в пол и постучал в дверь. Я даже не пытался ее открыть. Оуэн был тут как тут. Интересно, он спит когда-нибудь?

— Вы проснулись? — спросил он.

— Да, коллега, — громко и даже нахально сказал я.

Удивительно, как предательство своих идеалов придает человеку нахальства. Он хмыкнул. Наверное, его слух резануло слово «коллега».

— Сейчас я принесу вам что-нибудь поесть.

Минут через пять он щелкнул ключом, открыл дверь и протянул мне поднос, накрытый салфеткой. Удар ногой снизу, на мгновение он потеряет ориентировку, я успею вытащить у него из кармана пистолет...

Но он смотрел на меня очень внимательно, очень настороженно и очень неприязненно. Не успел бы я напрячь мышцы ноги, как он бы уже отпрыгнул от меня.

— Спасибо, — сказал я и взял поднос. Он вышел и запер дверь.

Яичница с беконом, масло, джем, кофе. Спасибо, профессор, спасибо, коллега Оуэн.

Я позавтракал с аппетитом и стал поджидать Ламонта. Он не заставил себя ждать. Он явился ровно в девять со старомодной пунктуальностью. Хорошо ли я спал, позавтракал ли я? Горячие слезы сыновней благодарности навернулись у меня на глазах.

— Вы думали над моим предложением, дорогой мой Рондол? — спросил профессор.

— Да.

— И?

— Я согласен, — сказал я.

Ламонт бросил на меня вопрошающий взгляд. Может быть, бедняжка даже был разочарован моим быстрым согласием. Может быть, мне нужно было сопротивляться. Есть ведь, если я не ошибаюсь, хищники, которые ни за что не станут жрать падаль.

— Ну, слава всевышнему, что он надоумил вас. Только не надо горечи, Рондол, не казните себя. Будьте мудрее.

— О, я мудр, профессор, — пожал я плечами. — Я, пожалуй, даже чересчур мудр на мой вкус.

— Ничего, — улыбнулся Ламонт своей бело-розовой улыбкой. — Это пройдет. А теперь решим с вами практические вопросы. Жить — по крайней мере, первые несколько месяцев, пока вы сделаете первые сценарии — вам придется здесь. Это и мера определенной предосторожности, и необходимость постоянной помощи... Вы понимаете?

— Вполне.

— Значит, нужно перевезти сюда ваши вещи. Составьте список, что нужно взять, дайте его и ключи Оуэну. Ему все равно нужно в Шервуд. Вас устраивает эта комната?

Ну, слава богу, я смогу остаться со своими друзьями — носатым стариком без затылка и аплодирующим полутора руками циником. Я поднял взгляд. Носатый старик смотрел на меня благодарно, а циник исчез. Вче-

ра только я явственно видел его, а сейчас он спрятался в паутине трещинок. Циник сделал свое дело — циник может уйти.

— А сейчас вы можете побриться. Я попросил Оуэна принести свою бритву. Позже, если вы не возражаете, он проведет вас ко мне.

Я сделал все, что мне было сказано. О, этот сладкий отказ от ответственности, восторг капитуляции, спокойствие подчинения. Побриться? Слушаюсь. Идти за Оуэном? Слушаюсь.

Оуэн провел меня в одноэтажное небольшое здание, стоявшее метрах в тридцати от большого дома. Того, в котором я был. В одном-то Ламонт, безусловно, был точен: стены, которые окружали участок, были высоки, и поверху была натянута проволока. Тихая, скромная обитель бедного служителя науки.

Профессор встал из-за массивного письменного стола. Почти такого же, что я видел в его городской квартире. И так же, как там, в комнате было полно кожи. Кресла, бювар, портсигар, книги. Лишь невысокая панель у стены тускло мерцала матовым металлом, маленькими экранами, похожими на переносные телевизоры.

— Вы составили список своих вещей?

— Да, — сказал я.

— Оуэн, дорогой, вы сможете сделать это маленькое одолжение мистеру Рондолу? — спросил Ламонт.

Что значит воспитание. Наверное, он был самым воспитанным бандитом в стране. А может быть, и во всем мире.

— Давайте список, — буркнул Оуэн.

— Кстати, — сказал профессор, — теперь, я думаю, можно вас представить друг другу. Мистер Рондол будет работать с нами, поэтому...

— Мы уже знакомы, — вежливо улыбнулся я. — Со вчерашнего утра. Оуэна представил его пистолет.

Оуэн улыбнулся, но неприязнь в глазах оставалась. Да и Ламонт пожал плечами явно неодобрительно. Почему мафия не любит шуток?

— Мистер Рондол, позвольте представить вам Оуэна Бонафонте. Оуэн, это Язон Рондол.

Бонафонте. Красивая фамилия. Он смотрел на меня внимательно, настороженно, ожидая, должно быть, чтобы я первый протянул руку. Боясь, должно быть, что, если он первый протянет ее, я могу не подать ему руки. Нет, право же, он не был похож на убийцу. Без пистолета и без трупа Джонаса в смешной детской пижаме. Что ж, я протяну ему руку, решил я. Он пожал мне руку, и рука его была сильной и уверенной. Что-то в нем все-таки было. У него даже хватило ума не пробормотать при представлении «очень приятно».

— И еще одно, дорогой Рондол. Насколько я знаю, у вас есть контора и даже секретарша. Вы хотите сохранить их? Я бы предпочел, чтобы вы их сохранили. Со временем, я уверен, вы сможете совмещать свое адвокатское призвание с работой у нас.

Расстаться с Гизелой? С толстой Гизелой, каждое утро не успевающей накраситься дома? Господи, какой далекой вдруг показалась мне и моя милая маленькая контора, и блондинка с жадными глазами, и пистолетные выстрелы Гизелиной сумки.

— Я, пожалуй, сохраню и то и другое. Смогу я позвонить отсюда?

— Да, конечно. Хотите, напишите записку секретарше, и Оуэн заведет ее ей...

— Нет, это, пожалуй, может показаться ей подозрительным.

— Возможно, возможно.

Оуэн Бонафонте кивнул и вышел.

— Как вы думаете, кто он по специальности? — спросил Ламонт.

— Вчера утром, когда он направил на меня писто-

лет, мне показалось, что он делает это вполне профессионально...

Ламонт рассмеялся и довольно потер свои маленькие чистенькие лапки.

— Я в этом ничего не смыслю, но, наверное, вы не ошиблись. Но он умеет делать не только это...

— А что же еще? Накидывать на шею удавку?

Профессор покачал головой.

— Экий вы колючий человек, дорогой Рондол, — сказал он. — И недоброжелательный...

Это был первый выговор, который он мне сделал. Я не должен был забывать, что я на работе и патрон здесь не я, а он. Человек, который любит благовоспитанность, мягкость. И быструю безболезненную смерть. По крайней мере, для тех, кто ему безразличен.

— Бонафонте кончил Местакский университет. Вычислительные машины. Магистр. Прекрасная голова. Если бы он захотел, он мог бы легко стать доктором. Но у него другие амбиции...

— Какие же?

— Кто знает, кто знает... У меня, кстати, впечатление, что ему нравится Одри.

Ага, значит, вдобавок ко всему и это... Ламонт бросил на меня быстрый взгляд. Чего он хочет, сравнить Бонафонте и меня? Держать перед двумя ослами клок сена, чтобы они быстрее бежали? Непохоже что-то, чтобы этот Оуэн был ослом и долго довольствовался сеном вприглядку.

— А Одри здесь бывает? — спросил я.

— Я ждал этого вопроса, — хитро улыбнулся Ламонт. — Бывает. Не слишком часто, но бывает. И я думаю, что вы вскоре сумеете с ней увидеться.

— А она... В курсе дела?

— В курсе чего?

— Ну, вашей, так сказать, специализации?

— Нет. Она ничего не знает. И не должна знать.

Я не знаю, потеряю ли я ее, узнай она обо всем, но я не хочу рисковать. Она все, что у меня есть в этом мире... Все, понимаете? Ее мать умерла, когда она была совсем маленькой, и я вырастил ее. Один. Я был ей и матерью и отцом... Рондол, — воскликнул он, — вы не представляете, что она значит для меня... Одри... Даже этот загородный дом я называл ее именем. Вилла «Одри». Чтобы не расставаться с ней ни на минуту... — Он вздохнул, помолчал и медленно добавил: — Мне неприятно вам угрожать, но если бы я узнал, что кто-то сказал или даже намекнул моей девочке, как я зарабатываю деньги, этот человек умер бы в тот же день... Вы понимаете меня?

— Вполне, профессор. Вы, как всегда, умеете очень точно передать свою мысль.

Ламонт пристально взглянул на меня, решая, наверное, рассердиться или нет. Он рассмеялся.

— Ну что ж, спасибо за комплимент. А сейчас я хотел бы, чтобы вы сразу занялись делом. Вот вам папочка, изучите все, что в ней находится. Заказчик желает, чтобы человек, о котором идет речь, получил шесть-восемь лет. Или, разумеется, полную переделку, выбери он ее. Когда у вас появятся какие-нибудь идеи, не стесняйтесь, приходите сюда ко мне, и мы обсудим их.

* * *

Теперь, когда мне предстояло устраиваться здесь надолго, я еще раз оглядел комнату. Она была довольно большой, светлой. Кровать, стол, диван, кресло, лампа, шкаф — что еще человеку нужно? Одна дверь вела в ванную комнату, другая — на лестницу. Она была не заперта, потому что я только поднялся сюда и сам закрыл за собой дверь. А до степени сознательности, когда запирают сами себя, я еще не дошел. Хотя, похоже, скоро дойду.

В комнате было жарко. Я потянулся было к кондиционеру, но вдруг захотел распахнуть окно. Раз дверь не заперта, вряд ли окно все еще подключено к какой-нибудь системе тревоги. Я осторожно открыл его. Ничего. Все тихо. Ни звонков, ни топота ног, ни криков. Но насчет подключения они все-таки не соврали. На обеих створках рамы я заметил маленькие контактики. И даже на форточке.

Я смотрел на телефон. Боже, сколько, наверное, у него отводов... И в уши столь образованного Оуэна Бонафонте, и в машины, которые умеют использовать чужой голос. А может быть, меня на ночь даже будут просить проглотить микрофончик-другой?

Я стоял у раскрытого окна. Октябрь брал свое. Было холодно. Резкий ветер подхватывал с земли прелые листья и кружил над пожухлой травой. Недавно прошел дождик, и листья были влажными и почти не шуршали.

Тишина. Глубокая осенняя тишина. Негородская тишина, от которой на сердце у горожанина становится и грустно и тревожно. Особенно когда горожанин за высокими стенами с проволокой, по которой пропущен ток.

Я закрыл окно и взял папку. О, ирония судьбы. Сколько раз я держал в руках похожие папки, в которых описывались чужие преступления, и думал о том, как выгородить того, кто это преступление совершил. И за это мне платили деньги. Теперь я должен прочесть о человеке, который ничего не совершил, и думать о том, как его утопить. И за это мне тоже платят. Какое развитое у нас общество, и сколь многообразны его потребности! Я вздохнул и раскрыл папку. На первом листке было написано:

«Джон Кополла. Сорок четыре года. Шервуд. Мес-так-Хиллз, восемь.

Женат, двое детей.

Жена, Аннабелла Ли, урожденная Грюнвальд, сорок лет, не работает.

Дети: Питер, двадцать лет, студент Местакского университета, изучает историю.

Дочь Джанет, одиннадцати лет, учится в школе Джозефа Гаруссара.

Дом. Куплен восемь лет назад за пятьдесят тысяч НД. Выплачена уже примерно треть стоимости. Сейчас дом стоит что-нибудь около шестидесяти-шестидесяти пяти тысяч. Внизу гостиная и кухня. Наверху три комнаты. Спальни Кополлы, его жены и дочери. Ранее спальню жены — среднюю — занимал сын Питер, а супруги имели общую спальню.

Профессия Джона Кополлы. Банковский служащий. Заведующий отделом краткосрочных кредитов в Местакском банке.

Доходы. Двадцать семь тысяч НД в год. Только оклад. Накопления Кополлы вложены главным образом в акции шервудских атомных станций. Приблизительная стоимость акций в настоящее время двадцать пять — тридцать тысяч НД.

Характеристика как работника. Педантичен, трудолюбив, исполнительен. Подозрителен.

Характеристика как человека. Педантичен, лоялен по отношению к друзьям, хороший семьянин. Суховат.

Привычки. Почти не пьет. Любит длительные прогулки. Гуляет преимущественно по вечерам. Читает мало. По телевидению смотрит только спортивные передачи.

Друзья. Патрик Бракен, начальник следственного отдела шервудской полиции. Учились вместе в школе. Видятся довольно часто.

Франсиско Кельвин, заведующий отделом планирования того же банка, где служит Кополла.

Цель. Шесть-восемь лет тюрьмы. Желательно, чтобы суд привлек максимальное внимание печати и теле-

видения. Кополла должен предстать особо отталкивающим человеком, бросающим тень на всех, кто имел с ним дело, в первую очередь на друзей».

С фотографии на меня смотрело лицо человека, которого мне предстояло упечь в тюрьму. Он словно догадывался об этом, и выражение его лица было кислым и недоверчивым. А может быть, просто в тот день, когда его сфотографировали, с краткосрочными кредитами вышел какой-нибудь конфуз. Или Аннабелла Ли, урожденная Грюнвальд, закатила ему утром очередной скандал из-за того, что он всю ночь храпел за стеной и не давал ей спать? А может быть, во всем виноват сын Питер, который заявил отцу, что не считает его работу высшим проявлением гражданственности? И что ему вообще наплевать на краткосрочные кредиты, равно как и на долгосрочные!

Ну-с, и что же все-таки заведующий отделом краткосрочных кредитов сделал такого, что обеспечило ему шесть лет тюрьмы и покрыло позором всю семью и друзей? Украл в банке деньги? Нет, не годится. Во-первых, это очень трудно организовать, а во-вторых, какой же это позор? Скорее наоборот.

Просто кража чего-нибудь где-нибудь? Гм, слишком общо. И неинтересно. Попробуй привлеки чье-нибудь внимание процессом о краже. Тем более когда крадет какой-то безвестный банковский служащий. Вот если бы президент банка выхватывал на улице сумочки у престарелых вдов... А может быть, пустить по этой стезе и мистера Кополлу? Тем более что проценты, под которые одалживает деньги простым смертным, мало чем отличаются от банального грабежа. Ну-ка, как бы выглядели газетные заголовки? Банковский служащий принимает деньги без формальностей, всего лишь показав пистолет. Обвиняемый заявляет, что не грабил старух, а лишь осуществлял упрощенный прием денег.

Да, оказывается, толкнуть человека на преступный

путь тоже не так-то просто. Неужели же я ничего не придумаю? Я уже не думал о моральной стороне своего творчества. Прошел час-другой, а я все еще бился с Джоном Кополлой. Я уже ненавидел его. Он уже был в чем-то виноват. И вообще он был виноват. С порядочными людьми такие вещи не случаются. И эта Аннабелла Ли, урожденная Грюнвальд... Эта бездельница и истеричка, всю жизнь пилившая супруга из-за того, что он мало зарабатывает, плохо играет в бридж, пьянеет от двух-трех martinis, не сгребает вовремя листья с дорожек их сада, рассказывает старые анекдоты и не выстригает волосы из ноздрей. И маленькая негодяйка Джанет, плаксивая и манерная, которая по вечерам тайно пробует перед зеркалом маменькину косметику.

Жалко только Питера, который не хочет даже жить в этом гадючнике. Впрочем, когда он узнает, что его отец занимался осквернением могил... А что, осквернение могил — это, по крайней мере, оригинально. Банковский служащий навещает по ночам своих бывших вкладчиков... А для чего, собственно говоря, он оскверняет могилы? Если не считать эффектного заголовка отчета о его процессе? Увы, те времена, когда вместе с усопшим захороняли все его богатства, давным-давно прошли. Теперь скорбящие родственники готовы даже зубы вырвать у покойника на память, если они золотые... Так и быть, пускай Кополла спит по ночам и не ходит на кладбища...

Я почувствовал, что должен отдохнуть, и выполз во двор. Никто меня не остановил. Никого вообще не было видно. Я поднял воротник куртки — ветер был какой-то особенно пронизывающий — и начал прогуливаться, двигаясь вдоль забора. Сделан он был на совесть — высокий, футов десяти, он был сложен из темного камня, и поверху его шла проволока. Через каждые футов двадцать на стене был укреплен фонарь. Неплохие, од-

нако, доходы давала мистеру Ламонту его художественная деятельность...

Я дошел до ворот. Они были металлическими, сплошными, и рядом с ними была небольшая будочка. Как будто в ней никого не было. А может быть, я ошибался. У меня было ощущение, что на меня все время направлены чьи-то глаза. Разбежаться, нагнуть голову и броситься на металлические ворота? И оставить бедного Кополлу без хорошего преступления? Нет, таранить головой стены — это не для меня.

Я подошел к одноэтажному зданию, где уже был у Ламонта, и осторожно постучал. Дверь открыл Бонафонте. Я автоматически посмотрел на его руки. Нет, пистолета не было. Он, должно быть, понял меня...

— Ну что вы, коллега...

— Да, да, мистер Бонафонте, конечно, я все забываю, что у вас, должно быть, самые многообразные обязанности.

Он не ответил мне, не спросил, что мне нужно. Он просто стоял и ждал, что я скажу.

— Могу я видеть профессора?

Он повернулся, и я понял, что могу следовать за ним.

— О, мой дорогой Рондол! — Профессор широко развел свои маленькие лапки, улыбнулся и встал навстречу мне. Мне показалось, что сейчас он заключит меня в объятия. Но он этого не сделал. Он кивнул мне на кресло. Он был таким чистеньким, таким седеньким, таким розовеньким, таким приветливым, таким доброжелательным, что мне захотелось спеть с ним какой-нибудь псалом. Я уже приготовился было грянуть «Ликуй, Исайя!», но профессор нырнул в кресло и спросил меня:

— Ну как дела? Первые шаги? Нелегко ведь, признайтесь?

— Нелегко, профессор.

— Но что-нибудь вы все-таки придумали? Самые общие идеи?

— Ограбление на улице бедных вдов и осквернение могил.

Ламонт и смеялся как-то удивительно деликатно, все время поглядывая на меня: а не обиден ли мне его смех?

— Теперь вы видите, дорогой Рондол, что зря деньги нигде не платят. Представляете, сколько времени заняла у меня работа с Гереро?

Действительно, наверное, много. Мне захотелось поклониться этому неутомимому труженику.

— Но не огорчайтесь, — продолжал он, — я уверен, что вы добьетесь успеха. Это как творчество. Нельзя ожидать результатов каждодневно и регулярно. Вы можете ничего не придумать день-два, неделю. А потом, в самый неожиданный момент вас вдруг осенит: так ведь этот Кополла приторговывал на стороне наркотиками. В его сейфе находят два пакета с героином...

Вот собака, как это я не придумал? Просто, эффективно и хорошо. Наркотики в банке. А может быть, все уже придумано, и старик хочет лишь проверить, на что я способен.

— Мистер Ламонт, — сказал я, — наркотики — прекрасная идея, и я...

— А может быть, вы придумали что-нибудь еще более эффективное? Дело в том, что наркотики мы использовали совсем недавно, а мне не хотелось бы повторяться чаще, чем это необходимо. Это не только вопрос творческого самолюбия. Чем мы разнообразнее, тем меньше шансов, что кто-нибудь доберется до нас.

Мне хотелось думать, что я участвую в этом разговоре лишь для того, чтобы усыпить бдительность Ламонта, что на самом деле все во мне негодует и трепещет. Но ужас — я рад был, что хоть мог еще зафиксировать это в сознании, — ужас заключался в

том, что я воспринял весь разговор как нечто вполне естественное.

Я сказал профессору, что хотел бы поработать в саду, что люблю думать не сидя, а в движении, и получил разрешение взять грабли. Бонафонте молча отвел меня к небольшому сарайчику и подождал, пока я вооружился граблями.

— Не приближайтесь к забору ближе чем на десять футов, — холодно напутствовал он меня.

Я начал сгребать прелые листья. Запах их был сильным и даже слегка кружил голову. Я сгребал их в большие кучки, чтобы потом сжечь.

Язон Рондол, сказал я себе, ты можешь делать все, что угодно, даже сам грабить по вечерам бедных вдов, идущих от больных внучек, но только не делай при этом из себя борца за справедливость. Не убеждай себя, что ты отбираешь деньги только для того, чтобы их не отобрали другие, которые сделают это грубее, чем ты. Хочешь быть подручным Ламонта — пожалуйста, тем более что тебе предлагают огромные деньги. Но честно скажи себе, что ты благоразумный трус, тихий подлец. Но не строй из себя защитника Кополлы и не умиляйся тому, на какое насилие над своими священными принципами ты идешь, лишь бы помочь своему клиенту Лансу Гереро...

Нет, я не буду жертвовать собой, стараясь помочь мистеру Кополле совершить преступление, на которое он был обречен. Я буду эгоистом и попытаюсь унести отсюда ноги, как только для этого представится случай. Когда он представится, этот случай, я не знал. Но важно ждать, не проспать его.

Я подошел поближе к стене. Как раз футов десять. Я огляделся — никого. Не выпуская грабель из рук, я сделал шаг вперед. Нет, я понимал, что даже с шестом в руках не смог бы перепрыгнуть такой забор, но что значили слова Бонафонте? Просто предупреждение?

Я протянул грабли, и в то же мгновение послышался пронзительный звонок, и на стене вспыхнула мощная лампа. Я отпрянул назад. Задел я, что ли, какую-нибудь проволочку? Да нет, как будто ничего. Послышался топот. Бежали Бонафонте и Эрни. Тот, который всадил мне в руку шприц над телом Джонаса. На этот раз Бонафонте выглядел естественнее, чем час назад. Наверное, потому, что в руках у него снова был пистолет.

— Я же вас предупреждал! — крикнул он еще на бегу.

— Простите, — пробормотал я как можно с более глупым видом. Впрочем, особенно, по-моему, стараться мне не нужно было. — Это грабли... Я думал...

— Вы думали... — с презрением пробормотал он. — Не похоже... Учтите, мистер Рондол, в другой раз я могу случайно не разглядеть вас...

Он поднял грабли, воткнул их ручкой в землю и отошел шагов на пятнадцать. Он глубоко вздохнул и, почти не целясь, выстрелил. Пуля ударила в ручку грабель и перебила ее.

— Пошли, Эрни, — коротко сказал Бонафонте.

Не оглянувшись, они ушли. Через полминуты звонок затих, и лампа погасла.

Наверное, я все-таки задел какую-нибудь сигнальную проволоку, хотя я был уверен, что ничего не зацепил граблями. Интересно, а есть ли такая сигнализация перед воротами? Наверное, нет, иначе как бы они все входили и выходили? А может быть, когда идет человек, знакомый сторожу, он выключает сигнализацию?

Я чиркнул зажигалкой и поднес бледный в дневном свете язычок пламени к кучке собранных мною листьев. Они загорелись сразу. Ветра не было, и дымок поднимался вверх тоненькой свечкой. Наверное, для человека, постоянно живущего в сельской местности, запах дыма от сжигаемых листьев столь же привычен, как запах

разогретого асфальта для горожанина. Но во мне каждый раз этот сладко-горький едковатый аромат заставляет дрожать какие-то неведомые мне самому струны. Меня охватывает какая-то грусть, легкая, летучая, как сам дым. Кто я? Где я? Зачем я? Сердце сжимается, но не безнадежно, как иногда, а ласково, укоризненно. Жаль, жаль уходящих лет, а может быть, даже и не лет, а дней... Особенно когда вынужден проводить эти дни за десятифутовым каменным забором. С прожекторами и звонком тревоги.

ГЛАВА 3

Я сидел в своей комнате и смотрел телевизионную передачу. Точнее, я лежал в своей комнате, вперив невидящий взгляд в экран. Но какие-то клеточки в мозгу у меня, очевидно, все-таки бодрствовали, потому что когда дикторша сообщила, что сейчас будет передано интервью с начальником шервудской полиции Нейлом Кендрю, я тут же стряхнул с себя дремоту. Нейла Кендрю я знал давно, с того времени, когда я еще был частным детективом, а он — капитаном милиции. Я его не видел несколько лет и поразился, как он обрюзг за это время. Щеки у него обвисли, как у бульдога, но глаза в отличие от бульдожьих были узенькими щелками. Особой красотой он не отличался и в молодости, сейчас он один вполне мог бы понизить преступность в Шервуде. Если бы он согласился ходить по улицам, его физиономия распугала бы даже самых закоренелых правонарушителей.

Он говорил что-то об электронных судах, о новом техническом оснащении полиции, особенно к его словам я не прислушивался. Сам не знаю почему, но я взял свой кассетный магнитофончик, который Оуэн привез мне из моей квартиры на второй день пребывания здесь,

и подсоединил его к телевизору. Я нажал на кнопку «запись» и стал думать, зачем я это сделал. И понял. А что, если мне удалось бы когда-нибудь поработать над этим голосом на машине Ламонта? И преподнести подарок Нейлу Кендрию. Чтобы он послушал, как назначает меня своим заместителем. Нет, лучше, чтобы он рассказал, как он в бытность капитаном получал треть у продавцов наркотиков. Об этом говорили тогда все. Но никто, разумеется, никогда и не пытался ничего доказать. Ни один человек в здравом уме никогда не должен даже думать о том, чтобы выступить с разоблачениями связей торговцев наркотиками с полицией. И не потому, что таких связей нет. А потому, что его самого не будет. И причем очень быстро. Когда мафия и полиция одновременно начинают охотиться за кем-нибудь, ни одна страховая компания в мире не застрахует жизнь этого безумца.

Я слушал голос начальника полиции и думал, что с удовольствием насолил бы ему. Воспользоваться аппаратом Ламонта и придумать бы Кендрию речь. Чтобы он сказал: «Джентльмены, я не могу молчать. Хотите верьте, хотите нет, но меня мучает совесть, и поэтому я должен публично покаяться...»

Боже, я представил себе реакцию бедного Кендрию. Щеки у него отвиснут до пояса, а глаза исчезнут вовсе.

Раздался телефонный звонок.

Профессор Ламонт пригласил меня поужинать сегодня вечером с его дочерью.

— С удовольствием, профессор, — сказал я и почувствовал, как сердце у меня забилося.

— Спасибо, дорогой Рондол. Простите меня за напоминание, но, надеюсь, вы помните наш уговор? Одри знает, что у меня здесь собственная лаборатория. И все.

— Да.

— Ну вот и прекрасно.

Когда я вошел в столовую, Одри уже была там. На ней был костюм из толстого твида — строгий жакет и длинная юбка. Она подняла сзади волосы, и лицо ее стало еще красивей. Она увидела меня и улыбнулась. Улыбка показалась мне рассеянной и холодной. Конечно, теперь, когда я служащий ее отца, я превратился в нечто домашнее. Ну, если и не в слугу, то, во всяком случае, во что-то малоинтересное. Ну что ж, она, безусловно, права.

— Добрый вечер, мистер Рондол, — сказала она и протянула мне руку. — Я рада, что отец заполучил вас к себе на какое-то время. Я, правда, не знала, что ему в лаборатории нужен еще и адвокат... Но я не вмешиваюсь в папины дела. Это очень скучно.

— Добрый вечер, мисс Ламонт, — сухо сказал я и наклонил голову.

Самое сильное оружие, которым я располагал, была сухость. Извечное оружие бессильных.

Она удивленно подняла брови. И как тогда, в первый раз, они выгнулись совсем по-детски. На мгновение на ее лице появилось выражение недоумения, потом обиды, потом равнодушия.

— О, Оуэн, — улыбнулась она и повернулась к Бонафонте, который вошел в комнату. На нем был прекрасно сшитый темно-серый костюм, который шел ему. Я посмотрел на него. Лицо его было напряжено, на щеках выступили пятна. Он улыбнулся ей, но улыбка была вымученная, жалкая.

— Что с вами, Оуэн? — спросила Одри.

— Со мной?

— Да, с вами.

— Ничего.

— Вы не рады меня видеть? Я не претендую на многое, но...

— Для чего вы издеваетесь надо мной?

— Я? Над вами? Господь с вами, Оуэн.

— Как вы можете даже подумать, что я не рад вам? Вы же знаете, Одри... — Оуэн сделал судорожное глотательное движение, словно был питоном и собирался проглотить кролика.

— Что же я должна знать? — Она снова изобразила недоумение. То ли она была профессиональная обольстительница, то ли очень хорошая актриса.

— Одри... — У Бонафонте было такое лицо, что я даже испугался за него. Еще минута — и он подавится кроликом.

— Ничего не могу понять... — Она развела руками тем же жестом, что ее отец, но в отличие от его лапок руки у нее были длинные и красивые. Она вдруг озорно рассмеялась. — Неужели вы хотите сказать, мистер Бонафонте, что я вам нравлюсь? Это было бы слишком хорошо, чтобы быть правдой. Я всегда относилась к вам с таким уважением... Боже, думала я, неужели же такой талантливый и симпатичный человек обратит когда-нибудь внимание на меня.

— Одри, — снова пробормотал Бонафонте и скривился, как от зубной боли, — для чего вы это говорите?

— Простите, Оуэн, — грустно сказала она и печально опустила плечи. — Я знаю, что не могу понравиться вам. Что же, каждый должен нести свой крест. Вам нужна девушка молодая, красивая, хорошо воспитанная, а не такая хулиганка, как я.

Она даже не издевалась над ним, не кокетничала с ним, она просто дурачилась,

Бонафонте сделал титаническое усилие, проглотил кролика, вытер вспотевший лоб платком и взял из рук Одри стакан с мартини.

— Бедный Оуэн, — тихонько вздохнул около меня профессор Ламонт, — когда он видит ее, он совершенно теряет голову.

— Я его прекрасно понимаю, — так же тихо ответил я, и профессор бросил на меня сбоку быстрый благодарный взгляд.

— А где Эрни? — спросил профессор. — Он же обещал вернуться к обеду. — Он посмотрел на часы. — Пусть пеняет на себя. Прошу к столу.

Мы прошли в столовую и уселись за круглый стол, на котором у каждого кресла стояла карточка с именем. Я оказался между Одри и молчаливым высоким типом с лошадиными зубами — инженером Харрис-Прайсом. По всей видимости, он считал, что двойная фамилия так возвышает его над прочим однофамильным плебсом, что ни разу ничего никому не сказал. Впрочем, может быть, я и ошибался. Вполне возможно, что он был просто глухонемым. Но так или иначе аппетит у него был отменный. Немолодая женщина, прислуживавшая за столом, по-видимому, знала об этом, потому что все время подкладывала ему на тарелку.

— Простите, мисс Ламонт, — нагнулся я к Одри, — вы не могли бы сказать мне, мой сосед слева вынужден есть за двоих из-за того, что у него двойная фамилия, или он носит детям пищу за щеками?

Она улыбнулась и покачала головой:

— О, я не знала, что вы такой злослов.

Обед продолжался. Мой сосед слева продолжал с какой-то мрачной решительностью начинать себя едой. Бонафонте все шел красными пятнами, профессор Ламонт смотрел на Одри с немим восхищением, а сама Одри с воодушевлением рассказывала о необыкновенном уме своей собаки, которая вышвырнула с пятого этажа на улицу ее тапки. Это было настолько прекрасно, что я даже забыл на несколько минут, где мы находимся.

После обеда Одри пригласила Бонафонте и меня немного погулять. Бонафонте угрюмо отказался, с ненавистью посмотрел на меня, и мы вышли во двор.

Одри взяла меня под руку, и мы долго молча шли по дорожке. Пал туман, и зажженные в саду фонари окружали светлые нимбы.

— Мне показалось, что вы за что-то сердитесь на меня, — сказала Одри.

— А мне показалось, что вы презирали меня.

— Презирала? За что?

— За то, что я здесь...

Если бы она что-то знала, она должна была дать мне понять.

— Боже мой, какая глупость... — Она помолчала немного. — Скажите, а что с Гереро?

Она все-таки думала о нем. В отличие от меня. Хотя именно мне, его адвокату, следовало помнить, что время идет и срок подачи апелляции приближается. Я пожал плечами.

— Ничего, мисс Ламонт. К сожалению, ничего нового.

— В прошлый раз вы спросили у меня, мог ли он совершить убийство. Я думала об этом...

— И к какому же выводу вы пришли?

— Не знаю... то мне кажется, что безусловно не мог, то появляется уверенность, что мог, и легко... Что мы вообще знаем друг о друге? И даже о себе... Вы думаете, я знаю себя? Нет. Иной раз я взгляну на себя в зеркало, посмотрю на это совершенно незнакомое лицо и думаю, что эта особа еще выкинет... Вы знаете, Язон, почему я пыталась покончить с собой?

Я промолчал.

Она смотрела на меня с какой-то настойчивой требовательностью.

— Вы думаете потому, что Гереро бросил меня? Чепуха. Просто потому, что я вдруг ощутила чудовищное одиночество — точка в безбрежном мире... Одна, совсем одна. Ни людей, которым я нужна, ни дела, которое нужно было бы мне... Рисунки, попытки стать

фоторепортером — все это было дамским рукоделием. Я помню тот вечер. Я вдруг ощутила свое одиночество и свою никчемность так остро, так безжалостно, что поняла — это конец. Мне было не страшно умирать. Страшно было жить...

У меня сжалось сердце. Боже, до чего же нелепо устроен мир, если это очаровательное существо не могло быть счастливо. Мне вдруг остро захотелось прижать ее к груди, заслонить от зеркала и одиночества, растопить ее замороженное сердце. И я смог бы это сделать — столько я испытывал в это мгновение теплоты и нежности к Одри Ламонт. Она буквально захлестывала меня, эта нежность и теплота, мне было трудно дышать. Если бы я только мог рассказать ей... Но я не знал нужных слов. Я только взял ее руку и осторожно сжал в своей. Почему любовь всегда приносит с собой грусть?

— Не надо, Одри, — пробормотал я. — Все будет хорошо... — Я остро осознавал, какими жалкими и никчемными были мои слова, но Одри вдруг остановилась и пристально посмотрела на меня. В полутьме сада ее глаза показались мне огромными и странно напряженными. Может быть, безумными.

— Это правда, Язон? — прошептала она. — Вы верите, что что-то еще может быть, что я смогу спрятаться от себя? Скажите мне, скажите! — Голос ее стал требовательным, дрожащим от нетерпения.

— Да, Одри, я верю, что два человека могут уже не бояться одиночества.

Но Одри, казалось, уже не слышала моих слов. Ее рука в моей обмякла, возбуждение покинуло ее, и голос ее прозвучал тускло, когда она сказала мне:

— Спасибо, Язон. Вы ведь не сердитесь, что я вас так называю?

— Нет, Одри.

— Когда вы будете в городе?

— Не знаю... Какое-то время я, наверное, пробуду здесь.

— Через несколько дней я снова приеду, хорошо? — Она посмотрела на меня искоса.

— Да. Я буду ждать тебя, Одри.

Мы подошли к дому.

— Я замерзла, Язон. Я уеду сейчас. Попрощаюсь с отцом и уеду. Не знаю почему, но, наверное, лучше уехать сейчас.

Она посмотрела на меня очень пристально и очень серьезно и прижалась губами к моей щеке. Нет, не поцеловала, прижалась. Я почувствовал, что она дрожит.

— Я должна уехать, — снова повторила она. — Сейчас же. Иначе я останусь здесь. А я этого не хочу. Не сейчас, не сегодня... Ты проводишь меня?

Я молчал. Я ничего не понимал. Почему она хочет уехать? Она вошла в дом, а я стоял, задрав голову, и смотрел на звезды, удивительно сочные и яркие в ночном октябрьском небе. На душе у меня стало вдруг удивительно тихо, и спокойно, и тепло. Словно в ней, в душе, затопилась печурка. Но только на минуту. Потому что я не мог забыть, кто ее отец и чем он занимается. Боже, почему ты делаешь жизнь такой сложной, нелепой, непонятной? Почему ты одной рукой посылаешь мне женщину, которую я, наверно, полюблю, если не люблю уже, а другой ставишь между нами бело-розового мистера Ламонта? Не ответили и октябрьские звезды, которым скорее всего тоже не было до меня дела. Я вздохнул. Увы, отвечать всегда нужно самому. По крайней мере, на свои вопросы.

В светлом стереоскопическом прямоугольнике открывшейся двери возникли Одри и ее отец. Он приподнялся на цыпочки, поцеловал дочь в щеку и что-то сказал ей. Она вышла, закрыв за собой дверь, но она тут же снова распахнулась, и на улицу вышел Бонафонте.

— Я провожу вас, Одри, — тихо сказал он.

— Спасибо, Оуэн, но у меня есть свой ключ.

«Ключ», — промелькнуло у меня в голове.

— Я провожу вас, Одри, — снова повторил Бонафонте.

— Оуэн, — сказала Одри, — я попросила проводить меня мистера Рондола. Вот он стоит и ждет меня.

— И все равно я провожу вас.

Теперь я понял. Они боялись, что я могу удрать вместе с ней.

— До свидания, Одри, я буду ждать вас, — сказал я.

* * *

— Ну так как дела, дорогой мой Рондол? Двигаемся ли мы вперед? — спросил меня через несколько дней профессор, когда я пришел к нему в кабинет.

— Как будто, мистер Ламонт. Мне совестно беспокоить вас так часто, но пока я...

— Да господь с вами, мой друг. Я получаю огромное удовольствие от бесед с вами...

Он был искренен, я в этом не сомневался. Беседы наши, наверное, действительно были ему приятны. Но беседовали мы не о судьбах цивилизации, а о том, как получше упрятать в тюрьму невинного человека. Что лишний раз доказывает, что умный человек может получать удовольствие от малого.

— Так как поживает наш друг Кополла? — хитро спросил Ламонт и быстро потер одну о другую свои лапки.

— Как будто ничего. — Пожал я плечами. — Я так и не смог отбросить вашу идею с наркотиками. Я лишь несколько разработал ее...

— Ну-с, послушаем...

— Видите ли, даже если бы мы и могли подсунуть героин ему в сейф, немножко это было бы подозрительно. Согласитесь, нужно быть круглым идиотом, чтобы

держат пакет с наркотиками у себя в кабинете, даже в сейфе. И даже в доме у себя осторожный человек тоже не будет прятать такие вещи. И вместе с тем ему нужно спрятать на неделю пакет во что бы то ни стало. И тут в голову мистеру Кополле приходит простая мысль. Его сын Питер, студент Местакского университета, навещает их примерно раз в неделю... Заметьте, мистер Ламонт, что этих сведений в досье не было, и я попросил Эрни разузнать, как часто Питер Кополла заезжает домой. Так вот, когда Питер приехал домой, его отец засовывает за спинку заднего сиденья его машины пакет с наркотиками. Примерно через неделю, когда сын снова приехал бы к отцу, мистер Кополла благополучно вынул бы пакет...

— Так, так, так... — одобрительно кивал мне профессор, так и светясь своей бело-розовой улыбкой.

— Но он не предусмотрел одной детали. Приятель сына, тоже студент, одалживает у него на вечер машину. Ему хочется произвести впечатление на свою новую знакомую. Они едут в кино на открытом воздухе, знаете, такое, где смотрят фильм из своих машин...

— Так, так, так...

— Фильм оказывается скучным, и приятель Питера вместе со своей девушкой перебираются на заднее сиденье. В их возрасте и в такой ситуации большинство фильмов покажутся куда менее интересными, чем возможности, предоставляемые задним сиденьем электромобиля. Но это скорее точка зрения приятеля Питера. Девушка не очень рада его приставаниям, а когда он становится еще настойчивее, она начинает его отталкивать. А когда два человека возятся на заднем сиденье, вполне может случиться, что один из них — приятель Питера — случайно сдвигает спинку заднего сиденья.

Что это? Странный какой-то пакет. Девушка тоже рассматривает его с любопытством. Она рада, что ее оставили в покое и она так легко отделалась. Они пы-

таются развернуть пакет. Какой-то белый порошок. О, они не дети. Впрочем, у нас даже дети знают, что за белый порошок прячут взрослые в укромных местечках. Оба напуганы. Это не шутка — пакет с наркотиками. Конечно, выдать приятеля — не слишком приятная вещь, но оказаться замешанным в таком деле еще хуже. Они идут в полицию. Она подтверждает его показания. Бедный Питер все отрицает. Он ничего не знает. А кто еще пользовался его машиной? Да никто. Разве вот отец ругал его в прошлый раз, когда он заезжал домой, что сиденья очень пыльные. Он как раз взял пылесос и почистил интерьер машины. Отец вообще очень аккуратный человек. Настолько аккуратный, что почти не оставил следов на пакете. Разве что где-то на сгибе один-два отпечатка пальцев.

— Так, так, так, — задумчиво пробормотал профессор Ламонт. Он больше не улыбался. — Ну что ж, просто и интересно. Но цена героина... Чтобы было солидное количество белого снадобья, как его называют, нужно заплатить за него изрядную сумму...

— Во-первых, бедный Кополла не знал, что его надули. Он польстился на дешевизну и купил партию героина, безобразно разбавленного молочным сахаром. Во-вторых, я думаю, что мы сможем достать героин через ваших знакомых по божеской цене.

— А почему вы думаете, дорогой мой Рондол, что мои знакомые могут иметь отношение к героину? — Лицо профессора было по-прежнему приветливо, но глаза смотрели холодно и настороженно.

— Я ничего не думаю, профессор. Просто вы мне как-то сказали, что вы связаны с очень влиятельными людьми...

Ламонт пожал плечами.

— Ну, допустим... Итак, что же мы имеем?

— Респектабельный банковский служащий купил или получил для перепродажи — сам ведь он не нар-

коман — пакет с героином. Спрятал его в машине сына. Отец пользуется честным, ничего не подозревающим парнем для обделывания своих грязных делишек. Красиво?

— Красиво.

— Кополла, разумеется, все отрицает, но что сделал бы любой другой на его месте? Итак, приговор обеспечен. Тюрьма. Если, конечно, он не выберет полной переделки. Процесс может получиться достаточно эффективный. Ну и соответственно близкие и друзья Кополлы будут чувствовать себя не лучшим образом. Например, его друг мистер Патрик Бракен, начальник следственного отдела шервудской полиции. Что и требовалось доказать.

Профессор бросил на меня быстрый взгляд и улыбнулся.

— Кажется, я в вас не ошибся, дорогой Рондол. У вас, безусловно, есть способности. Что ж, я еще подумаю над вашим сценарием, но на первый взгляд он кажется вполне осуществимым. Отпечатки его пальцев достать нетрудно. Найти кого-нибудь из приятелей его сына, кто сыграл бы роль человека, нашедшего пакет, тоже, пожалуй, не слишком сложно. Вот, пожалуй, и все. Не нужно заказывать масок, жаль лишь, что вы обошлись без его голоса. — Профессор ласково посмотрел на пульт своего синтезатора. — Что делать, каждый отец гордится своим детищем.

— Еще бы, — пробормотал я, — шестнадцать лет жизни отдать... Это чудо, а не машина. Я бы, наверное, не мог на вашем месте от нее оторваться. Я не могу только одного понять, мистер Ламонт, как вы нашли в себе силы оставить эту штуку только для себя... Слава ведь...

— О, действительно, соблазн был велик. И я бы, пожалуй, не устоял перед ним, если бы не Гереро. О, он помог мне не только закончить синтезатор. Он помог

мне сделать выбор. Чтобы отомстить ему, я бы не остановился ни перед чем. И, как вы знаете, я не остановился. А слава... что ж, каждому свое.

— Немудрено, что вы так любите свою машину. Но, наверное, работа на ней требует большого искусства, долгой тренировки.

— Мне следовало бы обидеться на вас. Синтезатор ведь не скрипка. Работа на нем не искусство. В том-то и прелесть машины, что она практически автомат. Каждый раз, когда я смотрю, как она работает, у меня мелькает одна и та же мысль: неужели же я смог это сделать? — Профессор оживился, даже разгорячился, жесты его маленьких ручек убыстрились. Они трепыхались и порхали, как маленькие птички. Он посмотрел на меня. — У вас найдется хотя бы десять минут, дорогой Рондол?

— О чем вы говорите, профессор!

— Тогда с вашего разрешения я покажу вам, как работает эта игрушка. Игрушка, стоявшая мне шестнадцати лет жизни. Ну-с, начнем. Вот сюда закладывается пленка с записанным голосом. Вот микрофон, скажите что-нибудь. Что угодно. Важно, чтобы набор слов был достаточно полным для последующего синтеза. Ну-с, прошу.

— Я восхищен синтезатором, профессор. Это не машина, это чудо. И от ее возможностей просто кружится голова. Я преклоняюсь перед вашим гением. Я горжусь, что случай свел нас с вами. Достаточно? Потому что я мог бы говорить на эту тему еще очень долго.

— Вы мне льстите, Рондол. — Профессор смущенно улыбнулся и слабо взмахнул рукой, словно решил отбиваться от моей грубой лести, но не слишком решительно. — Теперь смотрите. Мы вставляем пленку с вашим голосом сюда и нажимаем на кнопку, то есть включаем машину. Видите, вот здесь два окошка, красное и зеленое? Сейчас, когда закончится анализ, одно

из них зажжется. Если зеленое — звукового материала машине для синтеза достаточно. Если красное — значит, мало. Ну вот видите: зажглось зеленое. Отлично.

— Но как машина знает, что ей нужно синтезировать? — спросил я.

— Она, разумеется, не знает, — улыбнулся профессор. — Читать мысли она, безусловно, не умеет. Ей нужно дать программу синтеза. Для этого нужно напечатать нужный текст вот на этой машинке.

— Именно на этой?

— Да. Причем нужно помнить о некоторых особенностях. Так, например, знак вопроса или восклицательный знак ставятся в начале предложения. Если вы хотите в каком-то месте получить паузу, необходимо вместо одного интервала между словами сделать два-три или больше. Вот смотрите, как я печатаю.

Профессор вставил в машину листок бумаги и напечатал: «Профессор Ламонт, мне нравится ваша дочь». Листок он всунул в узкую щель на панели и нажал кнопку с надписью «синтез».

— А экраны?

— О, это контроль. Когда синтез окончен, на одном экране вы видите фонограмму оригинала, на другом — полученного голоса. И если есть какие-то тонкие расхождения в интонации, тембре и тому подобное, вы видите и легко регулируете их при помощи вот этих ручек. Смотрите.

На экранах появились две фонограммы. На мой взгляд, они были похожи друг на друга как две капли воды.

— Вот видите, — сказал профессор, — расхождений нет. Ну-ка послушаем.

Он нажал кнопку «воспроизведение», и я услышал свой голос. Безусловно мой голос.

— Профессор Ламонт, — произнес мой голос с моими интонациями, — мне нравится ваша дочь.

— Не может быть? — расцвел в счастливой улыбке Ламонт. — Вам нравится Одри? Ну-ка, послушаем, что вы на это скажете.

Он перемотал пленку и сдвинул какой-то рычажок. И снова я услышал свой голос, на этот раз более громкий и решительный, почти выкрик.

— Ну как?

— Просто поразительно. Хотя я уже слышал свой синтезированный голос, но это действительно чудо, другого слова я не подберу.

— Ну а смысл? — спросил профессор и вопросительно посмотрел на меня. Даже скорее не вопросительно, а просительно.

— Смысл?

— Да, дорогой мой Рондол. Слова, которые синтезировала машина. А вы? Поверьте...

— Я с ней согласен.

— Спасибо, — сказал профессор. — Спасибо. Это прекрасная минута, верьте мне — я ее не забуду. Если бы вы знали, что она для меня значит... Я знаю, это, наверное, противоестественно — быть так привязанным к ребенку, но она... она так несчастна...

Он встал и чересчур долго сморкался, отвернувшись от меня.

— Спасибо, Рондол, — пробормотал он. — Завтра мы с вами займемся деталями дела Кополлы... А пока освойтесь с машиной. Синтезатор в иных делах будет главным поставщиком улик...

ГЛАВА 4

Время текло неумолимо, а я был еще очень далек от выполнения намеченного плана. Правда, мне удалось списать с телевизора еще и голос судьи-контролера Роджера Ивамы. Того самого, что вел суд над Гереро.

Нужен был еще чей-нибудь голос, но я больше не мог ждать. Хватит двух. Теперь дело стало за малым. Нужно было получить в свое распоряжение синтезатор не менее чем часа на два. И так, чтобы никто в это время мне не помешал. Потому что узнай они, чем я собирался заняться, они не только помешали бы синтезу, они помешали бы мне жить. Всерьез. Прервав синтез в моем организме.

Теперь я уже знал, кто где здесь живет. Бонафонте, Эрни и долговязый идиот с двойной фамилией жили в большом доме, там же, где и я. Кухарка тоже. Профессор же Ламонт спал всегда в маленькой комнате меньшего здания, примыкавшей к его кабинету. И не только, к сожалению, спал. Он почти все время проводил в своем кабинете, который я мысленно окрестил «студией звукозаписи».

Нет, днем нечего было и надеяться заполучить машину в свое распоряжение. Оставалась ночь. Но рассчитывать на то, что старик не услышит из соседней комнаты, как в его кабинете кто-то возится, было бы наивным. Выход оставался один — снотворное.

Я пожаловался Ламонту, что плохо сплю, и спросил, есть ли у него снотворное. Профессор с гордостью сообщил мне, что спит как сурок, но в тот же день Эрни молча протянул мне коробочку «дримуэлла».

Я сидел вечером у Ламонта. Было уже около одиннадцати, и бедняга отчаянно боролся с зевотой. Он был настолько деликатен, что не осмеливался даже взглянуть на часы. Чтобы я, не дай бог, не заметил, что он хочет спать.

— Профессор, — сказал я, — это преступление. Вам давно уже пора спать.

— Нет, нет, — мужественно покачал он головой. — Еще рано.

Удивительный все-таки он был человек. Впрочем, все мы, наверное, удивительные люди. Он, само воплощение

деликатности и скромности, зарабатывал на жизнь, ставя по заказу капканы на невинных, ничего не подозревающих людей. Я, ценя его деликатность и любя его дочь, собирался, в свою очередь, посадить его на скамью подсудимых. Уж он-то знал бы, почему он там сидит.

— Ни одной минуты больше. — Я встал из кресла. — Вы что-нибудь пьете перед сном? Молоко, йогурт?

— Йогурт.

— Позвольте мне поухаживать за вами. Где ваш йогурт?

— В холодильнике, в углу, но не смейте этого делать. Я сам.

Я подошел к холодильнику, вытащил бутылочку йогурта, взял стакан, налил и поставил перед Ламонтом.

— Вы меня балуете... — Он поднес стакан к губам и посмотрел на меня с улыбкой. — А знаете, дорогой мой Рондол, я почти готов простить Гереро. — Я с недоумением посмотрел на него. Что он хотел сказать? — Да, да, не удивляйтесь. И знаете почему? Потому что только благодаря ему познакомился с вами...

Старик посмотрел на меня с такой нежностью, с такой доверчивостью и симпатией, что я почувствовал, как у меня сжалось сердце.

— Спокойной ночи, — пробормотал я и вышел на улицу.

О господи, что я сделал, чем прогневил тебя? Почему я не могу идти по своему жизненному пути спокойно, как все? Почему на каждом шагу меня подстерегают испытания? Я не хочу быть библейским Иовом. Я хочу быть обыкновенным обывателем, для которого главная моральная проблема — это на каком боку спать.

Господи, Ламонт ведь негодяй. Преступник. Убийца. Наемный убийца. Зачем ты дал ему дочь, которую я хочу любить? Зачем ты делаешь убийцу таким кротким и милым, что сердце тянется к нему? Если он убийца, сде-

лай так, чтобы он рычал, шелкал клыками и размазывал по губам кровь. Зачем ты даешь убийце бело-розовую беззащитную улыбку и смирение священнослужителя?

Я вошел к себе в комнату и подошел к столу, в котором лежала коробочка «дримуэлла», выдвинул ящик. Снотворное было на месте. Но кто-то его брал. Взял, посмотрел и положил на место. Точно на это же самое место. Абсолютно. Только я оставил его этикеткой от себя. Я это хорошо помнил, потому что попытался утром прочесть название снотворного наоборот. Я попробовал сделать это раза три, пока не выговорил «ллэумирд».

А теперь коробочка лежала так, что этикетка «дримуэлл» читалась слева направо, как ей и положено. Для чего они проверяли меня? Что могло вызвать их подозрение? Во всяком случае, хорошо, что я еще не брал из коробочки ни одной таблетки. Обычно берут одну-две таблетки «дримуэлла». Для Ламонта мне нужно штуки четыре. Отлично. Сейчас я выну из коробочки две таблетки и завтра две. Я плохо сплю, и мне нужна двойная доза. Пусть они пересчитывают таблетки. Послезавтра можно будет попробовать выполнить первую часть моего плана.

Я вдруг замер. Сердце тревожно пропустило такт. Пленка с голосами начальника полиции Шервуда и судьи-контролера Ивамы? Для чего они у меня? Для чего я записывал их голоса? Ах, просто так, мистер Рондол... Может быть, Бонафонте даже улыбнулся... Пленка лежала там, где я ее оставил, около магнитофона. Я поставил ее, проверил. Она.

А может быть, они искали только то, что я спрятал? Если человек оставляет кассету на столе, рядом с магнитофоном, значит, и нечего обращать на нее внимание... Будем надеяться, что это так.

Назавтра Ламонт утвердил мой сценарий. Судьба бедного Кополлы была решена. Если, конечно, я не смогу осуществить свой план. Теперь на моей бедной совести

висело уже две судьбы. Мой клиент Ланс Гереро, благополучно замороженный вместе с надеждой, что его адвокат сделает все для успешной апелляции. И заведующий отделом краткосрочных кредитов Джон Кополла, который на меня не рассчитывал только потому, что и не подозревает о своем побочном приработке — тайной торговле героином.

А выдержит ли моя слабая, нетренированная совесть такую нагрузку? Недогружать совесть дурно, это бесспорно, но перегружать ее опасно, потому что при перегрузке этот хрупкий капризный механизм легко выходит из строя...

...Я снова сидел поздно вечером у Ламонта. Время на этот раз едва тащилось. А может быть, и вовсе стояло на месте. Наконец я взглянул на часы.

— Все, профессор, вам пора спать.

Не слушая его слабых протестов, я направился к холодильнику и достал йогурт. На правах будущего зятя я уже мог позволить себе некоторую фамильярность. Хотя в отличие от профессора я был не слишком уверен, что стану им когда-нибудь.

Стакан. И вдруг меня словно жаром обдало. Если я высыплю растолченное мною заранее снотворное на дно стакана, вряд ли оно растворится в йогурте. А он может и не допить стакан. Высыпать сверху тоже нельзя. Порошок даже не погрузился бы в густую жидкость. Все пропало. Только не волноваться. Только не волноваться. Думать. Быстрее.

— Где у вас можно найти ложечку, мистер Ламонт,— сказал я. — Сегодня йогурт почему-то такой холодный, что не хочет литься из бутылки.

— Над холодильником, в шкафчике.

Я повернулся спиной к профессору. Быстрое движение, и порошок светлой ледяной струйкой скользнул в стакан. Теперь налить йогурт. Размешать получше.

— Прошу вас, профессор.

Он поблагодарил меня и взял стакан. Ну, пей же, пей. А что, если он вдруг решит не пить свой паршивый йогурт сегодня? Я с трудом сдерживал в себе острое желание наброситься на старика, запрокинуть ему голову и влить в его глотку содержимое стакана.

— Напрасно вы меня так напугали, — пробормотал Ламонт. — Йогурт не такой уж холодный...

— Спокойной ночи, профессор, и спите, пожалуйста, крепко.

— Постараюсь, — улыбнулся профессор, со вздохом поднялся на ноги и направился в спальню.

Оставалось проделать старый-престарый трюк. Заранее приготовил кусочек тонкой пластмассы и сейчас, перед тем как закрыть за собой дверь, вставил его в гнездо замка так, что полностью захлопнуться он не мог. А может быть, и не нужно было этого делать. Достаточно было просто поставить замок на защелку. Ведь первым посетителем после моего ухода должен быть я же.

Я добрался до своей комнаты, не раздеваясь, лег, стараясь ни о чем не думать. Я отодвинул подушку в сторону и лег затылком на жесткий край кровати. Так, по крайней мере, я не засну.

Я не знаю, сколько я пролежал в темноте. Наверное, часа полтора. Я поднес к глазам часы и повернул их так, чтобы поймать на циферблате слабый отблеск света, просачивающийся через окно. Боже правый, не может быть! Оказалось, что прошло всего двадцать минут. Как бы разболтать это застывшее время, чтобы оно текло посвободнее и побыстрее. Ложечкой, как йогурт?

Я все-таки, наверное, задремал, потому что вдруг оказался вместе с Айвэном Берманом на берегу какой-то речушки. Мы шли по небольшой лужайке, отороченной вязами — а может быть, это были и не вязы, — и ясно было, что во всем мире никого, кроме нас, нет, потому что мир был прекрасен и приветлив.

Вода в речушке была черной, неподвижной и отполированной до зеркального блеска. Но сколько я ни всматривался в ее поверхность, я не мог найти в ней ни своего отражения, ни отражения своего товарища.

— Айвэн, — испуганно сказал я, — почему в воде нет нашего отражения?

Он улыбнулся своей слабой извиняющейся улыбкой и пожал плечами.

— Наверное, потому, Язон, — неуверенно сказал он, — что нас нет...

Я открыл глаза. Сердце гулко колотилось в груди, и на мгновение в голове мелькнула абсурдная мысль, что сейчас послышится сигнал тревоги. Пять минут третьего. Пора. Кассету в карман. Не хватало забыть ее в решающий момент.

Оттого, что я лежал без подушки, болел затылок. Тем лучше. Я вдруг ощутил прилив энергии. Напряженный до предела мозг дал, наверное, команду выпустить в кровь аварийные запасы адреналина.

Я открывал свою дверь медленно и осторожно, с бьющимся сердцем — точь-в-точь картежник, миллиметр за миллиметром сдвигающий только что сданные карты. Не спугнуть бы судьбу. На этот раз я понимал их. Я и был картежником. И играл по крупной. Высшая ставка — жизнь.

Пока что карты были неплохие, потому что я благополучно вышел во двор. Луна была ослепительно яркой. Я никогда не представлял, что лунный свет может быть таким сильным. Он клубился, как светлый туман, и заставлял сверкать иней на побелевшей траве.

От дерева к дереву, от одной спасительной тени к другой. Вот и маленький дом.

Я держусь за ручку двери. Ждет ли меня Оуэн Боунафонте за ней? Со своим привычным пистолетом в руках? Я вздохнул и повернул ручку. Дверь бесшумно открылась. Не забыть подобрать кусочек пластмассы.

Тихо. Спокойно. Я закрыл за собой дверь, задернул шторы. Я знал, что на окнах плотные шторы. Я видел их накануне.

Спокойнее, надо умерить хоть как-то биение сердца. Я замер, несколько раз глубоко вздохнул. Тишина. Глубокая, негородская тишина. Опасная тишина.

Я зажег небольшую лампу над синтезатором. Я ее заприметил накануне. Сел в кресло. Ну, теперь решится все. Я вставил листок в печатающее устройство машины и напечатал то, что должны были сказать начальник шервудской полиции Нейл Кендрю и судья-контролер Роджер Ивама. О, я не мучился над красотами стиля. Десятки, а может быть, и сотни раз повторил я за эти дни в голове все, что они должны были сказать.

Так, теперь вставить кассету с записью. Красный сигнал — материала для синтеза недостаточно. Зеленый — достаточно. Почему же не вспыхивает ни тот, ни другой сигнал? Мне показалось, что по лицу у меня течет холодный пот, я провел по нему ладонью, но лицо было сухо. Господи, я же не включил машину. В эту секунду я понял, почему люди становятся религиозными. Мне так хотелось кого-нибудь поблагодарить...

Вспыхнул зеленый огонек, и я забыл про благодарности. Как ученик-зубрилка я повторял про себя рядок манипуляций, которые мне объяснил Ламонт. Действительно, не так уж сложно.

Я завернул ручку громкости почти полностью и включил воспроизведение. Нет, так уж совсем ничего не слышно. Чуть громче. Так. Голос Нейла Кендрю. Боже правый, голос Нейла Кендрю! Голос начальника шервудской полиции, голос капитана Кендрю, который пятнадцать лет назад учил меня, молодого частного детектива, как жить. Плохо, видно, учил, капитан, раз так ничему и не научил.

Еще через десять минут была готова и пленка с голосом судьи-контролера. Профессор был прав. Работать

на синтезаторе сама простота. Спасибо, профессор, за машину, спасибо за крепкий сон. Сон, которым спят дети, очень здоровые люди и те, кому будущие зятья подмешивают в питье четырехкратную порцию снотворного.

Меня охватило веселье. Еще секунда — и я бы станцевал джигу, но веселиться все-таки было рановато. Я выключил машину, погасил свет и направился к двери. Все как будто? Все ли? Ну конечно же, надо раздвинуть шторы. Когда я повернулся к окну, я помнил, что на пути у меня кресло. Я даже видел его смутные очертания. И все-таки я наткнулся на него. Я никогда не предполагал, что сдвигаемое с места кресло может произвести такой грохот. Он буквально вспорол густую тишину. Я замер, ожидая топота ног, пронзительного звонка тревоги, крика Ламонта. Все вокруг было тихим озером с черной водой, и круги на ней успокаивались, затухали, исчезали совсем.

Я осторожно закрыл за собой дверь и через несколько минут был уже в своей кровати. На этот раз под головой была подушка. Я чувствовал себя бесконечно усталым, но усталость не была неприятной...

* * *

Через несколько дней профессор передал мне небольшой пакет из плотной бумаги.

— Догадываетесь, что это? — спросил он.

— Героин?

— Совершенно верно.

— Давайте, я подумаю, как его упаковать.

— А зачем? Отличный пакет.

— Но вы же держите его в руках. Да и мои отпечатки могут оказаться на нем...

— Нет, вы еще не совсем усвоили, так сказать, нашу технологию. Этот пакет, разумеется, не годится.

Но это лишь внешний слой бумаги. Для транспортировки. Отпечатки пальцев Кополлы должны быть на собственном пакете. Приятель Питера Кополлы перед тем, как засунуть пакет за сиденье, снимет этот верхний слой бумаги. Парня, кстати, уже нашли. Эрни разговаривал с ним.

— Ну и как его впечатление?

— Хороший парень. Очень толковый. Схватил суть предложения мгновенно. Знаете, есть такие сообразительные молодые люди, которые ловят все на лету. Как птицы. Не успел ты открыть рот, как он уже шелком — и все понял.

Удивительный все-таки человек Ламонт. Я готов был поклясться, что он говорил о приятеле Питера с осуждением. Он, человек, предлагающий другому совершить преступление, возмущен, что тот слишком легко соглашается. Не основа ли это всякой морали, когда коришь ближнего за свои грехи?

— А это пальцы Джона Кополлы.

Я вздрогнул. На мгновение мне почудилось, что профессор протягивает мне отрубленные пальцы бедного заведующего отделом краткосрочных кредитов. Но это были лишь стерженьки с подушечками на концах.

— Перед тем как работать с ними, потрите их слегка о свою кожу, чтобы нанести на них слой кожного сала, потом уже прижмите их к бумаге пакета. Вы меня понимаете?

— Вполне, профессор. Скажите, а изготовить такие подушечки, даже если есть отпечатки пальцев, наверное, нелегко?

— Да... — неопределенно покачал головой Ламонт. — Но, как видите, невозможно.

— А маска? Например, маска Гереро? Это же должно быть чудо.

— Сейчас вы увидите: это вовсе не чудо. Мягкая ре-

зина, у нас есть человек, который может сделать не то что маску, целого человека...

Ламонт открыл ящик стола, покопался в пакетиках, выбрал один и протянул его мне.

— Вот наш друг Гереро. Маска, разумеется, не дает стопроцентного сходства, но такое сходство и не нужно. Для обычного наблюдателя достаточно процентов семьдесят сходства, чтобы он решил, что узнал человека. Вечером же, в сумерках, и того меньше. Но днем все-таки мы их никогда не применяем.

Я натянул на лицо мягкую, пахнущую тальком резину, расправил бороду.

— Ну-ка взгляните на себя в зеркало.

Из зеркала на меня смотрел странный гибрид меня и Гереро. Мои глаза и его черты лица. Его борода.

— Ну как?

— Изумительная работа.

Я не кривил душой. Работа действительно была артистичной...

* * *

И снова мы медленно шли с Одри в лунном тумане. И снова молчали. Потом она сказала вдруг скучным голосом:

— А знаешь, я была вчера с другим...

Я поверил ей, я сразу поверил ей. Сердце, во всяком случае, поверило, потому что болезненно сжалось, и я почувствовал во всем теле пугающую легкость.

— Почему ты молчишь? — спросила Одри. Голос был ровный, тусклый, но странно напряженный.

— Ты мне сказала, что была вчера с другим. — Я пожал плечами. — Я понял тебя. Это очень тонкая мысль, но мне удалось ее понять. Ты была с другим. И что же мне делать? Поздравить тебя? Его? Себя?

— Ты ничего не понимаешь, — сказала Одри, и теперь в ее тусклом голосе слышалось отчаяние. —

Ты ничего не понимаешь. Ты такой же, как все другие... Ты знаешь, почему я была с ним? Потому что я люблю тебя. Я боюсь, понимаешь, боюсь тебя. Я как-то жила. Плохо, наверное, но жила. В оцепенении, но жила. Я боюсь тебя, Язон. У меня ощущение, что ты можешь принести огромные перемены, а я боюсь перемен. Я не хочу перемен. Будьте прокляты все перемены! Я не хочу быть Кассандрой и прорицать будущее, но у меня все леденеет, когда я смотрю на тебя. Я боюсь, боюсь...

Бедная, потерянная душа, птичка с подбитым крылом. Засунуть себе за пазуху, отогреть, оттаять. Но где найти слова, чтобы вместили волны нежности и любви, которые накатывались на меня? Да разве вообще есть в мире слова, которые могут вместить эти волны?

Я взял ее руки в свои, поднес к губам и начал дуть, согревая их. Руки маленькие, как птенцы. Они сидели у меня в руках тихонько, не шевелясь. И глаза ее были странно неподвижны. Или мне это казалось в зыбком, светлом тумане.

Вот руки ее слабо шевельнулись в моих. Она прерывисто, как ребенок, вздохнула. Освободила свои руки. И осторожно, как слепая, провела ими по моему лицу. Словно ощупывала его. Задержалась, попав во влажную дорожку. Я не знал, что плакал. Она задержалась на влажной дорожке, стерла ее. Прикосновение ее рук было нежным и печальным. Она была рядом со мной, и ее не было. Мне казалось, обними я ее сейчас — и она просочится сквозь пальцы и исчезнет, растворится в холодном, враждебном лунном свете.

И снова мы шли по дорожкам сада, и я смотрел, задрав голову, на звезды и, опустив голову, на покрытую морозным инеем траву. Она рассказывала мне о себе, о своих делах. Я не понимал слов. Для чего мне были слова, когда я просто слышал ее голос. Милый голос с милой, едва уловимой хрипотцой. Перед тем как возвратиться, я спросил ее:

— Одри, ты можешь выполнить одну мою просьбу?

Она повернула голову и посмотрела на меня. Наверное, она думала, что я попрошу разрешения поцеловать ее, бедная душа.

— Вот тебе два маленьких пакетика. Никто не должен знать, что я дал их тебе. Когда ты приедешь в Шервуд, отправляйся в Местакский банк и положи в сейф. Ты знаешь, как абонировать сейф? Это нетрудно. Ключ положи в конверт и отправь мне в контору, на мое имя. — Я назвал адрес. — Запомнила? Другой пакет положи в другой сейф, ну, скажем, в 1-м городском банке. И сделай с ключом такую же операцию. Можешь отправить оба ключа в одном конверте. Ты поняла? Ты можешь это сделать, не спрашивая ничего?

— Да, Язон. Если ты просишь.

* * *

Я долго не мог уснуть. Меня не покидало ощущение, что я что-то сделал не так. Нет, не то, что я доверил Одри два пакета с пленками и копиями пальцев Джона Кополлы. Я не допускал и мысли, что она не выполнит мою просьбу. Другое дело мысль, что больше мы с ней, наверное, не увидимся. Это была тупая боль, к которой я уже начал привыкать. Нет, дело было не в этом. Я понял. Не нужно было просить Одри отправлять ключи в мою контору. Это было неразумно. Если даже был один шанс из ста, что они перевернут мою контору вверх дном, а ключей не найдут, это было неразумно. Если, конечно, я смогу выбраться отсюда. Но теперь ничего не поделаешь. Позвонить Одри я не мог. То есть мог бы завтра утром, безусловно, мог бы, но телефонов-автоматов здесь почему-то не было, а мой телефон прослушивался наверняка. Бонафонте, Эрни, глухонемой обжора с двойной фамилией, кто знает?

ГЛАВА 5

Весь следующий день меня занимала мысль о том, как же все-таки выходят отсюда? Почему при моем приближении к стене моментально включалась система тревоги, а я видел из окна, как Эрни подходил к стене, и никаких звонков не было. Хорошо, допустим, ему нужно было сделать что-то у стены, сменить лампочку в фонаре, ну что-то сделать. Он мог бы, естественно, выключить заранее сигнализацию. Но он просто сгребал листья, так же, как я в тот день, когда Бонафонте продемонстрировал мне свою меткость. И я точно видел, что он протянул грабли в сторону стены, как и я в тот раз. Не специально, не расчетливо, а естественным движением. Просто там было много листьев. И больше, пока я наблюдал за ним, к стене он не подходил, грабли к ней не протягивал. Не выключил же он заранее сигнализацию, зная, что где-то ему придется протянуть грабли.

Я надел куртку и вышел во двор. Эрни все еще сгребал листья в кучи, теперь уже в другом конце сада.

— Добрый день, — сказал я, подходя к нему сзади.

— Добрый день, — буркнул он, не поворачивая головы.

Так и не удалось мне, увы, стать любимцем местного общества.

— Эрни, я не могу больше сидеть за столом. Я превращаюсь в животное из класса плоскозадых. Дайте мне, пожалуйста, грабли.

Он молча протянул мне грабли и зашагал прочь.

— Да, Эрни, — крикнул я ему вдогонку, — сигнализация включена? А то я опять ненароком переполошу вас всех, как тогда.

— Она всегда включена, — ответил он мне, — осторожнее...

Для меня включена, выходит, а для него нет. Как же это может быть? Я автоматически сгребал листья — я уже становился специалистом по сгребанию листьев — и думал. И придумал, к своему удивлению. И почувствовал чистый восторг ученого, сделавшего открытие. Или создавшего теорию. Если сигнализация включена, но мое приближение к стене на нее действует, а приближение Эрни или кого-нибудь еще — нет, значит, они в отличие от меня на систему не воздействуют. И не потому, наверное, что они знают какое-нибудь петушиное слово, а потому, что у них есть нечто воздействующее на систему. И тут я вспомнил, как Одри как-то упомянула про ключ. Ключ, ну и что? Естественно, что у нее есть ключ. В отличие от меня, у которого на вилле его нет.

И все-таки я чувствовал, что слово «ключ» тянет за собой какие-то ассоциации в моем подсознании. Ключ, ключ...

Я вертел слово «ключ» так и эдак в голове, буквально жонглировал им и все-таки не мог сообразить, что меня в нем смущало, что привлекло внимание.

Ну и черт с ним, с ключом, со всеми ключами в мире. Вообще все зло в мире, твердо решил я, орудуя граблями, происходит из-за ключей. Выбросьте ключи, не нужны станут замки. Не будет замков, не будет сейфов и тюрем — священных устоев нашего прекрасного общества.

Я проработал, наверное, часа полтора и пошел к себе. Мимо ворот. В которых не было скважины для ключа. Не было, не было, мои глаза не ошибались. Две металлические створки были гладкими, без какого-либо отверстия. Так для чего же у Одри был ключ? Можно ли открыть ворота ключом, если его некуда вставить?

Господи, ну конечно же, как я мог сразу не сообразить. Есть ведь магнитные ключи, которые действуют

просто при прикосновении их к замку. И этот же ключ может действовать на систему тревоги, не давая ей включиться. Просто и ясно. За исключением того, что нужно достать ключ. Только и всего. Подойти, допустим, к Бонафонте и сказать:

— Оуэн, дорогой, дайте-ка мне ваш ключик. Я хочу удрать, чтобы взорвать ваш дьявольский вертеп, но не могу выйти без ключа...

Бедный старый профессор Ламонт, кажется, ему придется еще раз спать крепче, чем обычно. Может быть, даже после второго массированного приема «дримуэлла» ему вообще трудно будет засыпать без снотворного. Особенно если мне удастся унести отсюда ноги. В чем я, впрочем, совершенно не был уверен.

* * *

И вот я снова лежу затылком на жесткой спинке кровати и в сотый раз проделываю в уме все то, что мне предстоит проделать через пару часов. В уме у меня все получается отлично. Без сучка и задоринки. Может быть, и не стоит портить такой великолепный план попыткой осуществить его? Но все это нервные шуточки человека, которому вовсе не до шуток.

Я стараюсь расслабиться, не думать ни о чем. Ни об Одри, которую никогда больше не увижу, ни о прикосновении ее руки, которое никогда больше не почувствую, ни об Оуэне Бонафонте, который умеет попадать из пистолета в ручку грабеля. И, разумеется, в предметы, еще более удобные для стрельбы. Например, человека. Я стараюсь не думать о профессоре Ламонте. Бедняга, наверное, будет искренне разочарован мною. Что ему не хватало, этому Рондолу?

И чем больше я стараюсь не думать обо всем этом, тем быстрее и суетливее проносится хоровод лиц в моем мозгу.

И все-таки надо постараться как-то успокоиться. Я несколько раз вздыхаю так громко, что сам пугаюсь звуков, которые произвожу.

Но это неправда. Вдохи и выдохи не пугают меня. Я боюсь, что мистер Бонафонте, умеющий попадать в грабли, не промахнется и в меня. Я боюсь, что лежу в постели и думаю в последний раз. Вообще в последний раз. Все в последний раз. Лежу в последний раз, дышу в последний раз, живу в последний раз.

Меня вдруг пронзает острая и светлая мысль: а стоит ли? Стоит ли ставить на карту ощущение мягкого матраца под спиной, неудобной, твердой спинки кровати под затылком и хаос мыслей в голове? Моих мыслей. Мыслей Язона Рондола. Одного, единственного. Хорошо, против тебя зло. Но ведь зла много, а ты один... Может быть, оторвать голову от деревянной спинки кровати, подсунуть под нее подушку, отпустить тормоза и плавно заскользить вниз, в теплую долину сна? Ты ведь против зла? Против. Ты ведь не настолько глуп, чтобы думать, будто искоренишь все зло на свете? Нет. Так отпуская тормоза. Там, во сне, в сладком сне, не будет ни ключей, ни ворот, ни пистолетов. Там будет таинственное черное озеро с неподвижной водой и добрый глупый Айвэн Берман будет что-то бормотать себе под нос. Решай, Язон, отпуская тормоза. Ты еще молод, ты еще успеешь побороться со злом. Чего-чего, а его на твой век хватит. Как говорит кроткий профессор Ламонт, зло не появляется и не исчезает. Закон сохранения зла. Так что не торопись бороться со злом именно сейчас. Успеешь. И искать тебе его не нужно будет. Оно само найдет тебя. Решайся. Опустив голову на подушку, и ты сразу избавишься от холодного, липкого страха. Зачем тебе это отвратное ощущение, которое накачивает воздух тебе в грудь и заставляет сердце сжиматься в комочек? Опустив голову на подушку, опу-

сти. Отпусти тормоза волн. Ты заснешь сразу, словно нырнешь в теплую ласковую воду...

О, как мне хочется спать: Мысли становятся слегка размытыми и одновременно замедляют свое хаотическое мелькание. Если бы не твердая спинка кровати под затылком, я бы уже спал. Может быть, я уже сплю и соединен с явью лишь тоненькой пуповиной неудобства в затылке.

Мысль эта неожиданно пронзает меня как удар тока, как удар тока электрического стула. Я сбрасываю ноги на пол. Быстрее из трясины, из зовущей и манящей трясины благоразумия.

Я встаю, делаю несколько шагов к окну и прижимаюсь лбом к холодному стеклу. Только проснувшись, я начинаю понимать, как близок был к тому, чтобы заснуть.

Ищу часами отблеск света на циферблате. Без трех минут час. Пора. Еще раз мысленно произвожу ревизию своих планов. Ничего не забыл? Как будто нет. Я надеваю куртку и медленно, бесконечно медленно открываю дверь. Удачно. Не скрипнула.

Во дворе тишина. Пугающая негородская тишина. Если не считать легчайшего шороха морозящего дождика по листьям на земле, которые мы с Эрни так и не успели все собрать.

Как будто никого. Я осторожно крадусь к маленькому дому. Открываю дверь. Пока все просто. Слишком просто.

Теперь я все время помню, где стоит кресло. Я обхожу его. Задергиваю шторы, зажигаю маленькую лампочку над панелью синтезатора. О, великая штука — тренировка! Я уже проделывал все это и теперь двигаюсь быстро и без размышлений.

Открываю дверь в спальню Ламонта. Профессор спит на спине, тихонько похрапывая. Сначала слышно

легкое сопение, потом легкое бульканье. Мирные, покойные звуки. В спальне тепло, слабо припахивает каким-то лекарством. Я смотрю на лицо Ламонта. В полумраке оно почти неразличимо, но мне кажется, что я вижу его выражение. Тихая, кроткая удовлетворенность пожилого человека. Жизнь почти прожита, но нет ни горя, ни горечи. Все хорошо. Все достигнуто. И с дочерью все будет хорошо. Спокойная, достойная старость. Тихая осенняя ночь.

Я все еще смотрю на Ламонта. Он спит. Четыре порошка «дримуэлла» делают свое дело. Будем надеяться, что они не подведут.

Ну-с, дорогой мой Рондол, сказал я себе почему-то словами Ламонта, подумай, где человек может хранить ключ? В кармане? Отлично. Я начал обыскивать карманы пиджака, который висел на спинке стула. Носовой платок. Шариковая ручка. Плоская коробочка. Я поднес ее к двери, чтобы рассмотреть на свету. Сердечное лекарство. На всякий случай открыл. Таблетки. Бумажник. Вряд ли ключ может быть в бумажнике. А почему бы и нет? Какие-то документы, деньги. Засовываю деньги себе в карман. Потом, когда будет время, я буду обсуждать с собой моральную сторону вопроса. Профессор похрапывает так по-домашнему, все вокруг так тихо, что я начинаю успокаиваться. Должен же у него быть ключ, черт его побери...

И вдруг все взрывается телефонным звонком. Чудовищной громкости телефонным звонком. Я замираю, зато мысль начинает метаться. Кто это? Может быть, Одри? Может быть, у нее что-нибудь случилось?

Телефон уже трижды вспарывал тишину. Профессор перестал храпеть. Сейчас он откроет глаза и увидит меня. Четвертый залп звонка. Ламонт что-то мычит, но глаза не открывает. Снять трубку, боже мой, какой я болван! Я хватаю трубку и поднимаю ее. Я не подню-

шу ее к уху, но тем не менее слышу голос. Голос Бонафонте.

— Профессор, это Бонафонте. Простите, что я вас беспокою. Я увидел, что вы зажгли свет, и подумал, что, может быть, вам нужно что-нибудь...

Плохо задернул штору. Что теперь делать? Положить трубку. А если он все-таки придет? Я метнулся к двери, защелкнул замок, бросился обратно в спальню профессора. Снова зазвенел звонок. Выхода уже не было. Я приподнял трубку и опустил ее. Проклятый Бонафонте. Где, где этот старый мерзавец может держать свой ключ? Меня охватила паника. Руки дрожали. Может быть, в ящике стола? Я протянул ящик, но он не открывался. Искать еще один ключ? А если Бонафонте сейчас придет сюда? Может быть, он уже стоит сзади, направив на меня свой проклятый пистолет?

Я мгновенно повернулся, словно отброшенный тугой пружиной. Никого. Я метнулся к двери, замер на мгновение. Его было достаточно, чтобы я услышал шаги.

Тот, кто шел, не таился. Все-таки он решил прийти. Если дверь будет закрыта, он постучит. Еще раз постучит. Он не уйдет. Ведь профессор снимал трубку. Я в западне. В ловушке. Я открыл замок и поставил его на защелку.

Время остановилось. Господи, если бы мне только не мешал грохот собственного сердца. Еще шаг, другой. Пауза. Стук в дверь. Вежливый, осторожный. Стук подчиненного.

Я затаил дыхание. Что он сейчас должен сделать? Попробовать, открыта ли дверь. Он пробует, открыта ли дверь, потому что я вижу, как начинает поворачиваться ручка. Я стою сбоку. У меня один шанс. Из скольких — считать мне некогда, потому что дверь начинает медленно открываться. Не нужно ему было

всовывать голову. Это была ошибка. В таких случаях дверь нужно открывать ногой. Вот он, мой единственный шанс. Мне кажется в эти доли секунды, что я вижу на раздвоенном мясистом подбородке бородавку. Мой кулак, в который я вложил вес своего тела, обрушивается на него. Он даже не вскрикивает, а всхрапывает по-лошадиному, падая вперед, через порог. В то же мгновение, когда он касается пола, а может быть раньше, я наношу ему удар ногой. Футбольный удар. По неподвижному человеческому лицу. Теперь он стонет. Теперь ему больно. Наверное, до сих пор он думал, что это случается только с другими.

Я поднимаю его пистолет. Легкий, маленький, наверное, двадцать пятый. Ну, у него-то должен быть ключ?

Я лезу в карман и — о чудо! — сразу же вытаскиваю небольшой металлический плоский предмет. Это не ключ в обычном понимании этого слова, но я уже знаю, что ключ должен быть магнитным...

Я бегу по шуршащим листьям. Дождь прекратился. Где-то надо мной в разрыве облаков выглянула луна.

«Господи, — мелькает у меня в голове, — этого мне еще не хватало». И тут же луна снова скрывается. Сегодня все стихии подвластны мне.

Ворота. Я так и не знаю, есть ли кто-нибудь в будочке подле них. Еще несколько шагов — и если это не ключ или я в чем-то ошибся, раздастся сигнал тревоги. Но об этом лучше не думать.

В будке темно. Я уже ближе к воротам, чем десять футов. Тишина. Ворота. В темноте они кажутся гигантскими. Я вытаскиваю из кармана магнитный ключ. Если это магнитный ключ, надо еще знать место, куда его приложить.

Дождь усиливается, и шелестящий шум от падающих на листья капель напоминает мир. Я вожу куском

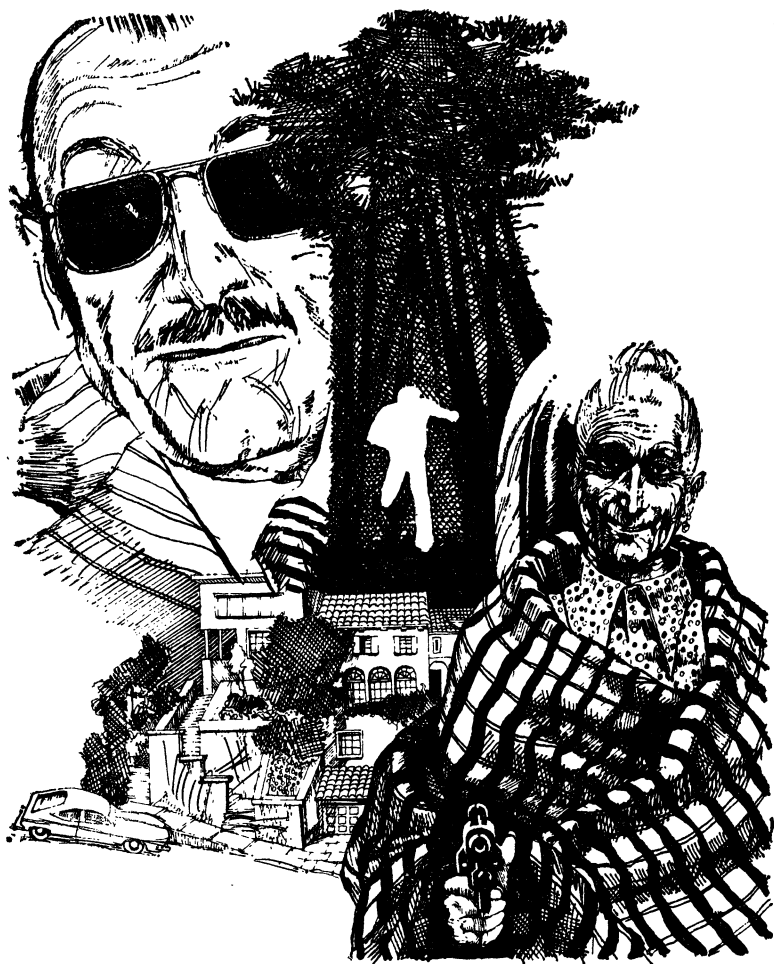
металла по воротам. Может, здесь, где створки сходятся?

Проходит еще секунда, другая, и вдруг сухой шелк реле, весело включается мотор, и ворота начинают медленно открываться. Я не жду, пока они откроются полностью. Я продираюсь сквозь щель, и в то же мгновение ярко вспыхивают лампы на заборе, захлебываются сигнальные огни. Мотор ворот замолкает. Но я уже бегу. Я бегу. По шуршащим листьям, по дождю, подальше от виллы «Одри». Какое счастье, что идет дождь...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ПОБЕГ

ГЛАВА I

Оуэн Бонафонте застонал и попытался встать. Во рту было что-то соленое. Он сплюнул. Наверное, кровь, вяло подумал он. Он ощутил саднящую боль в щеке, во всем лице. Провел рукой и почувствовал тепловатую липкую влагу. И сразу раздвинулся занавес, и он вспомнил все. Он вскочил на ноги. Он стоял в полумраке кабинета, и из открытой двери тянуло сырым холодом. Он еще не мог думать быстро и отчетливо, но он твердо знал, что нужно что-то делать. Сейчас же. Наверное, это Рондол. Рондол. Он всегда знал, что этим дело кончится. Если бы только профессор послушал его... Как близок был его затылок, когда он наклонился над трупом Джонаса. Тогда и нужно было нажать на спуск. Зачем оставлять лишний рот? И лишние руки, подумал он, ощутив прилив боли в щеке.

Он вдруг сообразил, что бежит к главному зданию. Еще не поздно. С каким наслаждением он всадит пулю ему в лоб! Нет, лучше не в лоб, в живот. И смотреть ему в глаза. Стоя. А он чтобы лежал. И чтобы глаза его медленно туманились, стекленели.

Ненависть полностью вымела из его головы туман, и он сунул руку в карман за пистолетом. Но он же держал его в руке, когда входил к профессору. Неужели же пистолет у Рондола? Он уже знал, что это правда. И что случилось нечто гораздо худшее, потому что пальцы не ощутили в кармане привычной металлической гладкости ключа. Он остановился. Что же делать? Ага, прежде всего сигнал тревоги и выключить механизм ворот.

Он повернулся и побежал к дому профессора. Он даже не нажал кнопку тревоги, он вбил ее кулаком.

У него промелькнула мысль, что Ламонт, наверное, убит. Он подбежал к кровати и услышал храп.

— Профессор! — крикнул он и схватил старика за плечи. — Профессор, вставайте!

— Что такое? — промычал Ламонт.

— Проснитесь! — Бонафонте тряс старика за плечи, и его голова с венчиком седых волос вокруг розовой лысины дергалась вперед и назад.

Профессор открыл было глаза, но они тут же закрылись. Что за проклятие, подумал Бонафонте, неужели он чем-нибудь напоил его. Вот для чего ему нужен был «дримуэлл». Он застонал от ярости. От запоздалой ярости. Он ведь чувствовал что-то подозрительное. Снотворное! Цианистый калий ему нужен, этому быку, а не снотворное. Он заметил, что его правая рука оставила на светлой пижаме Ламонта кровавый отпечаток. И тут же успокоился окончательно. Какая глупость, нужно было сразу перекрыть ворота. Впрочем, вряд ли он успел удрать. Он услышал топот. В комнату ворвался Эрни, а за ним Харрис-Прайс. В куртке поверх пижамы.

— Это Рондол! — крикнул Бонафонте. — Эрни, к воротам. И вы тоже. Если он успел удрать, ищите его. Далеко уйти он не мог.

— А профессор? — спросил Эрни, но Бонафонте лишь махнул рукой.

— Потом, потом, захватите фонари и радио. Далеко он уйти не мог. Но осторожнее, у него пистолет.

Он старался говорить уверенно, но он знал, что найти человека в лесу в такую ночь будет непросто. Если бы у них была собака...

Через несколько минут зазвонил телефон. Бонафонте взял трубку. Эрни возбужденно крикнул:

— Оуэн, он успел открыть ворота!

— Давайте ищите его. Скоро я присоединюсь к вам. — Нажал рукой на рычаг и набрал номер. Он терпеливо ждал, пока наконец злой и хриплый со сна мужской голос не ответил:

— Слушаю...

— Мистер Вольмут, это Оуэн Бонафонте.

— Нашел время звонить...

— Мистер Вольмут, это экстренный случай. Только что сбежал этот адвокат. Ну, вы же знаете, я рассказывал вам, Рондол.

— Да, да.

— Он сбежал.

— Как сбежал?

— Сбежал.

— Как, я тебя спрашиваю? — в голосе появились металлические нотки.

— Он вытащил ключ.

— У кого?

— У меня.

— А где ты был, идиот?

— Мне показалось, что с профессором что-то стряслось. Я пошел к нему, и в дверях он меня подкараулил...

— Идиот! Что с Ламонтом?

— Все нормально. По-моему, он ему подсыпал снотворного.

— Идиот! — Бонафонте промолчал. Мистер Вольмут не любил, когда люди начинали говорить до того, как он задавал им вопросы. — Это ты идиот, — сказал Вольмут. — Я никогда не поверил бы, что в наше время могут быть такие идиоты. Ты меня понимаешь? — Бонафонте снова промолчал, но Вольмут настаивал теперь на ответе. — Ты меня понимаешь?

— Да, мистер Вольмут.

Ссадины на лице начинали болеть все больше и больше. Но он не мог позволить себе даже поморщиться, потому что кровь подсыхала и его сразу же пронизывала острая боль.

— Где остальные?

— Я отправил их, мистер Вольмут.

— Ты знаешь, что я с тобой сделаю, если вы не найдете его?

«Сволочь, жирная сволочь», — с ненавистью подумал Бонафонте, представив себе огромное тело своего собеседника.

— Нет, мистер Вольмут.

— Это хорошо, Бонафонте. Это хорошо, что ты не знаешь. Если бы ты знал, — теперь он говорил почти ласково, — если бы ты знал, ты мог бы пострадать... У тебя поднялось бы кровяное давление. Ладно, даю тебе час времени. Если через час вы его не найдете, позвони мне и доложи. И сразу же начинайте выполнять намеченное. Ты меня понимаешь?

— Да, мистер Вольмут.

— Ровно через час ты мне звонишь.

Где профессор держал свое оружие? Или быстрее сходить к себе? Он снова поднял Ламонта за плечи и потряс его. На этот раз он открыл глаза почти сразу.

— А? Оуэн? Что случилось? — пробормотал он.

— Я уже минут десять пытаюсь разбудить вас, — сказал Бонафонте.

— Что случилось?

— Рондол удрал.

— Как «удрал»?

— Удрал. Он подмешал вам, наверное, снотворного. Я увидел у вас в окне полоску света, штора не была затянута, позвонил вам. Я словно чувствовал, что что-то случилось.

Профессор судорожно зевал, но глаза его уже начали проясняться.

— Рондол удрал, — сказал Ламонт, и Бонафонте показалось, что в голосе его была грусть. Конечно, припал его для своей суки. — Вы позвонили мистеру Вольмуту?

— Да. Вольмут дал нам час. Если через час не найдем беглеца, мы должны будем провести намеченное...

— Да, да, конечно. — Ламонт потер лицо ладонями. — Значит, Рондол удрал...

— Как видите, мистер Ламонт. Вы не одолжите мне свой пистолет?

— Конечно, Оуэн, конечно. Он в правом нижнем ящике.

Бонафонте достал пистолет и засунул его в карман.

— Я пошел, профессор, но, как вы понимаете, найти человека в лесу в такую ночь...

— Я понимаю, — рассеянно кивнул Ламонт. — Поэтому и начну готовиться к тому, что нам, видимо, придется сделать.

Он еще раз зевнул и с кряхтением сполз с кровати.

* * *

Как только Бонафонте вышел из ворот, его окружила темнота, мокрая осенняя темнота. Дождь все не прекращался. «Если бы Рондол стоял за деревом в двух шагах от меня, — подумал Бонафонте, — я бы все равно не заметил его. Это бессмысленно». Он поднял к лицу «уоки-токи» и нажал кнопку. Первым ответил Эрни.

— Эрни слушает.

— Это Бонафонте. Ты далеко от ворот?

— Да нет, мы тут лазаем по лесу вдоль шоссе.

— Какие-нибудь машины проходили?

— Да нет, пожалуй, мы бы увидели свет от фар, да и услышали бы, наверное.

— Хорошо. Харрис, вы нас слышите?

— Да, — послышался в динамике голос инженера, — я сразу включил свое радио.

— Хорошо. И вы тоже не видели машин?

— Нет. Да мы недалеко друг от друга.

— Эрни, Харрис, главное, чтобы он не остановил какую-нибудь машину. Поэтому Эрни пройдет по шоссе с полмили в сторону Джоллы. Эрни, останавливай каждую машину, даже если придется стрелять. А вы, Харрис,

проделайте то же самое, только в противоположную сторону. Если найдете Рондола, пусть даже в машине с другими людьми, все равно стреляйте. Живым уйти он не должен.

Бонафонте опустил радио. Боль в лице немного утихла. Он перешел через шоссе. Было так темно, что он скорее ощутил под ногами твердую поверхность, чем увидел асфальт. Идти в лес было бессмысленно. Он медленно пошел по шоссе, прислушиваясь. Бесконечный тоскливый шорох мелкого дождя.

Господи, думал он, почему он не настоял на своем, почему не уговорил профессора не связываться с этим Рондолом? Еще в тот самый момент, когда адвокат поднял голову и увидел направленный на него пистолет, Бонафонте не понравилось его спокойствие. В этом спокойствии был вызов. Человек без пистолета должен бояться человека с пистолетом. Убери эту простую связь — и мир развалится. Самое простое уравнение цивилизации и самое нужное. Неважно, что подставляешь вместо пистолета в уравнение, будь то камень, атомная бомба или организация мистера Вольмута. Как чувствовал он, что не найдет с Рондолом общего языка. И не нашел. Зато тот быстро нашел его с Одри. Шлюха. Шизофреничка. Отличная комбинация, нечего сказать. Боже мой, каким же нужно было быть наивным дураком, чтобы хоть на минуту позволить себе даже посмотреть в ее сторону...

Почва на обочине шоссе была глинистая, и он поскользнулся, сойдя с асфальта, и с трудом удержал равновесие.

— Будьте вы все прокляты, — пробормотал он и взглянул на часы. Через пятнадцать минут нужно звонить Вольмуту.

Записал зуммер «уоки-токи». Он поднял радио, нажал кнопку.

— Бонафонте, Эрни, Харрис, это Ламонт. Только

что звонил Вольмут. Он больше не хочет ждать. Ни секунды. Так что останавливайте первую же машину...

— За полчаса мы не видели еще ни одной, — пробормотал Бонафонте.

— Встретите, обязательно встретите. Или вы хотите, чтобы и машину нам нашел Вольмут?

Кто поедет в такую погоду в два часа ночи по маленькой сельской дороге? Господи, и в этом ему не везло. Ему всегда не везло, думал Бонафонте. Он работал, а командовали другие. Мерзавцы... Наверное, нужно родиться с умением заставлять других работать на себя. Он, Бонафонте, сколько он себя помнил, работал на других. Исполнитель. Всегда исполнитель чужой воли, от матери до мистера Вольмута, от Ламонта до его шлюхи. Будь они все прокляты... А что, если они действительно не найдут эту сволочь... Вольмут никогда не болтает зря, он же может их всех уничтожить, ему, жирному борову, для этого нужно лишь кивнуть. Он представил себе круглое, как блин, лицо Вольмута со свисающими щеками и с холодными маленькими глазками. Вольмут может все. Вся полиция у него на содержании, да и власти, похоже.

Он почувствовал, как страх сжал его желудок. Сразу, конечно, Вольмут их не уничтожит, но, когда найдут этого адвоката и его друзья отправят его по всем правилам на смерть или полную переделку, тогда другое дело. Вольмут не любит тех, кто допускает ошибки. Он из мира, где за ошибки расплачиваются смертью. Страх сконцентрировался теперь в верхней части желудка, тяжелый, холодный страх. Впрочем, не все ли мы из того самого мира?

Снова запищал зуммер радио.

— Оуэн, — даже в динамике голос Эрни звучал возбужденно, — я вижу вдали свет от фар машины.

— Останови во что бы то ни стало. Смотри, Эрни... Если мы еще и машину не остановим...

Он пошел быстрее в ту сторону, где был Эрни. Даже если он был и не очень далеко, он пока не мог его видеть, потому что дорога петляла по лесу. Он прибавил шагу, потом побежал. Холодный дождь хлестал его по лицу. Ему почудилось, что он уже видит слабый отблеск фар за поворотом. Почему ему сегодня так тяжело бежать? Неужели из-за удара Рондола? Он дышал часто и тяжело. Идиот этот Эрни.

Да, свет фар. И совсем близко. Кажется, он все-таки остановил машину. Господи, хоть бы выключил фары, идиот, оставил бы подфарники.

Эрни разговаривал с водителем. Как будто женщина. Нет, мужчина. Бонафонте глубоко вздохнул, успокаивая дыхание.

— Что вы хотите от меня? — спрашивал водитель. Голос у него был раздраженный и плаксивый.

— Неужели вы откажетесь помочь нам подвезти в город больного? — сказал Эрни. — Наша машина сломана.

— Почему вы не вызовете «скорую помощь»? Мне некогда, я и так устал как собака...

— Острый приступ аппендицита...

— Да что мне ваш аппендицит, вызовите «скорую помощь».

Эрни заметил Бонафонте, кивнул ему.

— Поедете вы или нет? — спросил Бонафонте. В голосе его прозвучала такая ярость, что водитель пробормотал:

— Ну хорошо, где ваш больной?

Не спрашивая разрешения, Бонафонте нажал на кнопку, но дверца не открывалась. Водитель помог ему.

— Прямо, пожалуйста, — сказал Бонафонте.

Водитель, обернувшись, посмотрел на него. Протянул руку и зажег верхний плафон.

— Боже, — пробормотал водитель, — что это с вашим лицом?

— Поезжайте. Это я упал.

— Я не хочу! — вдруг выкрикнул водитель тонким голосом. — Я никуда не поеду, вылезайте из машины! Поняли? Вылезайте, я никуда не хочу ехать, вылезайте из машины!

— А это вы видели? — вкрадчиво спросил Бонафонте и сунул между лопатками водителя ствол пистолета. Тот замолчал, вжал в плечи голову и судорожно втянул в себя воздух. — Поезжайте.

Машина тронулась, набрала скорость.

— Не разгоняйтесь, сейчас вы увидите свет слева и въедете в ворота.

— Боже, зачем я только остановился? — хныкал водитель.

— Это вы сейчас узнаете. Сюда, налево.

Они въехали во двор. Водитель, немолодой человек, немного успокоился. Должно быть, на него произвел впечатление высокий забор и большой дом.

— Ну где же ваш больной?

— Вот он, — сказал Бонафонте и выстрелил в спину водителя. Тот дернулся, словно кто-то подбросил его вверх, и медленно начал клониться в сторону, сползая на сиденье. Остро запахло карбидом.

— Все нормально? — спросил Ламонт, подходя к машине.

— Как видите.

— Ну и отлично. Сдвиньте его в сторону. Спасибо, Эрн, посветите мне, я займусь рулем.

Профессор достал несколько мягких пластиковых подушечек и осторожно прижал их к рулю. Он повторил эту операцию несколько раз и удовлетворенно кивнул. Потом взял носовой платок и принялся протирать им руль, но так, чтобы стереть не все отпечатки.

— Готово, Оуэн, — сказал Ламонт. — Вот вам перчатки. — Он протянул Бонафонте перчатки, и тот натянул их. — Ну в остальном, как мы и планировали. Труп

в кювет. Где-нибудь за знаком восемьдесят второй мили. Машину чуть подальше, не забудьте протереть ручки, которых вы касались без перчаток. Хорошо?

— Обязательно, — кивнул Бонафонте.

— И пусть Харрис минимум час дежурит на шоссе, чтобы быть уверенным, что Рондола никто не подвез в сторону Шервуда.

* * *

Капитан Мэннинг разговаривал с женщиной, которая умерла пять лет назад. Но он нисколько не удивлялся, потому что сладко спал, подсунув под щеку руку. Рядом тихонько сопела жена. Телефон разбудил его. Он проснулся мгновенно, как просыпаются полицейские, врачи и преступники. Во рту было сухо. Неужели опять будет ухудшение диабета, придется ложиться в больницу, подумал он. Он поднял трубку.

— Капитан Мэннинг слушает.

— Здравствуйте, капитан, это Вольмут.

Мэннинг сбросил ноги на пол и сел. Если звонил Вольмут, и звонил в такой час, все равно придется вставать. Вольмут из тех людей, после звонков которых обязательно что-то происходит. Есть такие люди, вокруг которых вечно что-то происходит, все кипит, бурлит.

— Слушаю, мистер Вольмут.

— Только что вам в полицию сообщили, что на второй дороге... Знаете, это узенькая сельская дорога? Ну та, что проходит мимо виллы «Одри»...

— Понимаю, мистер Вольмут...

— Так вот, только что сообщили, на восемьдесят второй миле нашли труп. Прямо на шоссе. Выброшен из машины. А сама машина немножко подальше.

Капитан Мэннинг автоматически посмотрел на свои часы, лежавшие на тумбочке у кровати. Три часа одиннадцать минут.

— Так вот, капитан, есть основание предполагать,

что убийца все еще находится где-то в этих местах. Я думаю, он вооружен.

— Понимаю, — сказал капитан Мэннинг. Главное — всегда понимать Вольмута и не задавать ему лишних вопросов, вроде таких, кто нашел труп и почему он, Вольмут, знает об этом.

— Я в этом не уверен. Дело в том, что он не просто опасен. Он обязательно захочет удрать, если его задержат. Понимаете?

— Понимаю, мистер Вольмут.

— Будем надеяться, вы знаете, что нужно делать хорошему полицейскому, когда задержанный пытается бежать?

— Понимаю, мистер Вольмут.

— Ну и хорошо. У меня есть основания предполагать, что на руле, помимо отпечатков пальцев хозяина машины, могут найтись и отпечатки убийцы. Осторожнее с ними. Но я не буду удивлен, если преступником окажется некий Язон Рондол, адвокат из Шервуда. Шесть футов два дюйма ростом, шатен.

— Это очень ценная информация. Все будет в порядке, мистер Вольмут, не беспокойтесь.

— Будем надеяться. Если все будет хорошо, я вам буду очень благодарен, капитан. Вы меня понимаете?

— Понимаю, мистер Вольмут.

Он не ошибся. Действительно, нужно было вставать. Он быстро оделся. Если бы за ним явился ангел и пригласил ко всевышнему, он бы не собрался так проворно.

— Куда ты? — сонно пробормотала жена.

— Убийство, — коротко ответил Мэннинг и вышел.

Дежурный в здании полиции Джоллы сержант Лепски не спал. Это было странно. Действительно, наверное, уже звонили.

— Доброе утро, сэр. — Сержант вскочил на ноги при виде своего начальника.

— До утра еще далеко? Что-нибудь есть?

— Да, сэр. Только что звонили. Труп на второй дороге. И брошенная машина. Я направил туда третью патрульную.

— Хорошо, вы зарегистрировали сообщение?

— Да, сэр. Вот.

Мэннинг посмотрел на время регистрации. Три часа пятнадцать минут. Вольмут, как он и думал, позвонил ему раньше, чем в полицию. Он вздохнул. Бандит он, этот Вольмут, слов нет, но поди свяжись с ним... Он содрогнулся при одной мысли о неммыслимом.

— Хорошо. У меня есть дополнительная информация. Похоже, что убийца далеко уйти не мог. Нужно перекрыть вторую дорогу в обоих направлениях и проверять машины на других дорогах, которые проходят через Джоллу. Преступник — высокий шатен, шесть футов два дюйма. Вызывайте по радио все патрульные машины.

— Хорошо, сэр.

— И побыстрее. Чтобы все кипело. Поняли?

— Да, сэр.

ГЛАВА 2

Я не знаю, сколько я брел по темному, мокрому лесу. Час, два. Может быть, все три. Во всяком случае, светать еще не начало, и я спотыкался на каждом шагу о корни. Дважды я натыкался на деревья и теперь шел, как слепец, с вытянутыми перед собой руками. Нет, шел — это слишком сильно. Брел, спотыкался — это точнее. Ноги у меня промокли, я замерз, устал, но милый бело-розовый профессор остался где-то далеко позади. Мне казалось, что шоссе находится справа и я двигаюсь вдоль него, но вполне могло быть, что я кручусь на одном месте. А может быть, даже иду обратно. К Бонафонте, который, наверное, отдал бы месяч-

ную зарплату за то, чтобы еще раз увидеться со мной. А может быть, я даже недооцениваю себя. Может быть, он отдал бы даже двухмесячную зарплату. Тем более что кроткий профессор компенсировал бы ему расходы. В конце концов я был его протеже, оплатившим ему черной неблагодарностью.

Я сел у дерева и постарался устроиться поудобнее. Если вы пробовали когда-нибудь устроиться поудобнее в кромешной тьме промозглого ноябрьского леса, вы поймете, почему я садился так и эдак, втягивал голову в плечи и никак не мог найти удобной позы.

Темнота была плотной, густой, вязкой. Наверное, ее можно было бы пощупать пальцами, если бы у меня оставались силы вытащить руку из кармана.

Я вспомнил почему-то свою контору. Ага, наверное, потому, что блондинка на календаре изнывала, бедняжка, от жары, а я сейчас никак не мог представить себе не то что раскаленного песка пляжа, даже обычной кровати. Обычной кровати с матрасом, подушкой и одеялом. Под одеялом тепло и сухо. Можно вытянуться и даже накрыться с головой. И спать. Это же невозможно, это нереально. Разве есть у кого-нибудь такое счастье?

Кровать — это величайшее изобретение человека. Не колесо, не огонь, а кровать.

Господи, хотя бы пришел сон, хотя бы я мог немножко подремать. Но я не спал, и время не двигалось. Может быть, где-то оно и двигалось, но в этом жидком мраке, в этой чащобе не смогло бы пробраться даже время. К тому же было слишком холодно. В холоде время движется медленнее — это бесспорно. Это очень легко проверить. Надо только сесть в холодном ночном лесу. И сидеть. Я попробовал подумать об Одри, но и она не хотела вписываться в этот мрак. И ей здесь не было места. Впрочем, не только здесь. Наши миры больше не соприкасались. С момента, когда я

дам показания полиции о хобби ее отца, мы будем жить в разных измерениях.

Мир и антимир. При соприкосновении они взрываются. Они не могут существовать рядом. Ну что ж, прости, Одри, иначе я не могу. Слишком глуп. Поэтому-то я не прохожу сквозь фильтры общества, которые задерживают таких глупцов, как я. Идиотов с такими атавистическими понятиями, как совесть. Для таких вообще нужно создавать колонии. Колонии для морально прокаженных. Эй, смотрите, вон идет человек с чувством стыда. Ату его! Хватайте, пока он не перезаразил окружающих. Позвольте, позвольте, история учит, что эта болезнь не заразна. Ничего, все равно хватайте, нечего ему портить наших детей!

Науськивайте на него собак, на этого выродка, который отказался от ста тысяч в год, спокойной работы и красивой бабы с изрядным приданым. Держите его, борца за справедливость! В смиренную его рубашку! Он один, видите ли, хочет бороться со злом. А кто, спрашивается, тебя просил? Кто уполномочил? Кто голосовал за тебя? Ах, никто, только совесть? А у нас, значит, нет совести? Звоните быстрее в полицию, он нас всех перережет!

Я вздрогнул. То ли от порыва холодного ветра, то ли оттого, что промозглая сырость пронизала меня насквозь. Я поднял голову. Мне почудилось, что мрак надо мной стал уже не таким плотным. В нем начала угадываться серость. В стакан туши капнули воды. Чуть-чуть пока.

Бедная Одри, прости меня. Когда уж не везет, так не везет. Гереро и папа Ламонт — не каждый вытянет такие карты. И Язон Рондол, идущий доносить во имя справедливости. Доносить на отца. Бедная Одри с беззащитными, испуганными глазами, прости меня. Ты не зря боялась. Ты действительно Кассандра. Ты чувствовала, что я разрушу твой мир. Прости, если можешь.

Но ты не сможешь, я знаю. Ты ничего не забываешь. Ни Гереро, ни сорок таблеток снотворного. Ни того, что я принес тебе. Может быть, сорок таблеток скорее нужны были мне...

Небо все проявлялось и проявлялось в слабом проявителе ноябрьского утра, пока наконец я не начал различать ветки на фоне темно-серых туч.

Я встал. Тело у меня затекло, было холодно и печально. Но нужно было преодолевать печаль и жить. Самое, наверное, главное — это уметь преодолевать печаль. Я постоял, прислушиваясь. Мне померещилось, что я услышал где-то впереди шум машины, и я побрел в том направлении. Я прошел минут пятнадцать и действительно вышел к дороге. Где я был, одному богу было известно. Я стоял и думал, в какую сторону идти, когда снова услышал шум машины. Было уже так светло, что она шла с потушенными фарами, но на крыше вращался световой маячок. Полиция. Я почувствовал, как с плеч сваливается груз, и в первый раз за многие дни на меня снизошло спокойствие. Я вышел на дорогу и поднял руку. Машина остановилась. Полицейский за рулем с интересом посмотрел на меня, и мне показалось, что он даже подался вперед. Его товарищ открыл дверцу, поставил одну ногу на асфальт и опасно выглядывал из кузова, словно боялся, что я вот-вот начну стрелять по ним.

— Доброе утро, — сказал я и протянул водителю свой пистолет. Мне не хотелось, чтобы они подумали, что я что-то скрываю. Я знаю психологию полицейских. Не сводя глаз с моего лица, он быстрым движением схватил пистолет и бросил его на сиденье. — Меня зовут Язон Рондол, — как можно спокойнее сказал я, — и я хотел бы сделать официальное заявление полиции. — Мне они оба не нравились. Они были оба испуганы, напряжены, а испуганный полицейский — одно из самых опасных животных на свете. Я не

охотник, но полагаю, что он опаснее кормящей тигрицы.

— Язон Рондол? — переспросил водитель таким голосом, словно я представился ему папой римским.

— Да.

— Протяните руки, Рондол, и не вздумайте мудрить.

Что это значило? Неужели эта банда уже начала действовать? Впрочем, так оно, наверное, и было. Ну что ж, я ведь на это рассчитывал.

— Пожалуйста, — как можно вежливее сказал я и протянул руки.

Надел он на меня наручники виртуозно. Быстрота и элегантность его движений были бесподобны. Если бы у нас проводились национальные состязания по надеванию наручников на ближних, этот джентльмен имел бы неплохие шансы. Мне хотелось поаплодировать ему, но было уже поздно.

Полицейский посмотрел на мои руки с удивлением, покачал головой, словно не веря, что это он надел на меня такие прекрасные хромированные браслеты, и открыл заднюю дверь машины.

— Залезайте, мистер Рондол.

«Мистер» — это хорошо, подумал я. Все-таки я ему понравился. Сам вышел на дорогу, сам остановил их, сам отдал пистолет и сам протянул руки — что еще может сделать законопослушный гражданин представителям власти?

Я откинулся на спинку сиденья. До чего же приятно и удобно сидеть в машине. После нескольких часов, проведенных в холодном ночном лесу, я наслаждался комфортом. Даже полицейским комфортом с наручниками.

Водитель, обернувшись, продолжал смотреть на меня с немым обожанием, а его товарищ поднял трубку радиотелефона.

— Сержант, это Смит. Он у нас... Да при чем «ошибиться», когда он сам назвался... Да точно, сержант. Язон Рондол. И по описанию точно подходит... Хорошо, сержант. Где мы находимся? На второй дороге. Примерно на восемьдесят пятой миле. Есть, сержант, будем ждать.

— Поехали? — спросил водитель, не сводя с меня взгляда.

— Нет, сержант приказал не двигаться с места, ждать еще машину.

— Это зачем? — спросил водитель. — Мы что, вдвоем безоружного человека в наручниках не привезем?

— Чего ты меня спрашиваешь? Приедем — спросишь сержанта. Он обожает, когда ему задают вопросы.

Они замолчали. Редко кто умеет молчать так легко, как патрульные полицейские. Перед уходом на пенсию, впрочем, большинство из них начинает говорить сами с собой.

Профессор Ламонт придумал для меня, надо предполагать, что-то необыкновенное, если меня собираются привести в полицию с эскортом. Но что именно? Но думать не хотелось. Я чувствовал, что засыпаю. В лесу я заснуть не мог, а здесь глаза так и закрывались.

— Вот нервы, — услышал я откуда-то издалека голос, а другой ответил ему:

— Позавидуешь.

Это они обо мне, подумал я. Значит, я все-таки заснул. И если я заснул, откуда я могу знать, что сплю? Этой мысли всегда бывает для меня достаточно, если я не хочу засыпать. Проснулся я и на этот раз. И услышал шум подъезжающей машины. А может быть, от этого звука я и проснулся.

— Вот он, сэр.

— Молодцы.

— Спасибо, сэр.

— Как ваше имя? — спросил человек, заглядывая в окно нашей машины.

— Язон Рондол.

Человек прищурился, чуть склонил голову набок и долго рассматривал меня. Как я им всем, видно, нравлюсь, если они на меня насмотреться не могут.

— Похож, — сказал он наконец.

— Я тоже так думаю, — вежливо согласился я.

— Острие? — почему-то обрадовался человек, смотревший на меня.

— Вы мне льстите.

— Еще бы! — торжествуяше сказал человек. — Адвокат! Адвокат! Чувствуете, ребята?

Полицейские дружно засмеялись. Кошка и собака — образец нежной дружбы по сравнению с отношениями полиции и адвокатов, это известно всем.

— Да... Хотя, знаешь, мне, пожалуй, будет спокойнее, если он будет в моей машине. Дайте-ка мне ключ от его brasлетов.

— Слушаюсь, сэр, — водитель кивнул мне, чтобы я вылезал, а второй — кажется, его фамилия была Смит — открыл дверцу.

Я пересел во вторую машину. «Сэр». Начальство. Зачем он приехал сюда? Неужели же он действительно думал, что я мог сбежать от двух полицейских, да еще в наручниках? Человек, который сам протянул пистолет и сам отдал себя в руки блюстителей закона. В этом было что-то не совсем логичное. Или действительно бело-розовый профессор обвинил меня в массовом убийстве целого церковного хора и в продаже государственных секретов.

— Разрешите трогаться, сэр? — спросил водитель.

— Да... Впрочем, я лучше сам сяду за руль. А вы, —

начальник кивнул мне, — садитесь рядом со мной. По дороге мы сможем побеседовать.

— А мне сесть сзади, сэр?

— Да... Или знаете, сержант, поезжайте вместе со Смитом. И скажите, чтобы они ехали вперед, не ожидая меня. Хорошо?

— Да, сэр.

— Простите, сэр, — сказал я, — как я могу обращаться к вам?

Полицейский вздрогнул.

— Что?

— Я спросил, как к вам обращаться?

— Капитан Мэннинг. Начальник полиции Джоллы. Джолла. Я не представлял себе, что мы так далеко от Шервуда...

Капитан Мэннинг снова задумался. Какой задумчивый полицейский. Машина с тремя его подчиненными тронулась, быстро набрала скорость и скрылась за поворотом, в последний раз сверкнув маячком на крыше.

Все это было странным. Не укладывалось в обычную схему. Хотя, с другой стороны, ничего особенного как будто не случилось. Просто человек хочет поговорить со мной с глазу на глаз. Кто знает, какие отношения у Ламонта с местной полицией. Все это чепуха. Я стал подозрителен, как мать, которой дочка сообщает, что остается ночевать у подруги.

Мы ехали молча, ехали совсем медленно. Слишком медленно. Как я себя ни разуверял, я чувствовал, как во мне растет беспокойство.

Я искоса посмотрел на капитана. Бедняга не успел побриться, и его лицо казалось измятым в свете хмурого утра. Не знаю почему, но я почувствовал, как он напряжен. Почему? Казалось бы, он мог расслабиться. Пойман преступник. Через полчаса он будет сидеть за решеткой, а капитан сможет спокойно выпить чашку кофе и побриться. И тем не менее он был напряжен.

Я готов был поклясться, что давление крови у него было сейчас не менее двухсот. Он впился в руль так, что костяшки пальцев у него даже побелели. Это на пустынной утренней дороге...

Я снова внимательно посмотрел на него. Он внезапно затормозил.

— Что-то напряжение упало, — сказал он хрипло и проглотил слюну.

Он врал, и врал наивно, потому что приборы на щитке показывали нормальное напряжение. У него не хватило даже ума повернуть ключ, чтобы заглушить мотор. А может быть, он просто нервничал. Но почему?

— Вы не посмотрите, что там с батареей? — спросил меня капитан и облизнул пересохшие губы.

Я понял. Он не выключил двигатель. Ему важно было, чтобы мотор работал. Чтобы вдавить реостат в пол, как только я окажусь перед машиной. Бело-розовый кроткий убийца умеет хорошо платить. Я не волновался. У меня была уйма времени. Мне оставалось жить целых несколько секунд. Мне или капитану Мэннингу. Я знал, что делать. Когда-то мне несколько раз приходилось применять этот прием. Нельзя сказать, что это очень просто, но этот прием был единственным. К тому же, когда остается жить несколько секунд, особенно разборчивым быть не приходится.

— Сейчас вылезу, капитан, — улыбнулся я.

Чтобы открыть дверь, надо, как известно, потянуть на себя ручку. Для этого необходимо как минимум протянуть руку. Но, когда на руках наручники, ни у кого не вызовет ни малейшего подозрения, если человек сильно наклонится в сторону двери. Это я и сделал. И когда я уперся в дверь плечом, я ударил капитана ногой в лицо. Конечно, если бы он смотрел в мою сторону, ожидая нападения, у меня не было бы и одного шанса из ста. Но он смотрел на щиток приборов. И думал, наверное, о том, что сейчас убьет человека. А да-

же полицейский капитан не каждый день убивает людей. Особенно в наручниках. Поэтому у меня было значительно больше шансов, чем можно было подумать. К тому же шесть футов два дюйма — это очень хороший рост. Вообще и в частности для того, чтобы нанести хороший удар ногой тому, кто собирался убить меня.

Удар был таким сильным, что он ударился головой в стекло левой дверцы. Если бы на улице было теплее и стекло не было бы поднято, он, возможно, успел бы что-нибудь сделать. Но он ударился после соприкосновения моей ноги с его скулой о стекло, и я получил возможность ударить его второй раз. На этот раз уже спокойнее. И сильнее. У него что-то хрустнуло в лице, и он молча начал сползать вниз. Удивительно неуклюжий люди, потерявшие сознание. Или жизнь.

Пистолет оказался в правом кармане, ближнем ко мне. Вместе с ключом от браслетов. Я снял с себя наручники, подумал немного и надел их капитану Мэннингу, пропустив тоненькую цепочку из легированной стали под спицей рулевого колеса. Мотор все еще продолжал работать. Я потянул капитана на себя и пожалел, что поторопился приковать его к рулю. Пришлось отстегнуть браслет. Я не умею водить машины, к рулю которых прикованы полицейские капитаны, а я понял, что, если хочу выиграть хоть чуть-чуть времени, нельзя оставлять машину на шоссе.

Как назло, я никак не мог найти съезда с дороги. Я уже собрался было все-таки бросить машину, как увидел, что кювет в одном месте совсем мелкий. Я осторожно съехал с обочины, и, когда передние колеса миновали канаву, я резко надавил на реостат, и машина буквально перескочила препятствие. Я въехал в лес. Боюсь, что полиции Джоллы пришлось понести определенные расходы на выправку и покраску кузова, потому что особенно дороги я не выбирал. Какие-то сучья

и кусты царапали о бока машины с таким душераздирающим скрежетом, что мне было жалко машину. И себя. Я протаранил последнюю поросль молодых елочек, съехал в кусты и выключил двигатель. Меня сразу окружила тишина. Странная, противоестественная тишина после воя двигателя и скрежета дерева о металл.

Я посмотрел на капитана. Он еле слышно застонал. Я взял его под мышки и усадил на место водителя. Он застонал громче. Очень приятный звук такие стоны, уверяю вас. Когда стонет человек, собравшийся убить вас.

Я снова приковал его к рулю, взял с собой ключи от наручников и от машины, запер обе дверцы и пошел прочь.

Куда — этого я еще не знал. Пока что подальше от капитана Мэннинга, хотя признаюсь, мне было жаль расставаться с начальником славной джоллской полиции. Уж очень мне хотелось присутствовать при его пробуждении. Вот и проповедуй после этого, что месть — скверное чувство и дурно извлекать из него злорадное удовольствие. Я увидел дупло. Небольшое дупло. Вполне достаточное для того, чтобы бросить туда оба ключа — от наручников и от машины. Нет, положительно я не мог простить себе, что не остался у машины в ожидании пробуждения их сиятельства начальника полиции. Вот он испускает стон, другой, открывает глаза. Сфокусировать их сразу он не может, но с третьей попытки ему это удастся. Что за черт, почему он уперся носом в руль? Авария, что ли? Он поднимает голову. Тяжело булькают мозги в черепной коробке. Что за дьявольщина, машина уперлась в кусты. И кругом деревья. Он хочет поднять руки, чтобы потереть лицо, но руки не поднимаются. Авария. Он ранен в руки. Нет, немножко они поднимаются. А дальше их не пускает цепочка. Почему? Что это за цепочка? По-

хожа на цепочку от браслета. Такой же металл, такие же звенья. А это и есть браслет.

И тут память возвращается к нему. Возвращается, чтобы тут же в ужасе отпрянуть. Вместо того чтобы видеть фигуру человека под колесами машины, он вдруг видит свои капитанские руки, прикованные к рулю. Нет, не это ожидал он увидеть, не на это был запрограммирован. Машина в лесной чаще и ветки, упершиеся в лобовое стекло. Господи, стонет он, не дай разуму покинуть меня. И тут начинает болеть разбитое лицо. Все острее и острее. Он кричит, но никто не слышит капитана Мэннинга.

Спасибо, капитан Мэннинг, с мыслью о вас так хорошо идти. Но куда? И вообще, что делать? То есть я знал, что делать. Мне нужно было попасть в Шервуд. Но как это сделать? Я рассчитывал, что это делает полиция.

Во всех своих планах я допускал, что меня арестуют. Я даже хотел этого. Единственное, на что я не рассчитывал и чего не хотел, — это оказаться под колесами электромобиля капитана Мэннинга.

Но полиция проявляет слишком большое нетерпение. Милый Ламонт и его дружки уговорили полицию, что я обязательно сделаю попытку бежать. И чтобы доблестные стражи порядка пресекли эту попытку в корне. Что и пытался сделать бедный капитан Мэннинг. Который скорее всего сойдет с ума и будет распевать псалмы, когда его найдут.

Но бог с ним, с Мэннингом. Хуже то, что сейчас я должен был во что бы то ни стало избегать полиции. Ведь к истреблению целого церковного хора и продаже государственных секретов я добавил теперь нападение на офицера полиции, кражу у него пистолета и побег.

Я почувствовал прилив гордости. Я становлюсь важным преступником. Настолько важным, что они навер-

няка разошлют мое фото по всей стране. Эдак нетрудно начать относиться к себе с почтением.

Кажется, я сделал ошибку. И грубую. Надо было бросить машину с капитаном и голосовать. Может быть, меня взял бы кто-нибудь, и сейчас я бы ехал к Шервуду. И может быть, даже попал бы туда.

А теперь уже поздно. Джоллская полиция сейчас наверняка что потревоженный муравейник. Они бегают, суетятся. Они вызывали капитана по радио, но он не отвечает. Они уже отправили машины на розыски.

Уже поздно. Теперь только вперед, подальше от этой второй дороги, от капитана Мэннинга. А если они вызовут собак? Тогда скорей всего они найдут меня. Но вряд ли они поедут сразу с собакой. Это абсурд.

Впереди я заметил просветы между деревьями.

ГЛАВА 3

Сержант Лепски был молод и честолюбив. Он был неглуп и терпелив. Последнее качество было ему особенно необходимо, потому что он не хотел работать с капитаном Мэннингом, но никому, разумеется, об этом не говорил. Капитан напоминал ему последнего защитника крепости в старинных фильмах. Он метался от амбразуры к амбразуре, пытаясь сдержать наступление врагов. А врагов у капитана было много. Все в полиции, кто был моложе его, были враги. Все, кто сообщал лучше его, были враги. Все, кому везло, были враги.

И к нему, к сержанту Лепски, Мэннинг относился как к врагу. Боже, как он был ревнив к чужим успехам! Вот и сегодня он вел себя, как капризный ребенок. Взял этого Рондола к себе в машину, чтобы потом рассказывать всем, как он лично и собственноручно задержал и привез в полицию опасного преступника. По-

хоже было, что опасного преступника могла доставить в полицию пара голубок, если бы только летели впереди и показывали ему дорогу.

Лепски посмотрел на часы. Капитан должен был привезти его давным-давно. Куда они делись? Идут пешком по шоссе?

Он подождал еще несколько минут и решил вызвать капитана по радио. Конечно, эта скотина наорет на него и посоветует не совать нос в чужие дела, но все это немножко странно. Если бы с машиной что-нибудь случилось, капитан тут же вызвал бы их по радио. Господи, как хорошо, если бы был на месте заместитель Мэннинга, но он болен.

Зазвонил телефон, и сержант взял трубку. Властный мужской голос спросил:

— Сержант Лепски?

— Да.

— Мне сказали, что Мэннинга нет и ты тут самый старший.

Лепски промолчал. Главное — поменьше комментариев. Особенно когда не знаешь, кого комментируешь.

— Ты слышал когда-нибудь такое имя — Вольмут? — продолжал голос.

Вольмут, господи, Вольмут... Сержант почувствовал, как сердце у него забилося. Как с ним разговаривать? Наверное, лучше всего повежливее. Не сухо, но услужливо. Вольмут.

— Конечно, мистер Вольмут. — Сержанту не нужно было играть в почтительность. С Вольмутом в этом не было необходимости...

— Где наш друг Мэннинг?

— Задержан преступник. Капитан должен прибыть с ним с минуты на минуту, мистер Вольмут. С вашего разрешения, сэр, я как раз собирался вызвать его по радио.

— Почему?

— Он должен был быть здесь минут сорок назад, мистер Вольмут.

— Не клади трубку. Можешь ты не класть трубку?

— Да, сэр, конечно.

— Вот ты и не клади трубку. Вызови Мэннинга и переключи его на меня. Можно это сделать?

— Безусловно, мистер Вольмут.

Сержант начал вызывать капитана, но динамик молчал. И каждый раз, когда эфир отвечал ему молчанием, ему становилось на душе все веселее и веселее. Хотелось двигаться, разговаривать, что-то делать. Ну, последний раз. Неужели же ответит?.. Нет. Это слишком хорошо, чтобы это случилось. Этого не могло быть. Он взял телефонную трубку.

— Мистер Вольмут, он не отвечает.

— Старый идиот, — пробормотал Вольмут, и Лепски почувствовал, что ему нравится этот властный голос, в котором было столько уверенности в себе. — Что с ним могло случиться?

— Не могу понять, мистер Вольмут. Я думаю, нужно немедленно выслать машину на розыски.

— Действуй, сержант. Я позвоню тебе через полчаса.

Лепски инструктировал полицейских, объясняя, где они в последний раз видели машину капитана, а сам все время думал о Вольмуте. О мистере Вольмуте, потому что даже в мыслях он думал о нем не иначе, как о мистере Вольмуте. Когда человек пользуется таким влиянием и может одним движением пальца подтолкнуть тебя вперед, его хочется уважать. Его, сержанта Лепски, не надо вести за ручку. Самый маленький толчок — и он сам пойдет вверх. Даже не толчок, а просто перестать сдерживать его, как это делает капитан Мэннинг. Старый идиот. Он улыбнулся, вспомнив слова. Старый идиот. Точно сказано. И такой человек возглавляет полицию Джоллы...

Капитан все не возвращался, зато через четверть часа его вызвала патрульная машина, и взволнованный Смит доложил, что никаких следов капитана Мэннинга на второй дороге нет, что они начинают искать, не свернула ли машина в лес.

Сержант Лепски ощутил прилив радости и оптимизма. Вот он, шанс, который нельзя пропустить. Если радио Мэннинга молчит и машины на шоссе нет, что-то с ним случилось. Старый идиот. Высадил его из машины. Собственноручно и единолично доставит важного преступника... Доставил...

Снова позвонил Вольмут. Только не говорить с ним слишком уж радостно, подумал сержант. Это может произвести плохое впечатление. Думай, думай, сказал он себе. Твой шанс, не испорти его.

— Ну, нашелся пропащий? — Вольмут был раздражен и даже не пытался скрыть свое раздражение.

— Нет, сэр. На второй дороге никаких следов его машины не обнаружено. Сейчас мы проверяем, нет ли с дороги съездов в лес.

— Знаешь что, поезжай-ка ты сам. И сам звони мне по радиотелефону каждые четверть часа. И помни, что мне нужно найти Мэннинга, а главное — этого адвоката Рондола. Ты меня понял?

— Да, мистер Вольмут. Я сделаю все, сэр.

— Ну, давай.

Они нашли след, где машина переехала через кювет, почти сразу. А еще через несколько минут они стояли около полицейской машины, уткнувшейся в кусты. В машине был только один человек — капитан Мэннинг. Он что-то крикнул, дернул руками, и Лепски увидел наручники у него на руках. Старый идиот. Двери были закрыты, и пришлось выбить стекло. Господи, вот уж не знал, что автомобильное стекло так трудно разбить, подумал сержант.

— Что случилось? — крикнул он.

Только теперь он увидел, что представляла собой правая сторона лица капитана Мэннинга. Здорово его отделал адвокат. Молодец!

— Он... удрал, — с трудом пробормотал капитан. Видно было, что ему трудно шевелить разбитыми губами.

— Смит, сними наручники с капитана.

— А ключи, сержант?

— Фу-ты, черт... Ладно. Оставайся пока здесь, около капитана, а твой напарник пусть съездит в город и привезет все, что надо. И пусть захватит врача.

Он бегом вернулся на шоссе, вызвал из машины Вольмута.

— Мистер Вольмут, докладывает сержант Лепски. Мы нашли его. Машина в лесу, в кустах. У капитана разбита...

— Мне наплевать, что у него разбито. Где Рондол?

— Удрал, сэр, — с удовольствием отчеканил сержант. — Капитан сам в наручниках и прикован к рулю. — Он не мог отказать себе в удовольствии сообщить мистеру Вольмуту хоть эту деталь.

— Сволочь твой начальник, вот кто он. И старая гнусная баба. Как ты думаешь, сержант, где сейчас может быть Рондол?

— Если ему тут же удалось остановить какую-нибудь машину, он уже вполне может быть в Шервуде. Или же он прячется где-то не очень далеко. Например, в Драйвелле. Это всего в двух милях через лес.

— Сержант, — сказал Вольмут, — я не знаю тебя, но ты мне нравишься. По-моему, нашей полиции нужно больше ценить таких энергичных молодых людей, как ты. Надеюсь, ты со мной согласен? Сообщи о победе Рондола, как это у вас там делается, передай приметы, фото. Если он в Шервуде, тамошняя полиция его быстро найдет. А ты ищи его здесь. И если найдешь, твердо помни, что он очень опасен и обязательно

попытается бежать. Ты меня понимаешь? Он может и виду не подать, что попытается бежать, но ты уж мне поверь. Ты меня понимаешь?

— Да, сэр.

— Надеюсь, лучше, чем твой Мэннинг.

Господи, думал Лепски, такой человек, как Вольмут, понимает все с полуслова. И ценит людей, которые понимают его. Он вспомнил прикованные к рулю руки капитана и не мог сдержать улыбки. Может быть, этот Рондол действительно опасный преступник, но так или иначе у него есть класс. Приковать начальника полиции к автомобилю...

Он сообщил приметы Рондола, приказал передать по телевидению его фото и разложил перед собой карту Джоллы и ее окрестностей. Он нашел на второй дороге место, где машина въехала в лес. Скорее всего Рондол, разделившись с Мэннингом, пошел дальше, в глубь леса. Психологически это вероятнее. Лес — это укрытие. Если так, то, пройдя две мили на север, он вышел на дорогу номер три, ведущую к Драйвеллу. Если и попытаться его где-нибудь искать, то здесь. Хотя шансов не слишком много. На третьей дороге движение куда больше, чем на второй, и он мог попытаться проскочить. Но, с другой стороны, это ему могло и не удался. Все-таки все машины на подъезде к Джолле уже проверяются. Все зависит от сообразительности Рондола. Если остановил сразу машину, тогда говорить не о чем. Если пошел к Драйвеллу и решил пока притаиться, он в западне. Попался. Весь городок перевернем, а выкурим его, дай ему бог здоровья.

Итак, Драйвелл. Господи, если бы удалось схватить Рондола и он, сержант Говард Лепски, доложил бы сам мистеру Вольмуту, все пошло бы по-другому. Как он сказал? Ты мне нравишься. По-моему, нашей полиции нужно больше ценить таких энергичных молодых лю-

дей, как ты... Не случайно, видно, мистер Вольмут все в своих руках держит. Гангстер, конечно, но ведь миллионер! И голова! Нашей полиции нужно больше ценить таких энергичных молодых людей, как ты... Гм... если Мэннинга отправят на пенсию, а заместителя сделают начальником, то, может быть, он, Говард Лепски, занял бы его место... О господи...

Он вызвал дежурного и приказал направить в Драйвелл две патрульные машины.

* * *

Я увидел просветы между деревьями и услышал шум проезжавших машин. Еще через несколько минут я вышел к дороге. Прямо за ней виднелись мирные, аккуратные домики небольшого городка. Или пригородного поселка, бог его знает.

Пока я пробирался через лес и мысли о капитане Мэннинге поддерживали мои силы, все было ничего. Но теперь я вдруг почувствовал чудовищную усталость. Я понимал сейчас, как загоняют во время охоты зверей. Они устают, теряют силы, и вот приходит момент, когда даже инстинкт самосохранения, страх смерти не в силах заставить одеревеневшие мышцы сократиться еще раз. И тогда зверь останавливается. И оборачивается. За мной тоже охотились. И я тоже устал. Я почувствовал, как меня охватывает странное оцепенение. Мне уже даже не хотелось есть. Спать, спать, спать. Каждый мускул, каждая клеточка моего тела уговаривали меня, зывали: отдохни!

Они, конечно, уже нашли капитана. И конечно, они не взяли с собой собак, потому что иначе они бы нагнали меня. Тогда охота не была бы эффектным сравнением в моем воображении. Она звучала бы в лесу раскатистым лаем. Тогда бы не зверь, а я, еще совсем недавно тихий адвокат, стал спиной к дереву и ждал,

пока охотники, не торопясь, всадят в меня несколько маленьких кусочков металла.

Скорее всего они пришли к выводу, что я попытаюсь остановить какую-нибудь машину. Вряд ли они решат, что я могу в здравом уме оказаться в этом городке... Надо было рискнуть. Тем более что другого варианта я не видел. Или останавливать машину, или быстрее в гостиницу, пока они не спохватились и не разослали повсюду мое фото. У меня почему-то была уверенность, что если я попытаюсь сесть в машину, то обязательно окажусь в лапах полиции. И второй раз уйти от какого-нибудь другого капитана мне не удастся.

А домики через дорогу были так мирны, так чистеньки, и в каждом на плите, наверное, что-нибудь булькало и шкворчало. И люди там ели и спали. На кроватях. Я устал. Не было больше сил. Или сейчас попытаться остановить машину, или прежде всего выпастся. Но я боялся стать на обочине дороги и поднять руку.

Я вздохнул, огляделся по сторонам. Мимо меня с резиновым шипением проносились машины. На запад. Через полтора-два часа они будут в Шервуде. Я быстро перешел шоссе и через несколько минут был уже в городке. Мне даже не пришлось спрашивать, где гостиница, я увидел ее сразу — небольшое двухэтажное здание с вывеской «Отель «Драйвелл». Пусть будет отель «Драйвелл». Но войти туда небритым, в грязной куртке и — самое подозрительное — без вещей было бы самоубийством. Можно было вползти сразу с поднятыми руками. С другой стороны, заявиться в местный магазинчик и начать сорить деньгами, покупая все — от чемодана до рыжего парика, — тоже привлекло бы ко мне внимание. В этом городке каждая покупка пары брюк обсуждается всеми жителями за неделю до похода в магазин и в течение двух недель после примерки.

Надо было остановиться на компромиссном решении. Я зашел в магазин и купил дешевый чемоданчик. Такой, какой соответствовал моей внешности. Теперь можно было идти в отель «Драйвелл».

Я согнулся немного, втянул голову в плечи и вошел в здание. У немолодой женщины в очках за стойкой было такое домашнее лицо, что я невольно глянул на пол, ожидая увидеть там клубок с шерстью и внучку, повязывающую бантик кошке. Бабушка оторвала взгляд от журнала и скептически посмотрела на меня.

— Добрый день, я хотел бы комнату, мэм, — сказал я. — Только не очень дорогую...

Она посмотрела на шкафчик с ключами. Все ключи были на месте. Или все постояльцы «Драйвелла» отправились гулять строем, или я был единственным гостем.

— Восемь НД, дешевле у нас, к сожалению, нет. — Она было уже собралась снова нырнуть в журнал, уверенная, что такому оборванцу лучше обратиться в ночлежку Армии Спасения.

— Хорошо, мэм, — пробормотал я.

Она посмотрела на меня с таким удивлением, будто я сказал, что покупаю отель.

— С вашего разрешения, мэм, — несмело улыбнулся я, — я бы предпочел сразу заплатить за два дня вперед. Знаете, так удобнее рассчитывать деньги, а то...

Бабушка успокоилась, взяла у меня шестнадцать НД, вручила мне ключ от комнаты на втором этаже и позвала:

— Бобби, помоги джентльмену.

Бобби оказался мальчуганом лет четырнадцати. Он вылез откуда-то из-за лестницы, тоже держа в руках журнал. Поразительно высок здесь был процент грамотных. Не гостиница, а читальный зал Британского музея.

Бобби протянул руку за чемоданом, но я покачал головой.

— Спасибо, Бобби, иди дочитывай свой журнал. Я сам донесу свой чемодан, а ты зайди ко мне через десять минут. — Я понизил голос. — Если ты хочешь, конечно, заработать.

Комнатка была столь мала, что они, наверное, вносили в нее кровать по частям и собирали на месте. И не очень удачно, потому что, как только я сел на нее, она ответила мне негодующим скрипом. И все равно после стольких часов в мокром, холодном лесу «Драйвелл» буквально подавлял меня своей роскошью. Подушки сияли, так и маня своей белизной и взбитостью. Только попробовать. Действительно ли они такие мягкие, как кажутся. Я опустил на них голову и начал стремительно проваливаться в сон. Я засыпал так быстро, что даже не понял, что засыпаю.

Стук буквально вырвал меня из кровати. Я вскочил на ноги с бьющимся сердцем. С ума я сошел, идиот. Улечься спать...

Я сказал «войдите», не подумав, что, кроме Бобби, войти может кто-то еще. От усталости я начал терять чувство осторожности.

— Бобби, ты хочешь заработать?

— Да, сэр, — просто кивнул мальчик.

— Сколько ты хотел бы заработать?

— Вообще или от вас? — Бобби, видно, был обстоятельным, серьезным ребенком и не хотел бросать слова на ветер.

— От меня. И за какой-нибудь час.

Бобби посмотрел на меня, подумал и сказал без особой уверенности:

— Ну, два новых доллара...

— Ты ошибся, юноша, — сказал я. — Ты зарабатываешь двадцать НД.

У Бобби отвалилась нижняя челюсть. Он недоверчиво смотрел на меня и молчал. Я достал из кармана десять НД и протянул ему бумажку. Он спрятал ее, так и не закрыв рта и не сводя с меня взгляда.

— Это аванс, — сказал я, — остальное получишь после того, как выполнишь мое поручение. — Бобби одновременно проглотил слюну, закрыл рот и кивнул. — Вот тебе сто НД. Мне нужна срочно безопасная бритва, темные очки, шляпа и какой-нибудь плащ. Скажешь в магазине, что... Нет, пожалуй, не стоит покупать...

Бобби разочарованно посмотрел на меня.

— Почему?

— Так, Бобби, не стоит... у тебя есть отец?

— Да, сэр.

— Он не очень маленького роста?

— Нет, сэр. Примерно такой, как вы. Может, поменьше немного...

— Ты можешь взять шляпу и плащ отца из дому? Те, что он не носит сейчас? И так, чтобы никто не видел.

— Украсть? — довольно спокойно уточнил мальчуган.

— Нет, за деньги. Вечером, когда отец придет, ты можешь сказать... Нет, не годится... Ты просто ничего не говори, а когда отец хватится, видно будет. А очки и бритву купи. Идет? И никому ни слова. Договорились? И самое главное — что-нибудь поесть.

Бобби кивнул и исчез из комнаты. Очень хороший, воспитанный мальчик. Он вернулся минут через сорок. Плащ был тесноват в плечах, но надеть его можно было. Не разжевывая, я проглотил два огромных бутерброда, побрился и стал было думать, что делать дальше, как в дверь снова постучали.

— Это я, Бобби, — слышался возбужденный шепот.

— Входи, что случилось?

— Я сейчас видел полицейскую патрульную машину... Недалеко от гостиницы...

— А почему ты это мне говоришь?

Бобби спокойно посмотрел на меня и пожал плечами.

— Я думал, вам это может быть интересно. И полицейские не наши, а из Джоллы.

— Ну спасибо, Бобби. Если не ты их позвал.

— Господь с вами, мистер.

— Беги, Бобби. Мне это совершенно безразлично. Я ложусь спать.

Он недоверчиво посмотрел на меня и вышел из комнаты. Я повернул ключ. Я почти не волновался. Я не просто израсходовал свой дневной запас эмоций, а перерасходовал его.

Я бросил быстрый взгляд на окно. Пасмурно, темнеет уже. Дождик. Я достал из кармана маску Гереро, почувствовал запах резины и талька и натянул на лицо. Я надел шляпу. Очки, пожалуй, не стоит. И так сойдет! Конечно, если приглядеться вблизи, можно было заметить, что на мне маска. Но когда хмурый ноябрьский день почти не дает света, когда накрапывает дождь, вряд ли кто-нибудь будет меня рассматривать слишком пристально. Во всяком случае, темные очки выглядели бы на мне довольно подозрительно. Я подошел к зеркалу. На меня смотрел Ланс Гереро. Ну, игрушечник, выручай своего адвоката. В своих же интересах...

Я выглянул из окна. На дворе стоял «пикапчик» с двумя ящиками в кузове. Никого не было видно. Тишина. Дождь. Я распахнул створы окна и выглянул. Высоковато. Прыгать на асфальт — наверняка сломать ногу. Или две. Я взял обе простыни, связал их, конец прикрепил к радиатору отопления, еще раз выглянул из окна. Во дворе по-прежнему никого не было. Конечно, меня мог кто-нибудь увидеть, но какой был еще выход? А может быть, все и обойдется. Пока они попадут сюда,

пока будут беседовать с бабушкой, пока взломают дверь. Я вылез из окна и благополучно спустился вниз. На мгновение мне безумно захотелось сесть в «пикапчик» и спокойно выехать отсюда. Но в этом крошечном городке каждая собака наверняка знает, кто на какой машине ездит. А на этом «пикапе» может ездить кто угодно, от бабушки в «Драйвелле» до Бобби. Но только не бородатый Ланс Гереро.

Остаться во дворе было нельзя. Я выскользнул на улицу в тот момент, когда у гостиницы остановилась полицейская машина. Одного из полицейских я даже знал. Смит, кажется. Тот, кто был в машине на дороге. Какой сюрприз, какая приятная встреча. Я сделал над собой усилие, чтобы не побежать. Наоборот, я заставил себя медленно пройти мимо машины. Смит равнодушно скользнул по моему лицу взглядом и вошел в «Драйвелл». До свидания, патрульный Смит, всего вам наилучшего.

Это ему, а мне? Мне что делать? Идти обратно в лес? Выкопать себе берлогу и залечь спать на зиму, засунув в рот лапу?

Конечно, теперь шансов благополучно остановить машину и доехать до Шервуда у меня гораздо больше, но все равно, если они останавливают машины и выяснится, что я сел в Драйвелле, я бы не стал сейчас на месте страховой компании страховать мне жизнь.

Я прошел по улице до ее конца. Впереди было шоссе. Слева, отдельно от других, стоял небольшой домик. Такой же аккуратненький и чистенький, как другие. Он бы не привлек моего внимания, если бы не два незначительных обстоятельства. Во-первых, ярдах в трехстах от себя я увидел в сумерках маячок полицейской машины, мимо которой мне вовсе не хотелось проходить. Человек, выходящий вечером в дождь на шоссе, — это то же самое для полицейского, что кошка для собаки. Это было первое и главное обстоятельство. Второе же за-

ключалось в том, что в домике были темные окна, тогда как в остальных жилищах аборигенов уже горел свет.

Я посмотрел вперед, оглянулся — никто пока мной не интересовался. Из почтового ящика с незапертой дверцей торчала газета и несколько конвертов. Я взял их и толкнул калитку. И она была не заперта. Если бы я смог открыть дверь в дом... Я попробовал ее. Она открылась, и я шагнул внутрь. Больше делать было нечего. Когда у человека такое изобилие преступлений, как у меня, незаконное проникновение в чужой дом мало что меняет. Меня оправдывало лишь, что я еще не сломал ни одного замка: и ящик для газет, и калитка, и входная дверь — все были не заперты. Хороший знак: первый за долгое время.

Я осторожно закрыл за собой дверь. В полутьме я рассмотрел впереди открытую дверь. Комната. Осторожно, ступая мягко и медленно, я сделал несколько шагов и вошел в комнату.

— Выключатель справа, — раздался вдруг скрипучий шарушечий голос.

Не понимая, что я делаю, я машинально протянул руку и щелкнул выключателем.

Из глубокого кресла на меня смотрела маленькая седенькая старушка. С маленьким пистолетом в руке, которая, увы, совсем не дрожала. Старушка не кричала, не билась в истерику, а смотрела на меня, как мне показалось, с любопытством, склонив голову набок.

— Добрый вечер, мадам, — сказал я. — Простите, что я вошел к вам без приглашения. — Важно было что-то говорить, подумал я, потому что пистолет был по-прежнему направлен на меня, а в говорящих людей стреляют реже, чем в молчащих. Такая есть психологическая тонкость. Впрочем, эту тонкость знал я. Старушка могла ее и не знать. — Вот ваша газета и письма. — Я протянул то, что достал из ящика, и сам подивился мрачному юмору ситуации.

Старушка вдруг рассмеялась. Если бы она закукарекала, я бы удивился меньше. Но она смеялась мелким старушечьим смешком, не сводя с меня ни взгляда, ни пистолета.

— Вы скажете, что зашли специально для того, чтобы принести мне газету?

— Не совсем, — ответил я. У меня в голове мелькнула мысль, что не все еще потеряно. В таких ситуациях или стреляют сразу, или не стреляют вообще. Но это было общее правило, из которого бывают и исключения. Исключение может стоять мне дырки в груди. Или животе.

— Не лгите только, молодой человек. Больше всего на свете не люблю ложь. Не тот ли вы человек, которого ищет полиция? Лицо, правда, непохоже на то, что показывали по телевизору, но рост такой же... Да и некому больше быть... у меня ноги не ходят... да, молодой человек, не ходят. А глаза — ноль восемь левый и ноль девять правый. — Я почувствовал острое желание рассмеяться: ноль восемь и ноль девять... — И это в моем возрасте! Каково, а? — Старушка была хвастлива, но мне она пока что нравилась. Даже с пистолетом.

— Изумительное зрение!

— То-то же, молодой человек. И как вы думаете, что я ими вижу, своими глазами?

— Не знаю, мадам...

— Мадам, мадам! Меня зовут миссис Нильсен.

— Очень приятно, миссис Нильсен, позвольте и мне...

— Одну секундочку, молодой человек, я вам так и не сказала, что я вижу. Я вижу, что это не ваше лицо. Около глаз. Гм, не очень хорошая работа... Впрочем, в очках, может быть, и сойдет. А теперь представьтесь мне.

Старушка улыбнулась. Лукаво, как мне показалось. И вдруг как будто я услышал чей-то голос: «Рискни». Рисковать было нетрудно, потому что миссис Нильсен

по-прежнему держала свою «беретту двадцать пять» в руке и рядом с ней на столике был телефон. Номер можно набирать одной рукой, а пистолет держать в другой. Это нетрудно. Кроме того, мне некуда было идти.

— Миссис Нильсен, — сказал я, — мне следовало бы сейчас чувствовать страх, но у меня его нет. И поэтому с удовольствием представляюсь вам. Вы правы, я тот человек, которого ищет полиция, — Язон Рондол, адвокат из Шервуда.

Мои слова произвели на миссис Нильсен самое странное воздействие. Она преспокойно сунула пистолет куда-то под полосатый плед, который прикрывал ее колени, и взяла со столика длинную, тонкую сигару с мундштуком.

— Хотите? — она протянула мне коробку. — Знаете, от сигарет я кашляю, а эти сигарилло прекрасно на меня действуют.

Боже правый, мне хотелось протереть глаза, ущипнуть себя за нос — старушка бомбардировала меня самыми невероятными сюрпризами, как опытный иллюзионист. Если бы сейчас на плечо ей вспрыгнул черный кот и сказал бы мне «синьор», я бы уже не удивился. Узнать, что перед ней стоит преступник, разыскиваемый полицией, и спрятать после этого пистолет, — это было похлестче черного кота с человеческим голосом.

— Может быть, вы все-таки снимете свою маску? Не люблю мужчин с бородами. Может быть, потому, что мой покойный супруг носил бороду. Обожал ее. Вы не представляете, сколько времени можно тратить на бороду, ежели относиться к ней серьезно! Во всяком случае, мистер Рондол, он относился к своей бороде лучше, чем ко мне, да будет земля ему пухом.

Я снял маску. Мне еще никогда не приходилось снимать маску перед людьми. В прямом, разумеется, смы-

сле. Я чувствовал себя немножко глупо. Наверное, именно поэтому я поклонился.

Старушка внимательно посмотрела на меня, выпустила облако дыма.

— Так вам лучше, — твердо сказала она, словно я спрашивал совета, в каком виде пойти на свидание, в маске или без. — У вас лицо, внушающее доверие. Я заметила, что у большинства преступников открытые, честные лица.

— Это прекрасное наблюдение, миссис Нильсен. К сожалению, я не преступник. Уверяю вас, что, если я доберусь благополучно до Шервуда, я сумею это доказать.

— Гм... Вы меня разочаровываете, молодой человек. Впрочем, это ваше личное дело, убили вы там кого-то или нет. Единственное, о чем я часто жалею, когда вспоминаю свою жизнь, — это что я не ухлопала двух-трех мерзавцев, которые вполне этого заслуживали. — Она посмотрела на меня и вдруг всплеснула руками. — Господи боже мой, я совсем выжила из ума, до сих пор не пригласила вас сесть. Садитесь, мистер Рондол. К сожалению, я не могу угостить вас, но скоро должна прийти моя сестра Кэролин, и тогда уж вы надолго запомните день, когда попали к нам! — В голосе миссис Нильсен было столько предвкушения, что я внутренне содрогнулся. Старуха посмотрела на меня. — Вы, надеюсь, не торопитесь?

— О нет, миссис Нильсен, совсем наоборот. У меня уйма свободного времени.

Старушка рассмеялась.

— Когда разговариваешь с человеком, который прячется от полиции, надо все время следить за собой, а то, что ни скажешь, во всем какой-то намек получается.

— Миссис Нильсен, — сказал я, — можете вы мне сказать, почему вы совсем не боитесь меня?

— Молодой человек, во-первых, в восемьдесят один

год можно позволить себе роскошь быть смелым. Вторых, когда целыми днями сидишь одна в этом проклятом кресле — сестра часто уходит к своей дочке, — приятно поболтать даже с преступником. И, в-третьих, большинство преступников, с которыми мне приходилось иметь дело, были вполне порядочные люди. И наоборот.

Миссис Нильсен засмеялась, закашлялась.

— А ваша сестра? Она разделяет ваши в высшей степени либеральные взгляды?

— Кэролин? — Старушка пожала узенькими, худыми плечами. — У Кэролин нет взглядов. Взгляды есть у меня, и этого нам вполне достаточно. Тем более что у меня их хоть пруд пруди.

Сестра миссис Нильсен пришла через полчаса. Она была действительно моложе. Миссис Нильсен шел восемьдесят первый годок, а Кэролин всего семьдесят восьмой.

— Познакомься, Кэролин, это мистер Рондол, он скрывается от полиции.

— Очень приятно, мистер Рондол.

Я не знал, что ей было приятно. То, что я Рондол, или то, что я скрываюсь от полиции, но она обрадовалась мне как блудному сыну.

— Надеюсь, вы поужинаете с нами? — спросила Кэролин. В ее выцветших, светлых глазах был не столько вопрос, сколько просьба.

— Да, конечно, миссис...

— Миссис Калифано.

— Конечно, миссис Калифано. Я голоден, как тигр.

Когда ее сестра ушла на кухню, миссис Нильсен объяснила мне:

— Понимаете, я практически ничего не ем. У ее дочери гастрит. У мужа дочери диабет. Обе внучки следят за фигурами и живут в основном на твороге. У вас здоровый желудок, мистер Рондол?

— Вполне.

— Да, именно такого человека, как вы, не хватает в нашей семье... А вы женаты?

— Нет, миссис Нильсен.

— Гм... Адвокат, холост, со здоровым желудком, скрывается от полиции... Познакомить вас с племянницами? Джоси у нас красotka. Только что развелась во второй раз.

— Буду польщен, миссис Нильсен. Я смотрю, у меня здесь в Драйвелле образуется очень приятный круг знакомств. Главное, чтобы он все-таки не включал полицию.

— Не беспокойтесь. Я всегда слишком ценила мужчин, чтобы делиться ими с полицией...

Боже, какое же это было удовольствие говорить с этой безмятежной, храброй женщиной, сохранившей, несмотря на свои годы и парализованные ноги, столько доброты и юмора. Сравнить ее с теми, с кем мне приходилось в основном иметь дело...

Когда ужин был готов, я понял, что миссис Калифано не совсем ясно представляла себе возможности одного мужчины, даже основательно проголодавшегося. Я ел, ел, ел, и мне начало казаться, что я ел всегда и буду есть всегда, даже если это будет мне стоить заворота кишок. Но если уж мне суждено погибнуть в расцвете сил, то лучше от такой еды, чем от руки полицейского.

ГЛАВА 4

Детектив второго класса Смит вошел в гостиницу «Драйвелл».

— Полиция, — кивнул он женщине за стойкой. — Вы видели наше сообщение о том, что у вас здесь где-то скрывается опасный преступник?

— Нет.

— Вот фото, держите.

Смит был, может быть, не самым лучшим полицейским, но он был полицейским с двенадцатилетним стажем, и он заметил, что в глазах женщины промелькнула искорка узнавания.

— Узнаете?

Женщина пожала плечами.

— Узнаете? — уже настойчиво спросил Смит. — Учтите, что...

Женщина ничего не сказала. Она подняла глаза, и он понял, что человек на втором этаже.

— Куда выходят окна?

— Во двор.

— А выход оттуда?

— На улицу.

Он кивнул ей и, не сводя глаз с лестницы, попятился к выходу. Он был человеком педантичным и никогда ничего не забывал.

— Джей, — позвал он, — ты пойдешь со мной. Он как будто здесь. Сержант оказался прав. А ты, Хамп, оставайся в машине. Сообщи в Джоллу, что мы нашли его в этой дыре, как она называется, ага, «Драйвелл». И гляди в оба. Если он вдруг выскочит во двор, он или постарается где-то там спрятаться, или выбраться на улицу. Запечатать выход, понял?

— Да. — Хамп поднял трубку радиотелефона и начал докладывать сержанту.

Сержант выслушал его сообщение. Сердце его колотилось, но он был спокоен. Он был на волне, и волна несла его. Только не сделать неосторожного хода — и волна сама вынесет его на берег. Лейтенант Лепски. Да, мистер Вольмут, благодарю вас, мистер Вольмут. Да, мартини, пожалуйста. Не хочу ли я выгодно пристроить денежки? Спасибо, спасибо, мистер Вольмут, вы знаете, как я вам благодарен. Ну что вы, что вы, я всегда все сделаю для вас и ваших друзей...

Ну, неси, волна! Он нажал кнопку тревоги и начал отдавать приказы экипажам дежурных машин. Городишко нужно буквально запечатать. Хорошо, если они сразу возьмут его. Но этот Рондол — парень не промах. Сержант вспомнил капитана Мэннинга и почувствовал прилив симпатии к Рондолу. Ему даже стало на мгновение жаль, что он должен схватить такого толкового человека, но что поделаешь. В жизни хватаешь не того, кто тебе неприятен, а того, кого нужно. В этом-то и весь фокус. Чувства — одно, а дело — другое.

Сержант Лепски не был по натуре человеком злым, жестоким или коварным. Он просто очень хотел подняться на пару ступенек полицейской лестницы. Туда, где к заработку присовокупляются не какие-то жалкие подачки от ничтожных букмекеров, альфонсов, шлюх и уличных толкачей — торговцев наркотиками, а настоящие деньги. Большие деньги. Деньги, с которыми уже что-то нужно делать. Деньги, которые можно куда-то вкладывать. Вкла-ды-вать! Слово-то какое — вкла-ды-вать!

Если бы кто-нибудь указал Говарду Лепски другой верный путь к этим деньгам, он бы, вполне возможно, пошел тем путем. Но никто ничего ему не предлагал. Кроме мистера Вольмута. И он был благодарен мистру Вольмуту.

Он сидел у радио и терпеливо ждал сообщения из «Драйвелла». По своему опыту он знал, что взять человека, у которого есть пистолет и которому некуда отступать, не так-то просто. И поэтому он терпеливо ждал.

...Смит и Джей осторожно поднялись на второй этаж. Тихо, как в морге. Называется гостиница... Комната шесть. Вот она. Медленно, держа пистолеты наготове, они подошли к двери, и Смит заглянул в замочную скважину. Видно ничего не было. Ключ. Здесь он, значит.

— Рондол, — позвал он, — выходите.

Никто не отвечал. Какие они все идиоты, сколько из-за них хлопот... Нет чтобы сразу выйти... И не надо было бы выламывать дверь.

Он внимательно посмотрел на дверь. Здесь, по крайней мере, сделать это будет нетрудно. Не стены, а картон. Чистый картон.

— Рондол, — сказал он терпеливо, как объясняет учитель самому тупому ученику, — нас здесь двое. Мы вооружены. Внизу у выхода машина. Я даю вам три минуты. Вы же интеллигентный человек...

Он приложил ухо к двери и сделал знак Джей, чтобы он не шевелился. Что-то слишком уж тихо. Ни скрипа пола, ни шагов, ни дыхания. Подозрительно тихо.

— Ну, Джей, давай.

Они высадили дверь с первого раза. Комната была пуста, окно раскрыто. Простыня, привязанная к радиатору отопления. Смит выглянул во двор. Маленький двор с высокой стеной.

Они кубарем скатились по лестнице.

— Ушел! — крикнул Джей зачем-то женщине за конторкой.

— Он заплатил вперед за два дня, — ответила она.

— Где он, Хапм? — спросил Смит.

— Это вас нужно спросить. Здесь вообще никто не проходил. После того бородатого, что вышел из двора.

Смит начал догадываться. Он взял трубку, вздохнул и начал докладывать сержанту.

...Ну что ж, подумал сержант Лепски, все на свете приходится зарабатывать. Даром деньги не дают. Особенно такие люди, как мистер Вольмут. Мысль эта не была ему неприятна, скорее даже наоборот, потому что в душе Говард Лепски был человеком справедливым, и торжество справедливости каждый раз наполняло его удовлетворением, словно выигрывала его любимая бейсбольная команда.

Теперь нужно ждать. Городок буквально запечатан. С бородой или без бороды Рондолу теперь не выскользнуть. Да и деваться ему теперь некуда. Если нужно будет, придется проверить каждый дом.

* * *

— А если полиция пожалует к вам в гости? — спросил я после ужина. Веки у меня закрывались, словно их стягивали пружинки.

— Не пожалует, — твердо сказала миссис Нильсен.

— А если все-таки пожалует?

— Там видно будет. Обысков у нас пока, слава богу, как будто не делают.

Полиция заявила утром. Когда раздался звонок, я осторожно выглянул в окно. На улице стояла полицейская машина, а у калитки два человека. Они всегда работают парами.

— Полиция, — тихо сказал я.

— Прекрасно, — кивнула миссис Нильсен. В голосе ее звучало едва сдерживаемое возбуждение. — Лучшие часы. Жизнь возвращается в старый дом. Кэролин, иди открой. Если они захотят меня провести — ради бога. Молодой человек, это хороший шкаф. А если вы не любите запаха нафталина, потерпите.

Я устроился на коленях. Не очень удобная поза, особенно когда голова зарыта в какие-то юбки, кофточки и бог знает что еще. Голоса, которые я слышал, казались странно глухими, ватными, как при полностью завернутых ручках тембра на радиоприемнике. Господи, только бы не чихнуть. Но я знал, что не чихну. Лопну, может быть, но не чихну. Мне очень не хотелось к капитану Мэннингу, который, наверное, обижен на меня. Мне очень не хотелось к нему.

— Простите, мэм, вы хозяйка этого дома?

А что, если все это лишь хитрый ход и старуха сей-

час молча кивнет на шкаф? Нет, не может этого быть. Я в это не верил. Я почти не боялся, а страх сам знает, когда появиться.

— Я, молодой человек. Чем могу служить?

— Мы хотели проверить, мэм, не пытался ли к вам проникнуть преступник, фото которого мы показывали вчера. Но он, как мы думаем, может быть загромирован. С бородой.

— Как интересно... — пробормотала миссис Нильсен. — Загромирован...

— Вы не видели его?

— К сожалению, молодой человек, я уже не хожу восемь лет. Если бы вы одолжили мне свои ноги, я бы, наверное, нашла его быстрее вас.

— Простите, мэм... — даже сквозь дверцу шкафа и десять кофт я различил смущение в голосе полицейского. — Простите, мэм, но мы справляемся во всех домах.

— Желаю удачи, молодые люди.

— Если он...

— О, в таком случае я знаю, что делать...

Наверное, миссис Нильсен вытащила свою «беретту двадцать пять» как-то особенно лихо, потому что оба полицейских засмеялись. Я не ошибся, потому что один из них спросил:

— Надеюсь, он у вас зарегистрирован?

— А как же, молодой человек. Единственная защита для одинокой старухи.

Полицейские снова засмеялись.

— До свидания, мэм, и простите за беспокойство.

— Ничего, ничего, молодые люди. В моем возрасте человек рад любому визиту.

Через несколько минут Кэролин извлекла меня из шкафа.

— Ну как? — торжествующе спросила миссис Нильсен.

— Мадам, — поклонился я, — поверьте, это была

самая реалистическая игра, которую я когда-либо слышал. Если бы я не боялся за свою шкуру и вашу репутацию, я бы начал аплодировать прямо в шкафу.

Лицо миссис Нильсен порозовело, и она смущенно улынулась.

— Кэролин, сестра моя, — сказала она театральным голосом, — как ты думаешь, что произойдет, если мы все выпьем в честь обмана представителей власти по рюмочке?

Кэролин, очевидно, не привыкла к вопросам, обращенным к ней, потому что на ее лице отразилась мучительная работа мысли. Наконец она нерешительно пробормотала:

— Я думаю, ничего не произойдет.

— Браво, — сказала миссис Нильсен, — а еще говорят, что пожилые люди плохо воображают...

* * *

— Понимаете, мистер Вольмут, — сказал сержант Лепски, — мы твердо знаем, что он в Драйвелле. Мы проверили все дома, но до сих пор не нашли его.

— Ну что вы хотите, чтобы я вам нашел его? А вы тогда зачем?

— К сожалению, сэр, мы не имеем права обыскивать дома, но...

— Какое мне дело до ваших прав? Сожгите этот Драйвелл. Сбросьте на него атомную бомбу. Я-то в отличие от вас уверен, что он уже в Шервуде. А там, слава богу, мы обойдемся без доблестной джоллской полиции.

Сержант долго держал трубку в руке. Положить трубку — значит закончить разговор. А ему очень не хотелось кончать разговор с мистером Вольмутом. Особенно так.

Проклятый Рондол, что ему еще нужно? Все, все сделано так, как Лепски учили когда-то. Где он? Куда он провалился? Всегда так, всегда находится какой-нибудь мерзавец, который ставит подножку полиции. Попробуй поработай с такими гражданами. Неужели нельзя дать полиции право обыскивать дома, когда это нужно? Разве полиция не ведет отчаянную борьбу по поддержанию порядка? Разве не защищает грудью закон?

Он вздохнул. Что, что делать? Нельзя же держать вечно всю джоллскую полицию в этом проклятом городке. Ну, еще день, два от силы... Если бы только было время. Время, время...

Он поехал в Драйвелл. Если Рондол у кого-нибудь в доме, в одном из пяти сот с лишним домиков городка, его нужно кормить... Хотя бы была неделя... За неделю можно было бы определить, кто покупает больше еды, чем обычно. Но недели не было. Мистер Вольмут не будет ждать неделю.

Он сам объехал все магазины, где продавалось продовольствие. Все пожимали плечами, все обещали тут же сообщить, как только заметят что-нибудь подозрительное.

Он не ждал никаких сообщений, но вечером позвонил мясник.

— Сержант?

— Да.

— Вот вы тут были у меня сегодня... Я всегда рад оказать полиции...

— И что?

— Дай, думаю...

— Что дай?

— Позвоню. Как вы сегодня... Конечно, ничего так... Но старуха Калифано...

— Что старуха Калифано?

— Мясо...

— Что мясо? Мясо старухи?

— Нет, сержант. Она мяса почти не покупает. А тут вырезка. А почему вырезка теперь, знаете?

— Нет, — простонал сержант.

— То-то. А она — два фунта. И получше, говорит, мистер Кучик. Вот я и...

— Старуха Калифано?

— Ну да... С сестрой, которая без ног.

— Кто без ног?

— Ну, сестра ее. Миссис Нильсен... Она...

Сержант Лепски бросил трубку. Господи, если есть какая-нибудь справедливость, сделай так, чтобы Рондол оказался у старухи. Ну что тебе стоит, это же не так много. Это будет только справедливо.

Он не стал никому говорить, куда едет. Он не верил ни в старуху без ног, ни в два фунта вырезки и не хотел оказаться смешным. Но и не проверить было нельзя. Адрес миссис Нильсен он нашел легко. Первый же человек, кого он спросил, сразу показал ему, где она живет.

Он оставил машину на площади возле зарядной станции, чтобы не спугнуть Рондола, если он действительно у старух. Может быть, все-таки взять с собой кого-нибудь? Нет, не нужно. Рондол, бедняга, ведь обязательно попытается убежать, оказать сопротивление. А всадить в него пулю он сумеет и сам. Без свидетелей. И сам сумеет позвонить мистеру Вольмуту. Он постарается, чтобы в голосе у него не было торжества. Нет, скромно, по-деловому он сообщит ему, что атомной бомбы на Драйвелл сбрасывать так и не пришлось. Немножко юмора. Но чуть-чуть. Не лезть с фамильярностью. Такие люди, как мистер Вольмут, этого не любят.

Он сразу увидел домик. Как ему и объяснили, он стоял на отшибе. Совсем близко от шоссе. А за ним, похоже, лесок или рощица. Бедняга Рондол, он ведь захочет сбежать именно туда. Нет, он, конечно, не добежит,

но именно близость укрытия заставит его сделать такой опрометчивый шаг.

Сержант Лепски остановился у калитки. Ему было неприятно входить без разрешения в чужой дом, это, строго говоря, было нарушением закона, а нарушение закона было ему неприятно, но что поделаешь, случаются обстоятельства, когда нужно уметь переступить через свои чувства.

Он перегнулся через забор. Замок был простенький, и открыть его ничего не стоило. Он медленно пошел по дорожке к дому, стараясь, чтобы шаги были легкими и бесшумными.

У него колотилось сердце, но так с ним было всегда в решающие минуты. Сердце колотилось — вот-вот выпрыгнет из груди, — но голова оставалась холодной и ясной. Если дверь окажется запертой, он постучит. Но ручка повернулась, он вошел в коридор. Пистолет в руке, предохранитель снят. Еще два шага. Только не торопиться. Женский голос из комнаты. Немолодой. Ах да, одна из старух. И мужской. Неужели же идиот мясник оказался прав? Подожди, сказал он себе, не спугни удачу. Посмотри.

Он вошел в комнату. Старуха и Рондол за столом. Неплохо готовит старуха, судя по запаху. Рондол. Что ж, это справедливо. Он должен был найти его. Симпатичное лицо у адвоката. Не повезло ему. Но так уж устроен мир. Если везет одному, значит, не везет другому.

— Мне жаль, мистер Рондол, — сказал сержант как можно любезнее, — но я вынужден арестовать вас.

Интересно, как меняются у людей лица в момент ареста. У Рондола оно окаменело. Окунули в гипс и дали высохнуть. Зато у старухи за столом челюсть отвалилась. Стала похожа на смерть. Только косы не хватает.

— Молодой человек, вы силой проникли в мой дом, — слышался еще один старушечий голос.

Господи, полон дом старух. Дом для престарелых. Он не отвернулся от Рондола. Известно, что случается, когда человек загнан в угол и ты на мгновение спускаешь с него взгляд.

— Простите, — сказал он, — но я должен арестовать этого человека.

— Сомневаюсь...

Краем глаза он видел, как старуха в кресле вытащила что-то из-под пледа. Он даже успел услышать выстрел. Негромкий. Наверное, двадцать пятый калибр. Странно, почему комната вся дернулась и зашаталась. Неужели же этот выстрел имеет отношение к нему? Комната плыла, покачиваясь, тускнела. «В меня попали», — вдруг подумал он. Хотелось лечь. Тем более что они медленно гасили свет.

— Я... как... — пробормотала миссис Калифано. Она мелко дрожала, не спуская глаз с лежавшей на полу фигуры.

— Кэролин, — строго сказала миссис Нильсен, — с каких это пор ты высказываешь свое мнение? Я думаю, тебе нужно сейчас провести мистера Рондола через рощицу, мимо спортплощадки и через парк. Вы выйдете к шоссе далеко за тем местом, где стоит полицейская машина. Там ты оставишь мистера Рондола, вернешься, возьмешь у дочери машину, выедешь из Драйвелла, посадишь мистера Рондола и довезешь его до того места, куда он захочет. Ты поняла меня, Кэролин?

— Да, но...

— Кэролин, — строго сказала миссис Нильсен, — ты сегодня очень много говоришь.

— Миссис Нильсен... — пробормотал Рондол, — я не...

— Не надо, — мягко прервала его старушка и улыбнулась. — Не надо. Если они захотят судить восьмиде-

сятилетнюю парализованную старуху, выстрелившую в человека, который ворвался в ее дом, я им только скажу спасибо. Это будет прекрасное развлечение. Не каждому в мои годы удастся попасть на скамью подсудимых. — Она достала свою тонкую длинную сигарку и совсем молодым, лихим жестом щелкнула зажигалкой. — И не смотрите на меня с такой жалостью, молодой человек. Уверяю вас, я ни о чем не жалею.

— Спасибо... — пробормотал Рондол. Он моргнул несколько раз, но слезы на глазах никак не хотели исчезать.

— Не за что, молодой человек. Это был лучший мой день за долгие годы. Благодарю вас, и дай вам бог удачи... Кэролин, вам пора. Через пятнадцать минут я позвоню по телефону. Боже, представить только, что тут начнется... — Она озорно улыбнулась и выпустила дым тонкой длинной струйкой...

ГЛАВА 5

Было уже совсем поздно, когда Кэролин высадила меня в трех или четырех милях от Шервуда. Я решил, что безопаснее будет сделать несколько телефонных звонков отсюда, потом взять такси и добраться до города.

Я шел по пустынным улицам в поисках какого-нибудь еще открытого кафе. Мокрые снежинки таяли в воздухе, не успев долететь до земли. Я не боялся, я почему был уверен, что не встречу полиции. После миссис Нильсен я уже ничего не боялся. Все приобрело призрачный, нереальный характер. Одри Ламонт, синтезатор, Гереро, капитан Мэннинг, ночной мокрый лес — все эти картины проносились в моем мозгу как главы какой-то книги, сцены какого-то фильма. Я тут ни при

чем. Со мной этого случиться не могло. С кем-нибудь еще — пожалуйста. Но со мной, с адвокатом Язоном Рондолом? Невозможно.

Мимо меня нетвердой походкой прошел человек с поднятым воротником. Его глаза невидяще скользнули по мне, не задев. Нарк, отправившийся в странствие по своему фантастическому миру.

И мой мир был фантастичен, как порождение мозга, отравленного наркотиками. Я почувствовал странное отрешение от себя, отъединение от своего бренного тела. Я увидел высокого человека средних лет, который брел по пустой и мокрой ночной улице в поисках кафе. Это я. Все-таки это я.

Нужно было решить, где устроиться на ночлег. Моя квартира наверняка под наблюдением. Отели отпадают. Шервуд — это не Драйвелл. Здесь из окна не вылезешь. Друзья? Я знал только одного человека, который пустил бы меня, не задавая никаких вопросов.

Наконец-то открытый бар. Я вошел в небольшой зал. Печально пахло кислым пивом и табачным дымом. Запах одиночества и отчаяния. Последний запах, который, наверное, уносят с собой самоубийцы.

Я сел спиной к входной двери и подождал, пока ко мне не подошел человек. У него не было ни сил, ни желания спросить, что мне нужно. Он молча стоял около меня. У него были грязные ногти и татуировка на тыльной стороне руки. Бабочка. Сквозь синие крылья проросли короткие черные волосы.

— Двойное виски, — сказал я.

Я подошел к телефону-автомату и набрал номер Айвэна Бермана. Я долго держал трубку у уха и сдался только после десятого, наверное, гудка. Конечно, было бы слишком хорошо, чтобы он оказался дома. Дежурит, очевидно. Я вдруг подумал, что могу позвонить Хербу Розену. С ним, по крайней мере, можно быть честным. Работник полицейского управления — он-то уж знает,

что к чему. Я нашел его телефон в своей записной книжке. Херб оказался дома и даже не спал.

— Херб, — сказал я, прикрывая трубку рукой, — это Язон Рондол.

Наступила пауза. Слишком длинная пауза. Обычно Херб Розен не делает пауз. Он очень импульсивный человек. Настолько импульсивный, насколько может быть полицейский.

— Привет, Рондол, — наконец ответил он мне. Голос у него почему-то звучал сдавленно. Возможно, он хотел повеситься, и я ему помешал. Я уже знал, что незачем спрашивать о ночлеге. Люди, которые долго думают, прежде чем сказать «привет», вряд ли будут рады позднему гостю.

— Херб, возможно, ты слышал...

— Я слышал...

— Мне не хотелось бы идти к себе.

— Я понимаю.

— И я подумал, может быть...

— Что может быть, Язон? — мягко спросил меня Херб.

— Может быть, я смог бы переночевать у тебя...

— Нет, Язон. Боюсь, что нет...

Он молчал, ожидая моей реакции, но я молчал. Пусть он продолжает. Или кладет трубку.

— Понимаешь... — Херб вздохнул, — это тонкая штука... Если узнают... Нет, Язон, я не могу позволить себе...

— Хорошо, Херб, сделай мне тогда другое одолжение. Арестуй меня. Ты получишь повышение по службе, и совесть твоя будет чиста — ты выполнил просьбу друга.

— Не вижу ничего смешного, — сказал Розен.

— А я и не смеюсь. Я говорю совершенно честно. Все равно я собираюсь отдаться в руки правосудия, так почему при этом не оказать услугу старому другу?

Розен вздохнул. Я представил себе, как он мучительно думает, издеваюсь я над ним или говорю правду.

— Язон, — сказал он, — ты знаешь, какие у тебя хвосты?

— Приблизительно.

— И ты хочешь явиться с повинной?

— А что мне еще делать? Не могу я бегать все время, как заяц.

— Я ничем не смогу тебе помочь, Язон. Это слишком серьезно. Начальство рвет и мечет. Похоже, что ты прошел по мозолям целого батальона.

— Так как?

— А как ты это себе представляешь?

— Завтра, ну, скажем, в десять утра, ты случайно оказываешься... допустим, у входа в отель «Мажестик». Хорошо?

— Ну, допустим. А ты?

— Я подойду к тебе, а ты арестуешь меня.

— А ты меня не разыгрываешь?

— Господь с тобой, Херб.

— Ну спасибо.

Старый, добрый Херб. Большой, толстый Херб. Покрутится, бедняга, наверное, минут десять на кровати, пока не уснет. Муки совести. Десятиминутные муки. А может быть, и не муки. Может быть, и он думает, что я обязательно, во что бы то ни стало попытаюсь бежать. Может быть, и он знает, что я их больше устраиваю в виде трупа, чем живой, и все полицейское управление Шервуда знает. В таком случае он проявил редкое благородство — отказался от соблазна пристрелить приятеля при попытке к бегству. Зря я иронизирую. В некоторых кругах это огромная жертва. Редкое благородство. Большое сердце. Только бы он не передумал до утра. Но другого выхода у меня не было.

Я выпил свое виски. Оно скользнуло теплой волной

по пищеводу, и я вдруг подумал, что выпил, может быть, последний раз в жизни.

Я снова позвонил. На этот раз знакомому из «Шервуд икзэминер». Год тому назад он был репортером. С тех пор я его не видел.

— Тим, — спросил я, — это ты? Я тебя не разбудил?

— Нет, не разбудил, — сказал он. — Но хотелось бы знать, кто меня не разбудил?

— Это Язон Рондол.

Тим молчал. Так же, как только что Херб Розен. Я, кажется, начинаю действовать на людей как гремучая змея. Они цепенеют.

— Здравствуй, Язон. Где ты?

— Еще на свободе. Но завтра я собираюсь отдаться в руки полиции. Ты, надеюсь, слышал, что за мной идет настоящая охота?

— Слышал.

— Тим, я обещаю тебе, ты завтра будешь первым, кто сообщит о том, что опасный преступник адвокат Язон Рондол сам сдался полиции. И смею тебя заверить, Тим, если я доживу до суда — а мне этого очень хочется, — это будет самый интересный процесс за долгие годы.

— Язон, для чего ты звонишь мне? Не только ведь для того, чтобы сделать мне одолжение?

— Совершенно верно. Я хочу дожить до суда.

— А я...

— Газета должна подчеркнуть, что я добровольно сдался полиции. И фото. Если вы это сделаете, они могут побояться прихлопнуть меня. Слишком велик скандал. И обязательно возьми с собой фотографа. Очень трудно стрелять в человека, когда на тебя смотрит объектив. Ты меня понимаешь?

— Да.

— Ты обещаешь?

— Хорошо, Язон. Теперь я верю тебе. Знаешь, когда

речь идет об эмоциях, я каждый раз теряюсь, словно в густом лесу. А когда понимаешь, где у кого какая выгода, тогда другое дело. Где и когда быть?

— Вход в отель «Мажестик». Десять утра.

Нет, что ни говорите, а друзья — великая вещь. Особенно если их интересы совпадают с твоими.

— Простите, мистер, мы закрываемся.

Я посмотрел на официанта. У него было синее от усталости лицо. Того же цвета, что и бабочка на руке.

— Хорошо, — сказал я. — Вот деньги. Сдачу оставьте себе.

Он даже не поблагодарил меня. Я понимал его. В какой-то момент усталость так давит, что на все становится наплевать.

После бара ночной воздух казался удивительно чистым. Я прошел квартала два, прежде чем нашел такси. Шофер — мужчина средних лет, с печально обвисшими усами — дремал, прислонив голову к боковому стеклу. Я осторожно побарабанил. Шофер поднял голову.

— Батареи заряжены полностью? — спросил я.

Он кивнул, потер лицо руками. Я залез на заднее сиденье.

— Куда вам?

— В Джоллу.

Шофер нерешительно посмотрел на меня.

— В это время я не найду там пассажиров... Придется стоять до утра...

— О, вам не придется стоять там... Мне нужно лишь... передать пакет, и мы вернемся обратно.

Шофер все еще не мог решиться. Он с сомнением посмотрел на меня, и я вдруг понял, что он сомневается, не укокошу ли я его на ночной дороге и если нет, то хватит ли у меня денег заплатить за такое путешествие.

— Да вы не беспокойтесь, приятель, — сказал я. — Я работаю в фирме Гереро. Может быть, слышали, игрушки Гереро?

— Нет, — покачал шофер головой, но уже спокойнее.

— Плачу казенными. — Я вытащил из кармана деньги. Я и забыл, что был так богат. — Ехать на такси в Джоллу на свои — эдак быстро разоришься. А на казенные...

— Ну конечно, мистер, фабрика игрушек не могла позвонить в Джоллу, она должна посылать туда ночью человека. Но меня это не касается. Деньги у вас есть, а это главное...

— Это очень тонкая мысль, — сказал я, и шофер засмеялся.

Я откинулся на спинку сиденья. Мы ехали по пустым и темным улицам Шервуда. Монотонно поскрипывали щетки стеклоочистителя, тихо шипел моторчик обогревателя. В свете фар снежинки налетали на нас роями блестящих насекомых.

— Самое милое дело — ночная езда, — задумчиво сказал шофер. — Свободно, спокойно. Людей мало, и мир на мир похож, а не на котел какой-то, в котором все кипит, бурлит, переливается. — Шофер помолчал и добавил: — Не люблю людей... Все зло от них. Вот возьмите дорогу, к примеру. Людей нет — дорога спокойная, безопасная, чистая. А как люди появляются — тут тебе сразу же снование, суета. Шум, гам...

Я не спал, но и не бодрствовал. Я чутко дремал, плавал на границе сна и бодрствования. Иногда голос шофера начинал доноситься до меня уж очень издалека, приглушенным, я понимал, что засыпаю, встряхивался, болтал головой, массируя лицо руками.

В Джоллу я, конечно, ехать не собирался. Не нужно было вообще ехать в этом направлении. Сам не знаю, почему из меня выскочила эта Джолла. Как там поживает капитан Мэннинг? Как он выглядит? Не знаю, как левой, а правой стороной лица он наверняка может пугать детей... Бедная миссис Нильсен... Ее уже, наверное, арестовали.

— Послушайте, приятель,—сказал я шоферу.—Я передумал. Мы, пожалуй, в Джоллу не поедem. Когда будет разворот, поворачивай обратно.

Шофер ничего не сказал, но я заметил, что у него напряглись плечи. Я представил, что он думает обо мне.

Я начал опять скользить по поверхности сна. Миссис Нильсен ловким движением вытаскивала из-под пледа свой маленький пистолет, подбрасывала в воздух и ловила его. Надо было встряхнуться, потому что я уже забредал в страну сновидений — это я понимал. Я не мог видеть миссис Нильсен в такси. И тем более она сейчас не подбрасывает пистолет. И даже не держит его. Полиция уже допросила ее. Молодой человек... Я увидел ее маленькое, упрямое лицо. Хотел бы я, чтобы у меня был такой дух. И даже не в восемьдесят один год, а сейчас.

Да, они ее уже наверняка допросили. Я представил, как она сидит сейчас одна. Неужели они ее все-таки арестовали?

Она сидела в своем кресле, а кресло бесшумно скользило по бесконечному серому коридору. И от бесконечности и пустынности его щемило сердце. Бедная миссис Нильсен... Вдруг кресло начало тормозить. Я открыл глаза... Справа у обочины стояла полицейская машина с вращающимся маячком на крыше, и около нее полицейский с сигаретой в губах.

Я не сразу сообразил, что происходит, но, прежде чем я отдал себе отчет в ситуации, я уже с силой упер ствол пистолета в спину шофера.

— Он стреляет, — тихо сказал я.

Машина начала набирать скорость, и полицейский остался позади. Удивительно все-таки многообразно применение пистолета. Кто бы мог подумать, что он такой хороший акселератор.

— Следующий раз он может выстрелить, — предупредил я шофера. — Рассказать вам, что делает пуля, по-

падая в тело шофера такси? О, это очень интересно. Вначале она...

— Я ничего не хотел...

— Ну конечно, — сказал я, — вы ничего не хотели. Вы хотели только спросить у него, в чем смысл жизни. Да? Признайтесь?

— Чего вы от меня хотите? — захныкал шофер плаксивым голосом. — Что за проклятая работа... Люди, люди, спешка, злость, грязь, крик, суета... Господи, сделай так, чтобы не было людей с их злобой...

— А вы хотели сплавить меня полицейскому из-за избытка душевной щедрости? Или чтобы одним человеком меньше было?

— Оставьте меня, не мучьте! Не мучьте меня за какие-то паршивые полсотни. Я остановлю машину. Вылезайте, не мучьте меня! Хватит, я устал, я больше не могу жить так!

— Я уважаю ваше право на истерику, — сказал я. — Это святое право человека. Но вам придется возить меня до десяти часов утра. И не вопите так! Если вы устали, можете остановиться на площадке отдыха и отдохнуть. Но только там, где нет полицейского.

Мы вскоре нашли площадку, постояли молча, снова двинулись в путь. Снова стояли. Шофер молчал. Что-то в нем сломалось. Мне стало жаль его. И себя. И миссис Нильсен. И Одри.

Я вылез из такси в половине десятого. На счетчике было сто двадцать семь НД. Я положил на сиденье три бумажки по пятьдесят.

— Прощайте, — сказал я.

Шофер ничего не ответил. У него не было даже сил взять деньги, и он только тупо смотрел на них.

Я медленно пошел по Мажестик-стрит. В отличие от шофера такси я был рад толпе. Толпа была защитой. Гарантией от выстрела при попытке к бегству. Я зашел

в кафетерий, выпил две чашки кофе и съел бутерброд. Было без пяти минут десять.

Я пошел к отелю. Тим уже ждал меня. С ним было два человека. Один доставал из кожаного саквояжа камеру. Другой открывал заднюю дверцу фургончика с эмблемой телевизионной компании, принадлежащей газете. Он вытащил маленькую телекамеру и присоединил ее к кабелю.

Я подмигнул Тиму. Он мне. Я посмотрел на часы. Ровно десять. Неужели мой друг Розен не появится? Тим вопросительно посмотрел на меня. Я едва заметно пожал плечами. Два мальчугана остановились и стали смотреть на человека с телекамерой. Сомневаюсь, чтобы они когда-нибудь видели живую корову, но марку телекамеры они определяли за полмили. Три минуты одиннадцатого. Я увидел, как Херб Розен переходил улицу. Боже правый, каждый раз, когда я вижу его, я поражаюсь его размерам. При более экономном творце из него бы вполне вышло два нормальных полицейских. Или три адвоката.

— Мистер Розен, — крикнул я, и он повернулся ко мне. Молодец, изумление на его лице было почти неподдельным. — Мистер Розен, это судьба...

Он двинулся ко мне почти бегом. Он должен был арестовать меня.

— Мистер Розен, я как раз хотел отдать себя в руки полиции.

— Язон Рондол, вы арестованы. Обвинение будет предъявлено вам в полицейском управлении.

— Прекрасно. Спасибо большое. Надеюсь, вы отметите, что я сдался добровольно?

Только сейчас Розен заметил, что мы оба стоим под объективом телекамеры. Вокруг собралась уже целая толпа. Он пожал плечами.

— Да, разумеется. И надо сказать, Рондол, вы правильно сделали. Руки, пожалуйста.

Я уже стал экспертом и по наручникам. И мне их надевали, и я их надевал. Я протянул руки, и Херб защелкнул браслеты у меня на запястье. На этот раз наручники были тройные. Третий браслет он надел себе на руку. Я подумал, что нормальный браслет не должен застегнуться на могучей ручище моего друга, но он все-таки защелкнул его.

Через десять минут мы уже шли по коридору полицейского управления Шервуда, и вслед за нами поворачивались все головы. Я был здесь популярной личностью. О, сладкое бремя славы... Когда-то, совсем маленьким я мечтал о славе. Я захожу куда-нибудь, допустим, в ресторан. Все головы, как на пружинах, поворачиваются в мою сторону. Легкий шепот, как ветерок, как шорох листьев: Язон Рондол... Сам Рондол. И вот, пожалуйста, дожил. Только вместо ресторана полиция.

Нас регистрирует дежурный офицер, докладывает куда-то. Звонят телефоны. Вбегают и выбегают люди. Явно больше, чем нужно. Но не посмотреть вблизи на самого Рондола — на это кровавое чудовище... Адвокат в наручниках — это уже пикантно.

Мы снова идем. Теперь уже не вдвоем, а впятером. Херб Розен сияет, как кинозвезда на премьере. Он раскланивается налево и направо. Две секретарши, две светленькие куколки, смотрят на меня с жадным интересом. Слава, сладкое бремя славы. Мы входим в кабинет.

Он действительно постарел, мой старый друг Нейл Кендрию. Постарел, обрюзг. Ах, годы, годы, полицейские годы, бессонные ночи. Нелегко был путь от капитана Кендрию до этого кабинета. Столько людей хотело бы проделать его.

— Здравствуйте, мистер Кендрию, — здороваюсь я. Он лишь коротко кивает мне. Интересно, помнит ли он меня? Вряд ли. А может быть, и помнит.

— Вы знаете, как удачно все получилось, — рассказывает Херб Розен, — и он тут, и ребята из «Икзэминер»

тоже тут, у входа в отель. Ждали кого-то. И телекамера.

— Они засняли, как вы арестовали его?

— Да, как он отдал себя в руки правосудия.

Начальник полиции почему-то хмурится. Казалось бы, нужно радоваться бесплатной телевизионной рекламе полиции, но он явно не рад. Уж не потому ли, что телекамеры связали ему руки? Попробуй организуй арестованному «побег», когда миллионы людей своими глазами видели на телеэкранах, как он добровольно отдался властям... А от него явно ждут этого побега. Ждут джентльмены, которые не любят ждать. И от которых зависит не только карьера, а весь ты со всеми своими начальственными потрохами.

ГЛАВА 6

Тюремщик второго класса Майкл Каллахэн вернулся домой, как обычно, в пять часов. Как и всегда, когда он вставлял в замок ключ и поворачивал его, он услышал шаги жены, быстрый топот сына, нетерпеливое повизгивание Длинноухого. Но здоровались они с ним в другом порядке. Первым на него набросился ирландский сеттер. Он пританцовывал на задних лапах, неуклюже толкал хозяина передними, подпрыгивал и пытался лизнуть его в лицо. Вторым был Джерри. «Неужели, — пронеслось в голове у Каллахэна, — придет время, и Джерри будет таким же далеким, озлобленным чужаком в доме, как это почти у всех? Слава богу, ему пока семь, у него выпало два зуба спереди, и он улыбается отцу своей веснушчатой, беззубой улыбкой». Должно быть, Этель почувствовала, о чем он думает, потому что тоже улыбнулась ему и сыну.

— Ну хватит, хватит, дайте отцу раздеться. Его ведь ждут.

— Кто ждет? — сразу насторожился Каллахэн. Здесь был его мир, мир, полный любви, доверия и покоя, и подсознательно он всегда боялся вторжения в него чужих.

— Мистер Фалькони. Тот, с которым ты учился. Настоящий джентльмен. Хотел сделать тебе сюрприз. Посмотришь, какую коробку конфет он принес нам: пятнадцать НД, не меньше.

— Не помню я никакого Фалькони... — пробормотал Каллахэн... Он чувствовал неясную тревогу. Фалькони, Фалькони.. Нет, фамилия ничего не говорила. Может быть, забыл просто. Коробка конфет. Не придет же грабитель с коробкой конфет и не будет ждать хозяина. Он успокоился и вошел в комнату. Навстречу ему шагнул невысокий черноволосый человек с широченными плечами. Протянул руку. Каллахэн поздоровался с ним. Нет, даже лица такого он не помнил. Фамилию мог забыть — у него вообще была неважная память на имена, но лицо — никогда. Если он хоть раз видел человека, сразу же и навсегда запоминал его лицо.

— Мистер Каллахэн, я хотел бы поговорить с вами, — тихонько сказал черноволосый. Он продолжал улыбаться, но глаза у него были холодные. И неподвижные. — Наедине, — добавил незнакомец. — У вас такая очаровательная супруга и такой симпатичный парнишка... Не стоит мешать им нашими разговорами.

— Я не... — Каллахэн хотел было сказать, что не имеет чести быть знакомым с посетителем, он уже и фразу составил в уме: «Простите, но я не имею чести...», но что-то в глазах Фалькони удержало его. — Пройдемте в мою комнату.

Слова «моя комната» были небольшим преувеличением, потому что своей комнаты у Майкла Каллахэна не было. Вся его квартира состояла из двух комнат: спальня, в которой они спали с Этель, и гостиная, в которой спал на диване Джерри.

Фалькони сел на стул, а Каллахэн опустился на кровать. Он вдруг почувствовал, что устал. Целый день на ногах, всю смену. Сорок семь шагов в одну сторону, сорок семь обратно. Иногда туда получалось сорок шесть, а обратно сорок восемь, но в среднем длина коридора его сектора на третьем этаже составляла сорок семь шагов. Пять лет он считал свои шаги. Немало.

— Мистер Каллахэн, — тихонько спросил Фалькони, — сколько вы получаете в тюрьме?

— А в какой степени... — пробормотал Каллахэн, но снова не закончил фразы из-за холодного и внимательного взгляда гостя.

— Восемь? Девять тысяч в год?

Каллахэн молча кивнул. Девять двести в год. Это за его-то работу. Девять двести — разве это деньги? Высчитываешь, сколько пива можешь позволить себе выпить в неделю. Голова пухнет. Отец, глава семейства.

— Мистер Каллахэн, я хочу предложить вам десять тысяч НД.

— Десять тысяч? — Цифра была так велика, что он переспросил еще раз: — Десять тысяч? — Господи, больше его годового дохода.

— Совершенно верно, — кивнул Фалькони.

— Десять тысяч НД мне?

— Вам. Но я, наверное, не совсем ясно выразился. Десять тысяч только сейчас — вот деньги, а вторые десять тысяч после...

Господи, какие две толстенькие, аккуратно заклеенные бумажной ленточкой пачечки. Сиреневые купюры по двадцать НД. Это значит — по пятьсот купюр в пачке. Или это в двух пачках десять тысяч? Тогда по двести пятьдесят в пачке.

Каллахэн видел не только сиреневые бумажки с бордатым лицом. Это была квартира из трех комнат. И у него, Майкла Каллахэна, впервые за тридцать шесть лет жизни будет своя комната. И портсигар, как у Шилдса,

который играет, когда открываешь его. И шуба у Этель. Он скажет так небрежно, мимоходом: «Да, Этель, тебе не пора купить новую шубу? А то ты мне не очень нравишься в старой». Она грустно улыбнется. Бедная Этель, немного у нее радостей. «Давай встретимся в пять, нет, лучше в полпятого, и пойдем посмотрим тебе новое пальто. Не очень дорогое, что-нибудь за триста-четыре-ста НД». Она поймет, что он не шутит, и крикнет: «О Майкл!..»

Он поднял голову и посмотрел на Фалькони. Тот понимающе кивнул.

— И что же я должен сделать? — спросил Каллахэн.

— О, ничего особенного. Завтра во время своего дежурства вы зайдете в камеру, где сидит Льюк Поуст. Он ведь в соседнем секторе?

— Да, — прошептал Каллахэн. Он уже знал, что будет жить по-прежнему в двухкомнатной квартире, что Этель придется еще пару лет проходить в старом пальто и что он так и не узнает, сколько же купюр в такой пачке.

— Когда у него суд? Как будто скоро?

— Через неделю.

— Прекрасно. Вы знаете, между прочим, в чем он обвиняется?

— Кажется, убийство.

— Три. Три трупика висят на нем. Довольно тяжелый груз. Далеко с ним не уплывешь. Смертная на сто процентов. Льюк, насколько я его знаю, выберет, конечно, переделку. Но пока что он тот Льюк Поуст, который мать готов продать в публичный дом за сотню НД.

— Я не... — Каллахэн хотел сказать, что говорить им, к сожалению, не о чем, он даже фразу уже составил в уме: «К сожалению, говорить нам...», но снова замолчал. Гипнотизер он, что ли, этот чернявый?

— Вы войдете в камеру Льюка и скажете, что Джек Фалькони передает ему привет.

— И... и за это...

— Не совсем. Вы скажете ему, что Джек Фалькони положит в банк на его имя пятнадцать тысяч НД. Вы объясните ему, что для этого ему нужно сделать очень небольшое — всадить во время прогулки нож в живот некоему Язону Рондолу, который тоже ожидает суда. Не забудьте только сказать Льюку, что на его приговоре это никак не отразится. А то ведь он порядочная дубина, 'и ему надо хорошенько вбить в голову, что три ли убийства, четыре или пятнадцать — приговор тот же самый — смерть. Или переделка, конечно.

— Нет, нет, нет, — замахал руками Каллахэн. Он хотел сказать, что никогда не пойдет на преступление, что не за того его принимают, что он никогда не нарушит свой долг, что его, наконец, будут за это судить, а ему это вовсе не улыбается. Что все это, наконец, глупость, потому что и Поуст и Рондол сидят не в его секторе, а в соседнем, дежурит днем во время прогулки не он, а Шилдс. Тот самый Шилдс, у которого портсигар играет, когда его открываешь. Японский. Он хотел все это сказать, но Фалькони не слушал его, а продолжал:

— Если Льюк согласится — а он наверняка согласится, — вы передадите ему вот этот нож. — Фалькони достал из внутреннего кармана пиджака маленький нож.

— Нет, — сказал Каллахэн, — это невозможно. — Во рту у него пересохло, и хотелось пить.

— Почему же? — терпеливо спросил Фалькони.

— Да хотя бы потому, что я не могу войти в камеру соседнего сектора. Там днем дежурит Шилдс. А потом, если бы даже я мог, выяснилось бы, что нож передал я... — Каллахэн заметил, что ему почему-то удобнее и легче говорить с Фалькони о технических деталях, чем о долге.

Фалькони посмотрел на него и терпеливо улыбнулся.

— Вы обижаете нас, мистер Каллахэн...

«Нас, — подумал Каллахэн. — Не меня, а нас».

— Вы нас считаете совсем глупцами, — он укоризненно покачал головой. — Дело в том, что, если Льюк получит от вас нож, он потом покажет на допросе, что нож передал ему мистер Шилдс...

— А Шилдс? Он что, молчать будет? — Каллахэн старался говорить иронично, но голос звучал испуганно.

— Да, мистер Каллахэн.

— Почему?

— Ах, мистер Каллахэн, по первому впечатлению я бы не сказал, что вы такой шутник. Ну, скажите сами, в каком случае люди молчат?

Каллахэну вдруг стало страшно. Он больше не думал о деньгах. Они убьют Шилдса. А портсигар с музыкой? При чем тут портсигар? Он почувствовал, что руки его дрожат. Чудовищная жара в комнате. Дышать просто нечем. Он боялся посмотреть на Фалькони, и вместе с тем какая-то неведомая сила заставила его поднять глаза. Фалькони спокойно сидел, раскатывая между пальцами сигарету. Вдруг он решительно спрятал сигарету обратно в пачку.

— Простите, забыл, что это спальня. Моя жена никогда не разрешает мне курить в спальне. — Он крутанул головой и усмехнулся. — Ни в какую. Нет, говорит, и все.

— Да, да, я понимаю, — быстро сказал Каллахэн. Он уцепился за жену Фалькони как за спасательный круг. Это было понятно. Он ее понимал. Она была из мира, в котором он жил. И Этель. И Джерри. И поэтому все, о чем он говорил с Фалькони, — все это шутка, не-лепая шутка, дурацкий розыгрыш. — Жены, знаете, они бывают помешаны на чистоте...

Фалькони кивнул и снова усмехнулся. На этот раз по-другому. Он, казалось, видел своего собеседника насквозь.

— Бог с ними, с женами, — сказал он, — вернемся к делу.

— Но я ведь вам уже объяснил, мистер Фалькони, что они оба, и Рондол и Поуст, в соседнем секторе. Мой четвертый, а они в пятом.

— Шилдс не выйдет на дежурство. Вы пойдете к дежурному офицеру и скажете, что отработаете и за Шилдса, потому что, мол, такой у вас уговор.

— А... А они потом решат, что Шилдс удрал?

— Совершенно верно. Дал Поусту нож, получил деньги и смылся. Так как, по рукам?

Здорово они все продумали, ничего не скажешь. Все по полочкам разложили. Одно к другому. Но не-ет. Не на такого напали. Не будет он марать руки. И совесть. Чужой кровью. Пусть каждый цент на счету, но зато спишь спокойно.

— А если я откажусь? — спросил он.

— Я думаю, вы не откажетесь.

— Почему вы так уверены?

«Надо говорить с ним потверже, — подумал Каллахэн, — дать понять, что он зря теряет со мной время».

— Потому что, Каллахэн, в случае, если вы откажетесь, мы убьем Джерри. Что вы так смотрите на меня? Вы что-то побледнели. А потом, если и этого вам будет мало, убьем вашу супругу. А жаль было бы. Очень милая и приветливая женщина.

— Вы... вы не посмеете... — прошептал Каллахэн.

— Перестаньте, не будьте ребенком, — с легкой брезгливостью в голосе сказал Фалькони. — Ваш сын ходит в школу. Если не ошибаюсь, на Чекерс-стрит. После конца занятий, когда он выйдет...

— А сколько купюр в такой пачке? — спросил вдруг Каллахэн. То есть он готов был поклясться, что спросил не он. Он и спросить-то не мог, так все оледенело у него внутри. Да и голос был не его, хриплый какой-то, грубый. Но, с другой стороны, в комнате никого, кроме них, не было.

— Двести пятьдесят. Держите. Здесь, как я вам уже

сказал, всего десять тысяч. Вторые десять вы получите после похорон Рондола. Если вы все поняли, я, пожалуй, пойду, а то страшно хочется курить. Вы не курите?

— Нет, — прошептал Каллахэн.

— Счастливый человек, — завистливо покачал головой Фалькони и встал со стула.

* * *

Это было замечательное время. Сразу после обеда. Он садился за стол, доставал пластмассовый ящичек, который сконструировал и изготовил собственноручно, раскрывал его и начинал инвентаризацию своей рыболовной снасти.

Телевизор что-то бормотал, в комнате было тепло и спокойно. Внутренняя часть ящичка, склеенная из прозрачного оргстекла, вынималась. Она была разделена перегородками на отделения. Для каждого номера крючков свое отделение. Для лески — свое. Для поплавков, грузил — тоже свои.

Скорей бы морозы. Господи, сколько уже времени он не был на озере, страшно подумать... Зимой, когда озеро замерзает, кругом стоит такая тишина. Он так явственно представил себе низкое серое небо, темно-зеленые, почти черные ели на противоположном берегу. Ветер налетает порывами, взвывает вверх маленькие снежные смерчи.

Что-то вдруг заставило его прислушаться. Диктор на экране говорил:

— ...Адвокат Язон Рондол, которого разыскивала полиция, отдал себя в руки правосудия. Наш репортер оказался....

Язон Рондол. Айвэн Берман не мог поверить своим глазам.

И тем не менее на экране был Язон Рондол. Какой-то измятый, небритый, но он. Шум толпы, электромоби-

лей. И голос Рондола: «Мистер Розен, я как раз хотел отдать себя в руки полиции».

Здоровенный верзила защелкивает у него на руках браслеты.

— Ловили рядом, а поймали вон где, — пробормотал Берман и вздохнул. Жизнь была настолько сложная, что он давно перестал пытаться что-нибудь понять в ней и воспринимал ее такой, какой она была.

— Ловили рядом, — снова пробормотал он и покачал головой. Он начал разбирать крючки, но — удивительное дело! — занятие это показалось ему теперь скучным. Вернее, не скучным, нет. Он продолжал возиться со снастью, но вдруг сообразил, что думает вовсе не об озере и не о коробке с крючками, а о Рондоле. Это было удивительно, потому что раньше ничто и никогда не могло оторвать его от любимого занятия.

Он вдруг вспомнил теплый летний день. Озеро — неподвижное, застывшее стекло. Он и Рондол ловят небольших, вертких окуньков. То есть ловит он, потому что у Рондола не клюет. Их отделяет друг от друга всего футов десять — длина лодки, но у него нет-нет да поплавок вздрогнет, замрет на мгновение и нырнет. Взмах удочки — и еще один серебристый окуnek у него в руках. Он снимает с крючка трепещущее прохладное тельце и опускает в проволочный садок за бортом. А у Рондола поплавок приклеен к поверхности воды. Гвоздями прибит. И Рондол покуривает не спеша, почти на него не смотрит. Но улыбається, вида не подает, что обидно ему. Наоборот. «Я, — говорит, — рад за тебя, Айвэн. Знаешь, почему у тебя лучше клюет? Потому что ты человек тихий. Тебя бог и рыба любят. И даже, говорят, твои арестантики».

А он, Айвэн Берман, все стесняется, как это у него клюет, а у его товарища нет. Лучше бы наоборот. И тут у Рондола поплавок дернулся вниз. «Дергай!» — крикнул ему Айвэн, тот дернул, но неудачно. Успел, разбой-

ник, стащить червяка с крючка. Насадил нового червяка, только забросил, поклевка. Четкая, сильная. Вытащил окунька. Снова забросил — тут же опять вытащил рыбку. Сигарета в губах давно погасла, но ему ее и выплюнуть-то некогда, не то что прикурить. Окуньки словно обезумели, так и хватают его крючок.

И ему, Айвэну Берману, не завидно. Смешно сказать, даже приятно было. Если бы кто-нибудь рассказал — не поверил бы. Чтобы один рыбак радовался за другого — это что же, как измененный? Нет, не измененный, а все-таки он радовался тогда за Рондола. Не то чтобы радовался, а на душе как-то тепло было. Ну как будто в руках ребенка держал...

Ах, Рондол, Рондол, как это он любил приговаривать? «Ты, Айвэн, изъясняешься темно и мудро, как при рода... темно и мудро». Почему же он преступник?

ГЛАВА 7

Назавтра, не успев принять дежурство, он уже знал, что Рондола ночью привезли в тюрьму. Весь день ему хотелось подняться в камеру, но что-то мешало. Не хотел он видеть Рондола в камере. Не хотел.

Через несколько дней к нему в комнату спустился Каллахэн.

— Мистер Берман, — сказал он, — Шилдс сегодня не вышел.

— Да, Каллахэн, я как раз думал, кем заменить его.

— Вот я и пришел, мистер Берман, мы с Шилдсом договаривались, если кто-нибудь не придет почему-либо, — подменить. Я как увидел, что его нет, так сразу и думаю: дай-ка схожу к мистеру Берману и скажу, что подменю Шилдса...

«Что-то он много говорит, — подумал Берман. — На себя не похож».

— А то, если со мной что случится, тогда он меня подменит. Да и дел-то: проследить, чтобы вовремя накормили, вывести на прогулку, ну и посетители. Ежели, конечно, будут.

— Хорошо, хорошо, Каллахэн. Идите наверх. И скажите дежурному по пятому сектору, чтобы шел домой. Вы подмените Шилдса. Вот вам шифры от камер.

Странный он сегодня какой-то... Что это с Шилдсом стряслось? Никогда ни на секунду не опоздает. Надо позвонить ему. Болен, наверное.

Он посмотрел в книжке номер телефона Шилдса, позвонил ему. Ответил женский голос:

— Миссис Шилдс слушает.

— Добрый день, миссис Шилдс. Это Айвэн Берман. Что с вашим супругом?

— С моим супругом? — В голосе женщины послышалось беспокойство. — Что с моим супругом?

— Я думал, он заболел.

— А разве он не на работе?

— Нет, миссис Шилдс, он сегодня не явился.

— Господи...

— Да вы не волнуйтесь...

— Он вышел из дому как обычно... Господи, о господи... — Она начала плакать

— Не волнуйтесь, может быть, он еще придет. Мало ли что может задержать человека...

— Нет, нет, нет, я знаю, что-то случилось...

— Успокойтесь, миссис Шилдс, как только он придет или я узнаю что-нибудь, я тут же позвоню вам.

Он положил трубку и вздохнул. Шилдс никогда не опаздывал. Ни на минуту. У них никто никогда не опаздывал. Тюрьма — прекрасная служба. Таким местом дорожат. Таким местом не бросаются.

Он занялся заполнением бланков отчета. Вечно эти отчеты...

Но мысль о Рондоле продолжала трепыхаться где-то

на дне его сознания. Он не хотел его видеть. Увидеть его в камере — значит предать их Тихое озеро. Он хотел видеть его там, а не в камере. Язон Рондол не должен быть в камере. Он не хотел связывать воедино своего друга и тюрьму. Ему казалось, хотя он и не отдавал себе в этом отчета, что зайди он к Язону в камеру — и Язон в камере станет реальностью. А в такую реальность не хотелось верить.

На душе у него было беспокойно. Шилдс так и не появился. Действительно что-то случилось. Наверняка случилось. Теперь он уже не сомневался. А вот Каллахэн не сомневался с самого начала. Почему? Откуда такая уверенность? Да потому, что Шилдс никогда не опаздывал. А коль скоро опоздал — Каллахэн был уверен, что он не придет.

И все-таки что-то уж очень быстро Каллахэн прибежал к нему. Чепуха. Его, наверное, послал дежурный по пятому сектору. Видит, что его не меняют, хотя время уже пришло, вот и попросил его сходить к дежурному офицеру.

Смутно, беспокойно на душе. Но почему же? Да, Рондол в тюрьме. Но что поделаешь — это и есть жизнь. Тюрьма — это жизнь? Кто знает, кто знает...

Какая-то чушь, что они договаривались с Шилдсом подменять друг друга. Насколько он помнит, Шилдс не опоздал ни разу и не болел ни разу.

Айвэн Берман несколько раз глубоко вздохнул, но беспокойство все равно не покидало его. Неясное беспокойство, тревожное. Сердце сжималось. Как бывает иногда на озере перед бурей. Когда все тихо, все замирает и все ждет.

И почему Рондол сам отдался в руки полиции? Выйти утром на улицу к отелю «Мажестик» — это действительно значит сдать полицию. Их там в это время как собак нерезаных.

Значит, так ему нужно было. Так ему удобнее. Он ре-

шитительно встал и поднялся вверх. Пятый сектор. Камера триста двадцать вторая.

Каллахэн тут как тут.

— Все в порядке, мистер Берман. Все тихо и спокойно. Управляюсь за двоих, даже и не думал, что это так легко...

Он посмотрел на Каллахэна. Что он трясется как осиновый лист? И говорит, говорит... Он нахмурился.

— Хорошо, Каллахэн, идите. Я проверю, как тут новичок.

Он набрал шифр на замке и открыл тяжелую дверь. Как он мог подумать хоть на мгновение, что Рондол не захочет его видеть? Как он мог столько времени не подняться к другу?

Рондол улыбнулся ему и шагнул навстречу.

— Айвэн...

— Язон...

Они обнялись. Что это у него в горле, неужели ангины будет? Он попытался проглотить комок, но тот, как поплавок, тут же выныривал и снова становился в горле.

— Спасибо, что пришел, старина.

— О чем ты...

— Ты не собираешься на озеро?

— Хотел поехать в субботу... Но не поеду.

— Почему?

— Из-за тебя.

— Как из-за меня?

— Язон, неужели ты думаешь, что человек может быть на озере, когда его друг ожидает суда? Это, это... как есть уху, когда на тебя смотрят голодные глаза.

— Спасибо, Айвэн. Мы еще будем смотреть друг на друга сытыми глазами.

— Язон, я ни о чем не спрашиваю, я видел тебя по телевидению, когда ты сам...

— Так нужно. Верь мне, я невиновен. Но кое-кому

я стою поперек горла... Если бы ты знал, какой муравейник я разворошил... Поэтому-то они так усердно охотятся за мной. Они дорого дали бы, чтобы я молчал. Всегда. Поэтому мне нужно было, чтобы у полиции были связаны руки. Трудно уверить кого-нибудь, что я был убит при попытке к бегству, если миллионы людей видели, как я добровольно сдался полиции. Понимаешь?

— Да, как будто.

— Здесь-то хоть они до меня не доберутся. Ты не представляешь, как легко сидеть, когда всей душой стремился в тюрьму... Спасибо, что заглянул ко мне, Айвэн. И поезжай на озеро.

— Нет, Язон. Вода не люди.

— Это ты тонко заметил.

— Она не прощает предательства...

— Почему?

— Не знаю... Может быть, потому, что на воде лучше думается... Мне нужно идти, Язон.

— Спасибо.

Берман плотно закрыл тяжелую дверь камеры. Они охотятся за ним... Дорого дали бы, чтобы он молчал... «Здесь-то хоть они до меня не доберутся...» Как странно, что человек стремится в тюрьму. Но все ведь не могут быть в тюрьме. Кого же туда? Самых лучших? Самых честных? Самых смелых? А преступники чтобы расхаживали на свободе... Не так уж странно выходит.

Он покачал головой и спустился к себе в кабинет. Как там Шилдс, интересно, объявился все-таки дома или нет? Он позвонил ему домой, но никто не отвечал. Ничего не было известно и в полицейском управлении. Как в воду канул. Испарился. Или удрал... Удрал? Нелепо. Не может быть. Или... Или... А может быть, кому-нибудь понадобилось, чтобы он не пришел сегодня... Но кому, зачем? «Мистер Берман, мы с Шилдсом как раз договаривались подменить друг друга...» Дрожащие

руки Каллахэна... «Да и дело-то, мистер Берман: проследить, чтобы еду принесли вовремя, вывести на прогулку...»

Нет, чепуха лезет в голову. Сроду ничего здесь такого не случилось. Тюрьма — это порядок.

А если... Если все-таки... До чего жарко в комнате... Сердце его снова сжала неясная тревога. Ему почудилось, что он слышит скрип открываемой тяжелой двери. Рондол вскакивает, отступает. Но куда? В стену? И он, Айвэн Берман, не помог человеку. Единственному человеку в мире, с кем он любил сидеть в лодке...

Он помотал головой. Нет, так больше нельзя. Он поднялся наверх. Коридор был пуст. Наверное, Каллахэн в другом секторе. Тем лучше. Он быстро набрал шифр на диске замка камеры Рондола, нажал кнопку смены и набрал новую комбинацию. С ленивым чавканьем щелкнул замок. Шесть стальных языков вошли в шесть стальных ртов.

Он быстро спустился вниз. Никто в мире не знал теперь новой комбинации. Пусть он совершит нарушение порядка — все равно он пока не впишет шифр в книгу. В его черепе номер будет спрятан надежнее. Еду Рондол все равно получит, а без прогулок пока обойдется.

Берман почувствовал огромное облегчение. Будто сбросил с плеч груз. Можно было отдохнуть. И сесть за проклятую сводку.

* * *

Каллахэн посмотрел на часы. Через десять минут прогулка. Пора. Пусть. Первый и последний раз. Его это не касается. Не он, так Шилдс согласился бы. У него дети, а у Шилдса нет. Да нет, ничего они с ним не делают... Явится... Явится... Как это явится? Нет, нет, нет. Не-ет, это невозможно. Как же так? Ведь это Шилдс дал нож Льюку Поусту. Он, он... Как это, интересно, портсигар играет, когда его открывают? Тара-тара-тара...

там-там... Тари-тара-тара-там-там... Забавно. Не думать ни о чем. Не думать. Выключить. Повторять только мелодию: тара-тара-тара-там-там... Он его ударит, наверное, в живот. Тара-тара-тара-там-там... Они всегда наносят удар в живот. Несколько ударов... Тара-тара-тара-там-там...

Он набрал шифр замка камеры Поуста. Замок открылся, и он вошел в камеру. Льюк несколько раз потянул носом — принюхивался, что ли? Или у него насморк?

— Ну? — сказал он.

— Вот держи. — Каллахэн протянул было нож, но вспомнил, что забыл обтереть рукоятку. Это что же? Оставил бы свои отпечатки? Он вытащил трясущимися руками носовой платок и начал тереть ручку. — Я... вот...

— Давай. — Поуст критически осмотрел нож, взял его в руку, взвесил, покачал и вдруг стремительно ударил им в живот Каллахэна. Нож остановился буквально в нескольких дюймах от тела. Поуст посмотрел на лицо дежурного и засмеялся. — Ишь как побледнел... Надо ж приладиться... Ты мне его покажешь, этого?..

— Он выйдет из двадцать второй камеры... Тара-тара-там-там...

Теперь вздрогнул Поуст.

— Чего это ты поешь? Псих, что ли?

Боже, что с ним творится, голова как чужая, плывет куда-то...

— Это я так, ничего...

— А...

Они вышли в коридор. Тишина. Серый металл и серый пластик, который скрадывает шаги. Тара-тара-тара-там-там... Не иначе как в нем устройство какое-то. А то как же он будет играть? Двадцать вторая камера. Палец в наборный диск замка. Фу-ты, черт, зацепился заусенцем за край диска. Больно. Не забыть бы обрезать этот проклятый заусенец, а то уже второй день он цеп-

ляется за все на свете. Два-один-один-четыре-пять-семь. Он потянул за ручку. Дверь не открывалась. Что за чертовщина? Он точно помнил номер. Ну-ка еще раз. Наверное, он не до конца набрал комбинацию. С ним это бывало. Начнешь набирать телефон и вдруг посередине забудешь — набрал какую-то цифру или нужно ее еще раз набирать. Два-один-один — так, медленнее, не спешить, тщательнее — четыре-пять, сейчас он наберет последнюю семерку, и замок щелкнет. Семь. Тишина. Серый металл двери. Серый потолок, серый пластик пола. Он потянул на себя ручку. Дверь не открывалась.

— Скоро? — спросил Поуст. Он шмыгнул носом за спиной у Каллахэна. Где он мог простудиться? Странно.

Он знал, что произошло что-то страшное. Сейчас появится Фалькони. Друг детства. Спереди и сзади. Сверху и снизу. Две пачки. По двести пятьдесят купюр в каждой...

Он снова набрал номер. Замок не открывался. Он забарабанил кулаками по металлу.

— Что случилось? — слышался голос из-за двери.

И все из-за этого мерзавца. Мерзавец! Падаль! Отброс! Что он сделал такого, что Рондол мстит ему?.. Ну что ему надо? Получи нож в брюхо, и дело с концом. Не мучай себя и других. Раз уж так получилось, не тани, откройся. Не мучай ты себя и других. «Господи, — пронеслось у него в голове, — при чем тут Рондол?»

— Ничего, — сказал он.

— Так как же? — спросил Поуст. Глаза у него были напряженные и немигающие. Как у змеи. Он шмыгнул носом и медленно облизнул сухие губы. В мелких трещинках.

— Идите к себе, Поуст. Прогулка пока отменяется. Потом...

«Потом, потом, потом, — подумал Каллахэн, — тара-тара-тара...»

Надо будет вымыть машину, решил Айвэн Берман, въезжая в подземный гараж. Хотя на улице такая слякоть, что через пять минут машина будет еще грязнее, чем до мойки. Разве что попросить Чака? Пусть парнишка заработает лишнюю монету.

Не снимая ноги с тормоза, он медленно съехал вниз по крутому пандусу. Когда на улице солнечно, здесь, под землей, всегда сумрачно, и глаза не сразу адаптируются к полумраку. А когда на улице темно, здесь, наоборот, все хорошо видно. А вот и Чак.

— Добрый вечер, мистер Берман.

— Привет, Чак. Ты не хотел бы сполоснуть мою машину?

— С удовольствием. Не беспокойтесь, сегодня же вымою. Оставьте только ключи... Да, мистер Берман, вас недавно спрашивали.

— Меня?

— Да. Двое джентльменов. Спрашивали, не приехали ли вы.

— Гм... Ничего не передали?

— Нет, ничего.

Странно, подумал Айвэн Берман, кто бы это мог быть? Он подошел к лифту, который поднимался прямо из гаража, и нажал кнопку вызова. Как будто никто прийти к нему сегодня не должен был. Щелкнуло реле, и лифт остановился. Он открыл дверцу и хотел было захлопнуть ее за собой, но кто-то помешал ему. Он быстро повернулся. Два человека. Странно, он как будто всех здесь знает в лицо. Гараж небольшой, на семьдесят машин. А может быть, эти два типа и спрашивали его? Гм, не слишком располагающие физиономии, особенно у черноволосого.

— Вам какой этаж? — спросил Берман.

— Четвертый, — сказал черноволосый.

— И мне четвертый, — кивнул Берман. Нет, наверное, все-таки это те, что его спрашивали. Просто они не знают его в лицо. Хотят посмотреть, где он живет. Стесняются спросить, он ли Берман.

Лифт остановился на четвертом этаже, и все трое вышли. Может быть, самому спросить, кто им нужен? Пожалуй, так и нужно сделать. Он полез в карман за ключами. Странно, черноволосый так и впился глазами в его руку. Тьфу ты черт, забыл все-таки оставить Чаклу ключи от машины.

Он поднес ключ к двери. Оба человека молча смотрели на него. Берман почувствовал, как его охватывает страх. Тяжелый, липкий страх. Сразу стало тяжело дышать.

— Вы ко мне?

— Да, мистер Берман, к вам.

Броситься вниз по лестнице? Он не успеет сделать и шага, как они схватят его. А может быть, все-таки ничего страшного? Страшно. Если бы у него был с собой пистолет... Все равно он не успел бы вытащить его. Крикнуть?

— Мы ждем, — тихо сказал невысокий.

— Я... забыл оставить мальчишке в гараже ключ, понимаете? И потом, что вам, собственно, нужно? Кто вы такие?

— Откройте дверь. — Черноволосый показал Берману пистолет с привинченным к стволу глушителем. — Не валяйте дурака. Если вы не будете ломаться, вы будете свободны через пять минут. — Он посмотрел на часы. — И побыстрее. У нас всего пятнадцать минут. Через пятнадцать минут Каллахэн сменяется, а он должен проверить, скажете ли вы нам правду.

Нет, нельзя открывать дверь. Пока они здесь, на лестнице, они ничего не посмеют с ним сделать. Не посмеют. Черноволосый вырвал у него ключ и открыл дверь.

— На помощь! — крикнул Берман. Его голос показался ему тихим и жалким.

Второй, повыше, схватил его за шиворот и резко толкнул вперед, в темный проем открытой двери. Он упал, но успел выставить вперед руки, которые самортизировали удар. Он услышал, как кто-то из двоих тихо выругался и пробормотал:

— Где у него тут выключатель?

Он долго не мог найти выключатель, потом щелкнул зажигалкой и зажег свет.

— Фрэнки, давай его сюда, в комнату.

Они усадили его на стул, и черноволосый сказал:

— Мистер Берман, у нас есть всего четверть часа. — Он посмотрел на часы. — Даже меньше. Тринадцать минут. Через тринадцать минут Каллахэна должны сменить. Скажите мне новый шифр на камере Рондола, и я тут же от вас позвоню ему в тюрьму. Вы меня понимаете? Вы представляете, что мы с вами сделаем, если вы будете упрямиться?

«Рондол прав, — подумал Берман. — Они охотятся за ним. Даже в тюрьме. Каллахэн. Поэтому у него дрожали руки. И поэтому исчез Шилдс».

— Фрэнки, — сказал черноволосый, — принеси из ванной полотенца. Все, что найдешь. Вы знаете, зачем мне полотенце, мистер Берман? Нет? Сейчас вы увидите.

Они затолкали ему кляп в рот и завязали полотенцем. Потом привязали его к стулу.

— Понимаете, вам может быть очень больно, а когда человеку очень больно, он обычно кричит. Даже если он такой воспитанный человек, как вы. Кричит и мешает соседям. Если вы захотите сообщить нам шифр, вы кивнете головой, возьмете вот эту ручку и напишете номер на листке бумаги. Чтобы не возиться с вашим кляпом. Ну так как?

Какие обстоятельные люди, подумал Берман. Ему было так страшно, что страх уже не помещался в

нем. Он выплеснулся из него, и он видел комнату и людей сквозь какой-то полупрозрачный фильтр.

Он знал, что выдаст им шифр. Он не переносил боли. Даже чужой. В кино он закрывал глаза, когда на экране текла кровь. Чужая, ненастоящая, красная краска. И все равно он не мог заставить себя смотреть. Наверное, он и в тюрьму пошел работать главным образом потому, что люди здесь не страдали. Физически не страдали. Кончался процесс, и на время апелляции они засыпали в своих прозрачных холодных саркофагах. А потом, не просыпаясь, тихо умирали или становились измененными. Без боли, без крови, без страданий. Тихий, спокойный мир. Четкий, понятный мир. Мир порядка и тишины.

Черноволосый раскурил сигару, и, когда ее толстый конец стал ярко тлеть, он осторожно прижал его ко лбу Бермана. Боль была острой и пронзительной, и сквозь нее он почувствовал запах горящего мяса. Своего.

Он дернулся назад, но затылок его уперся в острый металлический предмет.

— Не вздумай стрелять, Фрэнки. Мертвый он нам не нужен. Ах, мистер Берман, какой же вы глупый человек...

Айвэн Берман твердо знал, что сейчас кивнет головой и возьмет ручку. Одно движение — и исчезнет этот кошмар, эта боль, которую он не в силах терпеть. Он сделает это движение, и они убьют Рондола. Охота кончается. Снова черноволосый затягивается сигарой. Кончик тлеет, как алый уголек. Нельзя, больше нельзя терпеть. Не надо смотреть. Надо закрыть глаза. Сейчас он, наверное, уже несет руку с сигарой к нему. На этот раз он не выдержит.

Взрыв. Взрыв боли. Она царапает, сверлит и грызет его. Черноволосый крутит прижатую к коже сигару. Легкое потрескивание. Не может быть, чтобы он чув-

ствовал запах горелого мяса. Не может быть ничего, кроме боли. В мире ничего нет, кроме боли. Мир велик, но боль еще больше. Непонятно, как она умещается в нем. Но мозг работает. Он все понимает. Он больше не может терпеть. Он напрягает все силы, но он привязан к стулу мастерски. Сейчас он кивнет, ему освободят руку, и он напишет шифр. И они убьют Язона. И прекратится боль. И не будет запаха горелого мяса. Боже, как люди ничего не понимают. Какое это счастье, когда нет боли! Все, все отдать, чтобы исчезла эта проклятая, рвущая его боль. Сейчас, наверное, она прекратится. Ведь прошло уже много времени. Не меньше получаса. Каллахэн давно ушел. Зачем же они мучают его. Пусть убьют, но не мучают.

— Вы еще ничего не надумали, мистер Берман? — спросил черноволосый и посмотрел на часы. — Еще десять минут...

Берман застонал. Он хотел застонать, но не мог. Он застонал мысленно. Всего три минуты прошло. Боже правый, зачем он растягивает пытки, ведь все равно он не выдержит. Прости, Язон. Прости. Слабый он человек. Всю жизнь был слабым. Как называла его Мери? Размазня! Размазня!

— Ну, долго еще мы будем играть в кошки-мышки? — спросил черноволосый. — Осталось девять минут.

— Дай-ка я ему тресну разочек...

— Обожди, Фрэнки. От твоей лапы он потеряет сознание. У тебя есть что-нибудь острое?

— Что именно?

— Ну, что-нибудь для ногтей.

— Может быть, перочинный нож? Тут есть маленькое лезвие.

«Боже, боже, боже, боже, — повторял Берман, — я не хочу, чтобы они втыкали мне лезвие ножа под ногти. Дай мне силы кивнуть и написать им этот проклятый шифр. Боже, почему у меня нет сил кивнуть им? Это же

так легко — кивнуть. Сколько раз я кивал головой за жизнь? Сто тысяч раз. Миллион раз. Боже, дай мне сил кивнуть и написать им шестизначное число. Девятьсот восемьдесят четыре сто пятнадцать».

Он почувствовал, как они схватили его левую руку. Нет, никогда он не переживет этого. Он попытался кивнуть, но не мог. Паралич, вот в чем дело — паралич. Он не может кивнуть головой. Да развяжите же, я вам все скажу. Он попытался выдернуть левую руку, но не мог.

— Фрэнки, держи его крепче, видишь, как он дергается, гнида.

Нет, нет, нет. Такой боли быть не может. Он кричал, но крик не выходил из него. Крик бился в нем, смешиваясь с чудовищной болью. Он пытался упасть на бок, вырвать руку, но они словно зажали его в тиски. И вдруг в кипящем хаосе боли и скованного крика в нем родилось еще одно чувство. Ненависть. Она росла быстро, как облако после взрыва, заполняла его целиком. И странное дело, чем больше становилось это облако, тем тверже он знал, что не мог кивнуть не из-за паралича. Он не хотел кивнуть. Не кивнет он им. Он не хотел, чтобы они убили Язона. Он снова дернулся, пытаясь разорвать путы, вырваться из тисков. Удар. Что-то обрушилось на его лицо. Он начал проваливаться куда-то во мрак. Мрак был мягок и приветлив, потому что он уводил от боли.

— Я же тебе говорил, Фрэнки, — раздраженно сказал черноволосый, — чтобы ты не вздумал треснуть эту сволочь. Жди, пока он теперь очухается. — Он посмотрел на часы. — Да и ждать-то уж некогда. Две минуты осталось.

— Может быть, он все-таки придет в себя, мистер Фалькони?

Раздался пронзительный звонок. Кто-то звонил в квартиру. Они замерли. Еще один звонок. И еще один. Сквозь дверь донесся голос:

— Мистер Берман, вы же забыли оставить мне ключи... Если вы в ванной, я приду через пять минут.

— Надо уходить. — Фрэнки вытащил пистолет.

— Не нужно.

— Почему?

— Ну, пуля, и все такое. Стукни ему лучше рукояткой как следует, если эта вошь еще жива.

Фрэнк взял пистолет за дуло и изо всех сил ударил рукояткой Бермана по голове.

— Пошли...

— Кто бы мог подумать... — пробормотал Фалькони, глядя на Бермана.

— Что «подумать»?

— Такой слабак на вид и не сказал...

— Ну, это бывает, — усмехнулся Фрэнк. — Иной на вид герой, а сунешь ему пистолет в морду, он и раскатывается. А другой вроде этого, — он кивнул на Бермана, — того и гляди рассыплется, а... Тут не угадаешь...

— Пошли, пошли... Разговорился.

* * *

Чак позвонил и стал ждать. Нажал на кнопку звонка еще раз. Может быть, звонок не работает? Нет, слышно, как он дребезжит в квартире. Может быть, он ушел? Да нет, он бы спустился в гараж за машиной. Да и свет в квартире горит. На лестничной клетке было темно, и видна была светлая желтая полоска над дверью. Странно. Он же видел своими глазами, как они все трое — мистер Берман и двое джентльменов, которые спрашивали его, — шли к лифту.

А может быть, ему стало плохо? Чак относился к Айвэну Берману со снисхождением пятнадцатилетнего человека, умеющего отрегулировать тормоза у машины, к пятидесятилетнему, не умеющему этого делать. Но старик он был в глазах Чака неплохой, потому что платил

ему по два НД за мойку машины. И спрашивал у него каждый раз, как идут дела.

Чак представил себе, как он лежит сейчас на полу, держась за сердце, а он стоит у двери и раздумывает, что делать. Он спустился в гараж и позвонил в полицию.

Полицейские приехали через четверть часа.

— А ты не выдумываешь? — спросил один из них.

— Ну вот еще, — обиделся Чак, — что я, ребенок?

— Ну ладно, но смотри, если ты нас надул! Давай зови управляющего, привратника, кто у вас тут есть.

Чак помчался за мистером Снайдемом. Тот сначала не хотел его и слушать, но, когда Чак сказал «полиция», мистер Снайдем пожал плечами, надел пиджак и поплелся за ним.

— У вас есть ключи? — спросил один из полицейских.

— Да, — кивнул управляющий. — Вот они.

Они открыли дверь и прошли в комнату.

— Вот тебе и сердечный удар. Удар по голове, — сказал один из полицейских.

Мистер Берман сидел на стуле, уронив голову, по лицу от виска вниз прошли две тоненькие дорожки. Почти черные. Но там, где дорожки касались полотенца, пятна были красные.

Полицейский приложил ухо к груди, послушал.

— Как будто жив еще, но не очень. — Он повернулся к товарищу: — Вызывай «скорую помощь», а я пока развяжу его.

* * *

— Добрый день, миссис Каллахэн, — сказал Фалькони, — ваш супруг уже вернулся?

— Нет еще, но я думаю, он будет с минуты на минуту. Заходите, заходите...

— С вашего разрешения мы подождем его. Это мой коллега Фрэнк. Фрэнк, это миссис Каллахэн.

— Очень приятно.

— Садитесь, муж сейчас будет.

— Вы не будете возражать, если я закурю? А то, знаете, некоторые женщины...

— Курите, пожалуйста, о чем вы говорите.

— А где ваш симпатичный сынишка?

— Пошел погулять с собакой. Мы, конечно, обожаем пса, но, боже мой, сколько хлопот, вы даже себе не представляете. У вас есть собака, мистер?..

— О, простите, я думал, ваш супруг назвал мою фамилию. Фалькони. Джек Фалькони. А вот кто-то идет из ваших.

Миссис Каллахэн пошла к двери. Уже когда она поцеловала мужа, она заметила, что лицо его странно напряжено.

— А у нас гости. Твой друг мистер Фалькони с приятелем. Что с тобой? — Она понизила голос. — Ты недоволен?

Каллахэн ничего не ответил, и они вошли в комнату.

— Привет, — улыбнулся Фалькони. — Миссис Каллахэн, вы не будете возражать, если мы с вашим супругом на секундочку уединимся?

Он мягко потянул Каллахэна за рукав, как ребенка, и тот покорно пошел за ним.

— Где деньги? — спросил Фалькони, как только закрыл за собой дверь.

— Деньги? — тупо переспросил Каллахэн.

— Да, деньги. Десять тысяч, которые я оставил вчера.

— А... Я их... Я сделаю, я все сделаю, что вы скажете... Я же не виноват, что эта сволочь изменила шифр.

— Вы виноваты, Каллахэн, — холодно сказал Фалькони. — Вы трусливая, трясушаяся баба. Немудрено, что Берман почуял неладное. Даже ребенок сделал бы то же самое, поглядев на вас.

— Я...

— Давайте деньги.

Фалькони достал пистолёт и выразительно показал его Каллахэну. Тот приподнял матрац и вытащил из-под него обе пачки. Бумажные ленточки на них были целы. Фалькони засунул их себе в карманы. Каллахэн не сводил с денег глаз и не сразу заметил, что Фалькони поднял пистолет. Он не успел испугаться, потому что хлопнул негромкий, смягченный глушителем выстрел, и он упал на кровать.

— Что случилось? — слышался крик миссис Каллахэн.

Она распахнула дверь и увидела лежащего мужа. Она метнулась к Фалькони, но он выстрелил почти в упор. Он глубоко вздохнул и вышел в гостиную.

— Пошли? — спросил Фрэнк.

— Нет, надо подождать мальчишку. Он же меня видел вчера...

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

СУД

ГЛАВА 1

Вторые сутки я ломаю себе голову. Что же все-таки произошло? Ничто так не способствует развитию наблюдательности и способности к логическим умонастроениям, как одиночная камера.

Я сижу в своей маленькой, уютной одиночной камере в 1-й городской тюрьме и думаю. И ничего не могу понять. Я не могу понять, например, почему вчера кто-то подошел к двери камеры, покрутил диск замка и ушел. Никто не вошел, меня никто не звал, не приглашал на очередной допрос. Это странность номер один. Диск замка служит для его открытия. Не развлекается же дежурный тем, что ходит и крутит диски. Раз диск крутили, значит, дверь должны были открыть. И не открыли. Почему?

Вчера же, но немного позже, я снова слышал характерный звук вращения диска. Причем несколько раз подряд. Потом кто-то стучал в дверь. Я подскочил к ней, толкнул — дверь была заперта. Это странность номер два. Совсем большая странность. Стучать в дверь камеры, да не просто стучать, а колотить в нее кулаками, колотить снаружи — согласитесь, это случается в хорошей тюрьме не каждый день. Колотить в дверь изнутри — это нормально. Но снаружи...

Но и это еще не все. Ни вчера, ни сегодня меня не вызывали к следователю, хотя следствие явно не закончено. Меня не выводили на прогулку, хотя до этого я маршировал по тюремному дворику ежедневно, хотел я этого или нет. И наконец, последнее. Сегодня ко мне не пришел Айвэн. Если бы он просто не зашел ко мне в какой-то день, я бы не придал этому значения. В конце концов, у него в тюрьме могут найтись и другие заботы, кроме посещения приятелей по рыбалке. Но когда он был у меня вчера, я вдруг почувствовал, как мое сердце потянулось к нему. Никогда не думал, что нас связы-

вает что-то большее, чем наше озеро. Да и он, если не ошибаюсь, принял мои невзгоды очень близко к сердцу. Добрый старый Айвэн...

Так что же все-таки произошло? Я строил самые невероятные предположения, но тут же отбрасывал их. Они не выдерживали ни малейшей критики.

Звякнул сигнал раздатчика. Где-то заработал мотор. Зашелестела лента транспортера, и из окошка на меня посмотрел обед. Тридцать секунд — вполне достаточный срок, чтобы вынуть из ниши раздатчика три тарелки. Но я, должно быть, так задумался, что успел взять только одну тарелку с супом. Остальные поехали дальше. Бог с ними. Не так уж много калорий мне здесь нужно. К тому же на пустой живот думается лучше. И стало быть, у меня появились шансы, что что-нибудь я в конце концов придумаю.

Но я так и не придумал. Если бы меня держали неделю на воде, я бы тоже не придумал. Покушение в тюрьме? Маловероятно. И в чем оно выражалось? В возне с диском замка? Хорошо, допустим даже это. Но почему меня не вызывают на допрос?

С этим вопросом я и заснул. Увы, я уже не помню, сколько раз за последние недели я ложился спать с вопросами и просыпался с вопросами. Целый выводок вопросительных знаков — от солидных, респектабельных вопросов до маленьких шустрых вопросиков...

На следующий день у дверей моей камеры возня продолжалась часа полтора. Крутили диск, уходили, приходили, захлебывалось визгом сверло, изнемогая в схватке с металлом. Наконец дверь открылась, и меня повели на допрос. Наверное, испортился замок. Все объяснилось настолько просто, что мне стало даже обидно. Только и всего.

Следователь задавал вопросы, которые должен был задать. Я давал ответы, которые должен был дать.

Я просто отрицал все, что мог отрицать. Я ничего не объяснял. Мне нужен был суд.

У следователя было выражение лица ребенка, которому сначала показали игрушку и тут же отняли ее. Мне показалось, что вот-вот он заплачет.

— Мистер Рондол, — обиженно сказал он, — ваше заpiresательство бессмысленно. Вы же интеллигентный человек. Вы адвокат. Вы говорите: нет, нет, нет, а факты кричат: да, да, да. Где логика, где смысл?

Я вздохнул и пожал плечами.

— Увы, я ничем не могу помочь вам.

Когда допрос был закончен, я спросил следователя:

— Как поживает мой друг мистер Берман?

Следователь замер на мгновение и посмотрел на меня.

— Он в больнице. А почему вы спрашиваете?

— Почему я спрашиваю? Может быть, нельзя говорить, что он мой друг? Но почему же? Я знаком с Айвэном много лет. Я сижу в тюрьме, где он работает. Могу я спросить, что с ним?

— Да, конечно, конечно, — кивнул следователь. — Его, очевидно, пытались ограбить. Его ранили. Состояние тяжелое, но он жив.

Ограбить. Ранили. Ограбить Айвэна Бермана! Похитить сто футов лески! И крючки! Бедный Айвэн!

Следователь пылливо смотрел на меня и молчал. Он ждал, что я скажу. Он тоже, наверное, не очень верит, что его пытались ограбить. Но я ничего не скажу. Я не знаю, кто этот следователь. Кто ему платит и кто доплачивает. Я уже не верю никому. Передо мной расстилается гигантская панорама, где все персонажи — марionетки. А ниточки идут наверх. Не к господу богу, не к властям, а выше. Туда, где витает дух хозяина профессора Ламонта. Хозяина или хозяев. Тех, кто обеспечивает плавное движение нашей системе. Тех, кто следит за тем, чтобы деньги были всесильными. Чтобы че-

ловек с деньгами мог купить все. Даже судьбу другого человека...

— Если вам доведется увидеть мистера Бермана, передайте привет от меня, — сказал я.

Бедный старый Айвэн... Зачем он им понадобился?

* * *

Знакомая комната. Все тот же судья-контролер Ивама со своим вечно удивленным выражением лица и кустиками седых волос, торчащими из ушей. И даже тот же обвинитель, что был на процессе Гереро. Анатолий Магнусон бросил на меня быстрый взгляд и едва заметно пожал плечами. Что я могу сделать? — хочет сказать он. Так уж все получается. Ему немножко даже неловко. Мы знакомы столько лет, стояли по разные стороны барьера, но после процессов часто выходили вместе и выпивали вместе рюмочку-другую в баре, что напротив городского суда. А сегодня он должен обвинять меня. Но, что поделаешь, от суммы и от тюрьмы...

Те же машины с зажженными сигналами включения. Та же публика. Нет, это я уже ради красот стиля. Публика не та же. Тим Тивертон из «Шервуд икзэминер». Рядом два человека с блокнотами и карандашами. Ах да, судья-контролер ведь запретил вносить в зал фото- и кинокамеры, и газета прислала художников. А вот еще элегантные молодые люди поглядывают на меня и делают какие-то наброски. Я их не знаю. Наверное, из «Геральда». Вот ты и дожил, Язон Рондол, до своего звездного часа. Сладкое время славы. Адвокат-убийца. Роли меняются. Защитник на скамье подсудимых.

А вон Гизела. О, сегодня она успела накраситься дома и выглядит просто отлично. И костюм новый, которого я еще не видел. Гладкий, светло-серый: что ж, ей идет. Господи, как печально она смотрит на меня. В сущности, она прекрасная девушка. Просто замеча-

тельная девушка. Хотя и опаздывает регулярно на пятнадцать минут. Интересно, а если договориться с ней, чтобы она начинала свой рабочий день на четверть часа позже, будет ли она и тогда опаздывать? Наверное, будет. Есть вещи, которые сильнее людей.

Кончились формальности, кончилось чтение обвинительного заключения, бумаги скормлены машинам.

— Ваши свидетели, мистер Магнусон? — кивнул судья-контролер.

— Обвинение вызывает патрульного полицейского второго класса полиции Джоллы Вашингтона Смита.

Знакомое лицо. Давненько мы не виделись.

— Ваше имя?

— Вашингтон Смит.

— Положите правую руку вниз на регистрационную машину.

На табло вспыхнуло его имя и личный номер.

— Где вы работаете, мистер Смит?

— Полиция Джоллы. Патрульный полицейский второго класса. Я всегда...

— Отвечать только на вопросы.

— Слушаюсь, сэр.

— Где вы были в ночь на двадцать пятое октября?

— Я ехал вместе со своим напарником, Теренсом Брэндом, в патрульной машине, сэр. Часа примерно в три мы получили по радио сообщение из полиции Джоллы, что на второй дороге замечен труп, в кювете лежит машина. Мы поехали туда.

— Куда именно?

— Я уже сказал, сэр, на вторую дорогу.

— Вторая дорога, если не ошибаюсь, тянется от Джоллы до Бистера. Хотя это местная дорога, ее протяженность восемьдесят семь миль.

Ах, Магнусон, Магнусон, все тот же Магнусон. Любит щегольнуть эрудицией и памятью. И показать свою объективность.

— А, понимаю, сэр. Конечно, сэр. По радио нам сказали, что машина замечена проезжим приблизительно в районе восемьдесят второй мили.

— Хорошо, продолжайте, мистер Смит.

— Мы направились туда и действительно вскоре заметили лежавшую в кювете машину. Она лежала на боку. Машина была пуста.

— Что вы сделали?

— Мы вызвали по радио подъемный кран, сказали, где точно машина, а сами начали искать труп. Мы нашли его довольно быстро. Мой напарник, у него зрение...

— Нас не интересует зрение вашего напарника. Продолжайте.

— Слушаюсь, сэр. Мой напарник заметил ноги...

— Почему ноги?

— Я не знаю, сэр, почему человек лежал головой на обочине, а ногами на самой дороге, — язвительно сказал Смит.

Молодец, Смит, и прокуроры время от времени нуждаются в небольших уроках. Магнусон едва заметно улыбнулся. Он умел, как говорят боксеры, держать удар.

— Хорошо, мистер Смит, продолжайте. Что вы сделали, когда нашли труп?

— Я наклонился над телом и взял его руку. Пульс не прощупывался. Мы снова вызвали полицию, дали им свои координаты и стали ждать оперативную бригаду. Они приехали очень быстро.

— Как быстро?

— Я не засекал время, сэр...

— Мистер Смит, я был бы вам очень благодарен, если бы вы воздержались от своих в высшей степени остроумных замечаний, — сказал Магнусон.

Молодец Магнусон. Как это было сказано! Сколько сдержанного достоинства, сколько скромности. Нет, не свою честь оберегал он, а честь суда.

Бедняга Смит покраснел. На щеках у него показались желваки. Покатались и остановились. Суд есть суд.

— Слушаюсь, сэр. Я точно не заметил, но мы были примерно в пяти милях от Джоллы, и бригада приехала минут через десять.

— Хорошо. Что вы делали потом?

— Мы посмотрели, как работала бригада. Ну, снимали, как лежит труп и тому подобное. Потом они уехали и увезли тело. Мы продолжали патрулировать вторую дорогу.

Меня так и подмывало спросить и то, и другое, и третье. Всегда ли, например, кто-нибудь патрулирует маленькую, второстепенную дорогу по ночам. Но терпение.

— ...Когда уже начинало светать, мы получили еще одно сообщение из Джоллы. Сержант Лепски сказал, чтобы мы были особенно внимательными. Если мы увидим высокого человека шести футов двух дюймов, шатена, мы должны арестовать его по подозрению в убийстве. Имя — Язон Рондол.

— Хорошо, мистер Смит, продолжайте ваши показания.

— Спустя примерно час, когда было уже совсем светло, мы заметили человека...

— Что значит «мы»? Вы заметили человека?

— Да, сэр. Я заметил человека, который вышел на дорогу. Я сразу обратил внимание, что он высокого роста. Я начал думать, как нам лучше действовать, но человек неожиданно поднял руку. Мы остановились, и я вышел из машины. «Если человек вышел на шоссе, — подумал я, — да еще поднял руку, останавливая полицейскую машину...»

— Почему вы уверены, что этот человек мог различить, полицейская перед ним машина или нет?

— Во-первых, сэр, цвет машины. Было уже довольно

светло. Во-вторых, маячок на крыше не был выключен, и не заметить его мог только слепой.

— Хорошо, продолжайте.

— Я вышел из машины. Человек подошел, достал из кармана пистолет и протянул нам. При этом он сказал, что его зовут Рондол. Язон Рондол. Я надел на него наручники, и мы сообщили в Джоллу, что преступник сдался. Капитан Мэннинг приказал нам не ехать в Джоллу, а ждать их на дороге. Вскоре приехали капитан Мэннинг и сержант Лепски. Они взяли Рондола в свою машину. Мы думали...

— Суд не интересуется, что вы думали, мистер Смит. Придерживайтесь только фактов.

Если бы вместо глаз у Смита были лазеры, он давно бы испепелил Магнусона. Бедняга не понимал все это шаманство, великий ритуал судебных условностей. Что он свидетель обвинения, что говорит он все то, что от него ожидают, и что Магнусон вовсе не хочет его оскорбить.

— Слушаюсь, сэр. Сначала в машине капитана был сам капитан, Рондол и сержант Лепски. Потом сержант пересел в нашу машину, и мы поехали вперед.

— Благодарю вас, мистер Смит. Вы нам понадобится еще раз, несколько позже, а сейчас я предоставляю свидетеля защите.

Поскольку я отказался от защитника, защита — это я. Нет, еще рано.

— Защита, свидетель в вашем распоряжении, — сказал судья-контролер.

— У защиты нет вопросов к свидетелю.

— Хорошо. Мистер Магнусон, продолжайте.

— Обвинение вызывает эксперта полиции Джоллы Линдли Линмаута.

У эксперта была такая же аристократическая внешность, как его имя: длинное, лошадиное лицо с крупными желтыми зубами, мутноватый взгляд.

— Ваше имя? — спросил Магнусон.

— Линдли Линмаут.

— Положите правую руку ладонью вниз на регистрационную машину.

Хотя я уже знал, что Линдли Линмаут не ржет, а говорит человеческим голосом, мне подумалось, что вдруг машина сейчас сообщит: Линдли Линмаут, жеребец пяти лет...

— Где вы работаете и ваша должность?

— Полицейское управление Джоллы. Эксперт технического отдела.

— Где вы были в ночь на двадцать пятое октября этого года?

— Я спал, с вашего разрешения, у себя дома. Ночью меня разбудил звонок из полиции. Я быстро оделся и явился туда. В управление только что доставили машину. На переднем сиденье, спинке переднего сиденья и ковриках были следы крови...

— Вы исследовали эти следы?

— Нет, я занялся рулем и ручками машины. Капитан Мэннинг просил меня поторопиться. К счастью, отпечатки были довольно четкими. Я применил обычную процедуру номер семь-два, состоящую из...

— Опустите технические детали, мистер Линмаут. Нас интересует только суть дела.

— Как я сказал, отпечатки были довольно четкими. Они принадлежали двум людям. Мы наложили их на регистрационную машину. Одни принадлежали покойному владельцу машины коммивояжеру Стефану Расковски. Регистрационная карточка его машины была на месте, и ее данные и данные, сообщенные регистрационной машиной, сошлись. Другой набор отпечатков принадлежал адвокату из Шервуда Язону Рондолу. Я тут же сообщил об этом капитану Мэннингу.

Неплохо, неплохо, подумал я отрешенно, словно оценивал детективный роман. Пока все у них идет на выс-

шем уровне. Щели все законопачены так плотно, что их корабль не только на плаву, в трюме абсолютно сухо. Отличная работа. Я узнавал руку метра. Профессор Ламонт учил меня: будьте всегда адвокатом дьявола, Рондол. Я не знал, что такое адвокат дьявола, и он объяснил мне. Оказывается, католическая церковь, прежде чем причислить кого-нибудь к лику святых, назначает самое тщательное расследование жития кандидата, и специально выделенное лицо подвергает сомнению все заслуги потенциального святого. Он-то и есть адвокат дьявола. Так сказать, профессиональный скептик.

Пока что Ламонт выполнял роль адвоката дьявола неплохо, совсем неплохо. Конечно, можно было бы погонять Смита и узнать, всегда ли на второй дороге по ночам патрулируют машины. Но все это слабо, совсем слабо.

— Вы проделывали еще какие-нибудь анализы по делу Рондола? — спросил Магнусон свидетеля.

— Да. Вскоре мне принесли пистолет, также найденный на обочине второй дороги. Кольт тридцать восьмого калибра. Я снял с него отпечатки. Рукоятка была протерта, но торопливо, очевидно. Во всяком случае, мне удалось получить два отпечатка. Они оказались идентичными отпечаткам Рондола на руле.

— Вы исследовали пулю, извлеченную из тела убитого?

— Да, в тот же день. Я сравнил эту пулю с пулей, которую мы получили, произведя выстрел из кольта. Микроскопический анализ установил, что обе пули были выстрелены из одного пистолета. Вот увеличенные снимки этих пуль.

— Ваша честь, — сказал Магнусон, обращаясь к судье-контролеру, — обвинение просит зарегистрировать в качестве вещественных доказательств пистолет кольт тридцать восьмого калибра, пули номер один и два, увеличенное сравнительное фото этих пуль.

— Хорошо. Вы закончили с вашим свидетелем, мистер Магнусон?

— Да, ваша честь.

— Мистер Рондол, задавайте вопросы свидетелю.

— Мистер Линмаут, вы, надеюсь, установили по номеру пистолета, кому он принадлежит? — спросил я.

Вряд ли я что-нибудь мог добиться этим вопросом, но мое слишком продолжительное молчание могло показаться им подозрительным. Не следовало настораживать их раньше времени.

— Нет.

— Почему же?

— Потому что номер был тщательно спилен.

— Скажите, мистер Линмаут, легко ли спилить номер?

Эксперт показал мне свои лошадиные желтые зубы. Может быть, он хотел испугать меня ими?

— Все зависит от того, что вы подразумеваете под словом «легко».

Ай да лошадь! Осторожное животное, ничего не скажешь.

— Но все-таки? С точки зрения обычного человека, не оружейного мастера и не руководителя металлургической лаборатории. Вы понимаете меня?

— Да, вполне. — Он пожал плечами. — Спилить серийный номер — операция довольно трудоемкая, поскольку металл, идущий на изготовление оружия, обладает высокой прочностью и твердостью.

— Благодарю вас. А теперь скажите, мистер Линмаут, какие качества, по-вашему, нужны человеку, который спиливает номер на пистолете?

— Качества? Простите, я не...

— Ну, представьте себе человека, который проделывает эту операцию со своим пистолетом. Каков он? Я, разумеется, имею в виду не цвет глаз, а черты характера. Понимаете меня?

— Да, мистер Рондол.

— Прошу прощения, ваша честь, — обратился Магнусон к судье, — обвинение считает вопрос не относящимся к обсуждаемому делу.

— Мистер Рондол?

— Защита намеревается показать, что вопрос вполне уместен.

Я поймал себя на том, что употребляю слово «защита» как когда-то, когда я действительно кого-то защищал. Впрочем, у меня никогда не было такого покладистого клиента, как сейчас. Я, преступник, не спорил со мной, защитником. Полная гармония.

— Хорошо, — кивнул судья-контролер, — свидетель может отвечать.

Линмаут пожал плечами, посмотрел на прокурора и вздохнул.

— Что ж, — сказал он, — наверное, у такого человека есть терпение... Ну, настойчивость...

— Еще, мистер Линмаут?

Свидетель наморщил лоб, отчего лицо его стало чуть-чуть походить на человеческое, поскольку лошади, насколько я знаю, лоб не морщат.

— Хорошо, позвольте мне поставить вопрос несколько иначе. Для чего вообще спиливается номер?

— Для того, чтобы по номеру оружия нельзя было найти его владельца.

— Отлично. Можно ли назвать этот акт поступком предусмотрительным? С точки зрения преступника, разумеется.

— Да, наверное.

— Прекрасно. Если у человека хватает предусмотрительности спилить номер на пистолете, как, по-вашему, хватит ли у него предусмотрительности либо надеть перчатки, либо как следует стереть с оружия свои отпечатки пальцев?

— Ваша честь, — снова вмешался Магнусон, — об-

винение считает этот вопрос спекулятивным. Мы пытаемся выяснить факты, а не занимаемся построением психологических гипотез.

— Возражение принято, — сказал судья-контролер и посмотрел на главную судебскую машину. Если машина посчитала бы решение судьи ошибочным, на табло заморгала бы красная лампочка.

— Мистер Линмаут, где именно был найден кольт, из которого был убит мистер Расковский?

— Я не могу ответить. Мне об этом не сообщили. Передали пистолет, и все.

— Благодарю вас, — сказал я, — больше вопросов у защиты нет.

Магнусон бросил на меня быстрый взгляд. «Я тебя понимаю, — говорил взгляд, — что еще тебе остается делать? Я бы на твоём месте тоже цеплялся не то что за соломинку, за паутинку бы ухватился. Что делать, что делать, каждому свое».

— Обвинение вызывает врача полицейского управления Джоллы мистера Постелвейта.

Врач оказался настолько бесцветной личностью, что у меня было впечатление, будто сквозь него можно свободно смотреть. Он есть, и его нет. Удивительно, что регистрационная машина все-таки среагировала на его руку. И голос его был под стать внешности — никакой. Так, легкое сотрясение воздуха.

— Скажите, мистер Постелвейт, что показало вскрытие убитого? — спросил Магнусон. Он тоже недоверчиво поглядел на врача, стараясь убедиться, что тот не исчезнет на его глазах. — Только, пожалуйста, без медицинских терминов и излишних для суда подробностей. Вы меня понимаете?

— Не совсем. Дело в том, что пуля, войдя в тело, не консультировалась со мной, какой путь ей выбрать, поэтому...

— Мистер Постелвейт, — Магнусон изумленно по-

смотрел на него, — я не ожидал от представителя вашей профессии такой игривости тона. Отвечайте на мой вопрос!

Ай да сгущение воздуха, ай да безликий доктор!

— Пуля попала между... простите, я забыл, что нельзя пользоваться терминами. Ну, скажем, в спину.

— Стреляли спереди или сзади?

— Безусловно, сзади. Входное отверстие на спине.

— С какого расстояния стреляли?

— Почти вплотную, семь-десять дюймов, не более.

— Что послужило непосредственной причиной смерти?

— Пуля прошла через сердце, смерть была мгновенной.

— У обвинения больше вопросов к свидетелю нет. Судья-контролер кивнул мне.

— Можете допросить свидетеля.

— Благодарю, ваша честь, у защиты вопросов к свидетелю нет.

Магнусон снова вызвал Смита. Он следовал хронологии событий. Теперь он попросил полицейского рассказать, как нашли капитана Мэннинга.

— Я сначала поехал из Джоллы. Проехал миль десять — машины капитана не видно. Я тогда связался с сержантом, и он тут же приехал. Мы начали возвращаться и все время следили за левой стороной дороги.

— Почему именно за левой?

— Потому что слева лес, да и кювет слева не такой глубокий.

— Хорошо, продолжайте.

— Ну, вскоре я заметил следы шин на обочине. Мы остановили машину и пошли в лес. Ярдов через двести мы увидели машину капитана. Она буквально стояла в кустах. Мы подошли к машине. Сержант пытался открыть двери, но они были заперты.

— Но сначала вы ведь заглянули в машину?

— Да, сержант посмотрел в окно первый. Тут и я заглянул. В машине был только капитан Мэннинг.

— Почему же он вам не открыл двери? Ведь изнутри, по-моему, дверь всегда можно открыть?

— Да, но капитан не мог нам открыть, потому что на его руках были браслеты и он был прикован к рулю. Цепочка охватывала спицу руля.

В зале впервые с начала суда послышался легкий смехок.

— Как же вы открыли машину?

— Сержант выбил стекло.

— В каком состоянии был капитан?

— Я не доктор, но я заметил, что вся правая сторона лица у него была разбита.

— Что сказал вам капитан?

— Что арестованный сбежал.

— У меня все, ваша честь, — сказал Магнусон.

— Ваши вопросы, мистер Рондол.

— Благодарю вас, ваша честь. Мистер Смит, — я повернулся к полицейскому, — в своем первом показании вы говорили, что капитан Мэннинг приказал вам по радио ждать его на дороге.

— Да.

— А разве два полицейских не могли доставить одного безоружного человека, да еще в наручниках?

— Наверное, могли.

— А если без «наверное»?

Смит пожал плечами и покосился на обвинителя, но тот смотрел прямо перед собой и, казалось, мало интересовался происходящим.

— Могли.

— Хорошо. Значит, требование капитана не ехать в Джоллу с арестованным и ждать его прямо на дороге можно считать необычным? Так ведь?

— Да, пожалуй.

— А без «пожалуй», мистер Смит?

— Да.

— А как вы объясните такое требование начальника полиции?

— Я не могу объяснять поступки своего начальника, мистер Рондол. Спросите капитана Мэннинга.

— С удовольствием. Когда до него дойдет очередь. Но все же, мистер Смит, вы опытный полицейский, вы не автомат. Как, по-вашему, почему капитан Мэннинг не разрешил вам доставить арестованного, то есть меня, в Джоллу?

Он был неглупым человеком, этот Смит. Он чувствовал, куда я клоню. Мало того, я готов был поклясться, что он все прекрасно понимал. Он снова посмотрел на Магнусона, ожидая от него помощи, но что мог сделать обвинитель, если вопрос вполне корректен?

— Лишняя мера предосторожности. Очевидно, капитан Мэннинг считал, что будет спокойнее, если такого преступника доставит в Джоллу он сам.

— Понимаю, мистер Смит, понимаю. Преступник действительно опасный...

— Защита, — прервал меня судья-контролер, — воздерживайтесь, пожалуйста, от неумеренной иронии. Здесь суд, а не... — он замялся, подыскивая сравнение, — ...ночной клуб.

Наверное, бедный Ивама был в ночном клубе так давно, что имел о нем самые смутные представления. Остроумие в ночном клубе? А может, он был последний раз в ночном клубе еще в прошлом столетии?

— Хорошо, ваша честь. — Я покорно наклонил голову. — Итак, мистер Смит, мы остановились на том, что капитан хотел принять все возможные меры предосторожности. Так?

— Да.

— Когда он приехал к вам, он приказал, чтобы преступника пересадили в его машину. Так?

— Мы уже говорили об этом.

— Я не спрашиваю вас, о чем мы говорили или нет. Потрудитесь отвечать на вопросы, мистер Смит. Задержанного посадили в его машину. Так?

Судя по тому, как он на меня посмотрел, мы вряд ли когда-нибудь с ним подружимся. Что делать, жизнь надо воспринимать такой, какая она есть.

— Да, — буркнул Смит.

— Скажите, — продолжал я, — сколько обычно находится в полицейской машине сотрудников, когда транспортируется человек, подозреваемый в убийстве?

Магнусон начал ерзать на своем месте. Нет, опасности он еще не чувствовал — он не мог ее чувствовать, — но ему явно не нравилась моя линия. Он прекрасно понимал, куда я гну.

— Обычно три, с водителем. В крайнем случае, два...

Теперь уже не только Смит и Магнусон понимали мою тактику. Похоже было, что и в зале многие догадывались, каков будет мой следующий вопрос. Во всяком случае, тишина была необычной.

— Почему же в таком случае капитан Мэннинг приказал сержанту ехать с вами?

Смит стоял в углу, отбиваясь от нападающего противника. За ним родное полицейское управление, героический капитан с разбитой физиономией и шансы на продвижение. Перед — назойливый негодяй, который загнал его сюда своими гнусными вопросами. Господи, кому нужен этот суд, эта дурацкая комедия? Рывкнуть бы сейчас на этого адвокатишку: руки вверх! Врезать бы по физиономии — он бы знал, как крючкотворствовать, как выкручивать наизнанку слова честных людей...

Я улыбался. Я догадывался, о чем думал сейчас храбрый мистер Смит.

— Я жду ответа, — деликатно напомнил я о себе.

— Не знаю, — угрюмо сказал полицейский. — Спросите самого капитана.

— Благодарю вас за совет, Смит, — важно сказал

я, — я обязательно им воспользуюсь. Ваша честь, — повернулся я к судье-контролеру, — у защиты больше вопросов нет.

— Хорошо. Мистер Магнусон, у вас есть еще свидетели?

— Нет, ваша честь. У обвинения больше свидетелей нет. Я думаю, — едва улыбнулся он, — нам больше и не надо.

— Сегодняшнее заседание окончено, — сказал судья-контролер. — Если у защиты есть свидетели, то, учитывая несколько необычный характер защиты, она может передать суду их список, дабы суд мог вызвать их на следующее заседание.

— Благодарю вас, ваша честь, — поклонился я и вручил судье-контролеру список моих свидетелей. А что еще делать, если адвоката уводят из зала суда обратно в камеру?

ГЛАВА 2

Снова камера. Милый, родной уголок. Приют одинокой души. Максимальный комфорт, тишина и безопасность. Высшее достижение цивилизации. Если бы не суд, в тюрьму бы стояли очереди.

И все же мне грустно. Печаль сжимает сердце, выхаживает грудную клетку. Почему? Разве суд идет не так, как я предполагал? Разве я не перейду завтра в наступление? Разве нет у меня резервов для решающей схватки?

Это все были пустые слова. Я знал, почему в горле стоит комок. Я знал это весь день и гнал от себя ответ. Мне не нужен был ответ, я не хотел его, но он все лез и лез в мозг, настойчиво и бесстрашно, как голодное животное к пище.

Где-то в самой глубине моей души, на самом ее илистом дне жила надежда, что Одри все-таки придет.

Надежда — удивительное существо. Она может жить там, где жить не должна. Одри не должна была прийти. Она не должна была прийти к человеку, который покушался на жизнь ее отца, человеку, который обокрал его, бежал среди ночи и, обезумев, убил по дороге человека и пытался убить другого. Так должна была видеть меня Одри. Так я выглядел со стороны. Ей должно быть стыдно сейчас. Нет, не за меня. За убийцу никогда не бывает стыдно. Он ниже или выше стыда. Ей стыдно, наверное, за себя. За прикосновение ее руки к моей щеке, за октябрьские звезды, за доверие. Ничто ведь не вызывает такой стыд, как слепое доверие к человеку, которому не следовало доверять. И доверяться.

И, несмотря на все это, у меня тлела надежда, что она придет. Нет, не целая надежда, не полнадежды и не четвертушка. Крохотная, микроскопическая частичка, которую не могли убить ни факты, ни разум, ни логика. Но она не пришла. Одри, Одри, странные, напряженно-неподвижные глаза, которые впивались тогда в меня, буравили, стремились проникнуть внутрь, чтобы узнать. Что узнать?

Одри, Одри, почему прикосновение ее узкой руки к щеке наполнило меня тогда такой печалью? Потому что я уже тогда знал, что мы обречены? Что мы стоим по разные стороны барьера? Она не пришла. Чудес не бывает. Наш век развеял веру в чудеса. Чтобы верить в чудеса, нужно хотя бы хотеть верить, а мы отвыкли даже хотеть. Мы знаем, что нам все объяснят, зачем нам верить и зачем нам чудеса?

Гереро верил в чудо. До последней секунды. И он не ошибся. Если все будет так, как я задумал, послезавтра я смогу подать апелляцию. В последний день. О, он быстро обретет свою уверенность, Ланс Гереро! И тогда чудо перестанет быть чудом. Таким, как Гереро, чудеса нужны редко.

Он шел ко мне, высокий, уверенный в себе, сильный

и богатый. Я засыпал. Я знал, что засыпаю, потому что Гереро не мог быть здесь. Он лежал сейчас в покрытом инеем прозрачном саркофаге и не мог быть у меня в камере. Но он шел и шел, огромный, неотразимый, бородатый.

— Одри, — сказал я. — Где Одри?

Он засмеялся. Мне было больно слышать его смех. Я казался себе таким маленьким, таким жалким, таким гадким, когда он победоносно громыхал смехом, что я не хотел жить. И тогда, смеясь, он поднял руку к своему лицу и дернул за него. Я вскрикнул, потому что его лица не было. Было мое лицо.

Я знал, что сплю.

* * *

— Защита вызывает своего свидетеля, начальника полиции Джоллы капитана Мэннинга, — сказал я и подумал, что никогда у меня не было свидетеля, который так бы ненавидел меня. Честно говоря, у него были для этого все основания.

Пока капитан называл свое имя и должность и прижимал руку к регистрационной машине, в зале стоял легкий гул. Нечасто защита вызывает свидетеля, который сделает все, чтобы угробить обвиняемого.

Художники из обеих шервудских газет пришли в движение, словно ожившие после зимней спячки животные. Бросая быстрые, цепкие взгляды на капитана Мэннинга, они набрасывали его портреты. Портретов я, разумеется, не видел, но хорошо понимал их, потому что капитан был на редкость живописен. Правая сторона его лица являла собой целую гамму цветов: от светло-желтого до багрово-фиолетового. Правый глаз был почти закрыт и был бы, наверное, вообще не виден, если бы не освещался изнутри ярчайшей и чистейшей ненавистью. Я почувствовал себя даже польщенным. Прият-

но сознавать, что можешь вызывать такие сильные эмоции.

— Капитан Мэннинг, — вежливо сказал я, — из показаний вашего подчиненного мистера Смита я понял, что вы посадили меня в свою машину для обеспечения максимальной безопасности. Согласны ли вы с такой точкой зрения?

Он угрюмо кивнул.

— Капитан Мэннинг, к сожалению, в электронном суде кивки и покачивания головой, равно как разведение руками и пожимание плечами, не считаются ответами на вопрос. Ответьте, пожалуйста, на заданный вам вопрос.

— Да.

— Прекрасно. Далее, из показаний того же Смита защита уяснила, что для обеспечения максимальной безопасности при перевозке преступника в обычной легковой машине нужно как минимум три или два человека. Так ведь?

— Да.

— Почему же, капитан, вы приказали сержанту Лепски поехать обратно в Джоллу не с вами, а в машине Смита?

— Я полагал, что преступник не представляет особой опасности, тем более что он был уже в наручниках.

Гм, интересно. Капитан, оказывается, ожидал эти вопросы. Ну-с, посмотрим, как он будет отвечать дальше.

— Почему же вы в таком случае не разрешили вашим полицейским спокойно привезти его в Джоллу?

— Потому что я хотел воспользоваться его состоянием растерянности. Знаете, сразу после ареста преступник часто бывает растерян, он еще не готов отвечать на вопросы, и в эти минуты он может сказать многое. Все следствие может пойти по-другому, если вовремя допросить арестованного.

Браво, капитан, лучший вариант, который можно было придумать на его месте. От этого удара он ушел, попробуем атаковать с другой стороны.

— Капитан, если не ошибаюсь, вы знали из сообщений Вашингтона Смита по радио, что преступник сам сдался им. Так ли это?

— Не помню точно...

— Позвольте тогда вам напомнить. Во-первых, Вашингтон Смит показал именно это. Ваша честь, — обратился я к судье-контролеру, — могу ли я попросить секретаря-контролера воспроизвести нам соответствующее место из вчерашних показаний свидетеля Смита?

— Пожалуйста.

Секретарь-контролер с полминуты гонял назад и вперед пленку, записанные голоса захлебывались детским возбужденным визгом, пока наконец Смит не произнес: «Я надел на него наручники, и мы сообщили в Джоллу, что преступник сдался».

— Благодарю вас, — сказал я. — Вы слышали, мистер Мэннинг? Кроме того, я сам имел честь слышать, как мистер Смит говорил по радио именно эти слова.

— Возможно, — пробормотал капитан.

— Продолжим. Как вы думаете, если преступник сдался сам, без преследования, является ли это сознательным актом?

— Не знаю, это психология.

— Боже, как, однако, полиция Джоллы боится психологии. Дело не в психологии. Если преступник по своей воле сдался полиции, сдался сам, без преследования, он не был в состоянии аффекта, и вы не рассчитывали, что он вам признается за те несколько минут езды, что отделяли вас от Джоллы.

— А зачем же, интересно, я посадил вас к себе в машину? — спросил меня капитан.

— Хотя сейчас вопросы задаю я, капитан, а не вы, я вам отвечаю. Вы хотели остаться со мной с глазу на

глаз, чтобы не было свидетелей и чтобы вы могли убить меня при так называемой попытке к бегству.

— Я протестую! — крикнул Магнусон, стараясь перекрыть шум, поднявшийся в зале.

Судья-контролер поднял свой молоток.

— Если шум не прекратится, я прикажу очистить зал.

Шум утих.

— Я протестую против этого утверждения защиты как чистой воды спекуляции, не подкрепленной никакими фактами.

— Защита как раз и собирается подтвердить эту, как вы изволили выразиться, спекуляцию фактами! — выкрикнул я.

Не надо было, конечно, выходить из себя, но куда девалось спокойствие Магнусона, когда он почувствовал угрозу. Неважно, что за борт лодки цепляется человек, с которым ты знаком столько лет. Коллега. А ну-ка его веслом по пальцам, чтобы не цеплялся, мерзавец, чтобы не тормозил плавного хода лодки.

— Мистер Рондол, — нахмурился судья-контролер, — будьте любезны не забываться, иначе я вынужден буду лишить вас слова.

— Да, ваша честь, — пробормотал я. — Капитан Мэннинг, чем нанес вам удар в лицо обвиняемый?

Снова в зале поднялся шум, и снова Ивама стучал своим молотком, призывая к тишине и угрожая очистить зал.

— Ногой.

— Прекрасно, капитан. — Снова шум и снова молоток. Чего они смеются? Ах да, наверное, потому, что я сказал «прекрасно». — Арестованный сидел рядом с вами. Это можно считать фактом, поскольку по крайней мере три человека, не считая вас и меня, видели, как я сел рядом с вами. Как могло случиться, что арестованный ухитрился ударить ногой в лицо человека, сидев-

шего на одном сиденье рядом с ним? Это могло случиться, капитан, только потому, что вы остановили машину и попросили меня выйти, чтобы посмотреть...

— Я протестую, — снова прервал меня Магнусон. — Это не допрос свидетеля, а изложение своих фантастических теорий.

— Протест принят, — сказал судья-контролер, но все заметили, как замигала красная лампочка на панели главной судейской машины. — Защита, можете продолжать.

Немножко он был смущен. Страшного ничего не произошло, но авторитет судьи несколько колеблется, если машина отменяет его решение.

— Благодарю, ваша честь, у защиты больше вопросов к капитану Мэннингу нет.

— Мистер Магнусон, можете задавать вопросы свидетелю защиты.

— У обвинения вопросов к капитану Мэннингу нет.

По-моему, Магнусон поторопился. На его месте я бы воспользовался возможностью и постарался бы лишний раз показать всю беспочвенность моих утверждений. Потому что пока я ничего основательного не доказал. Бросил кое на что тень, кое-что поставил под сомнение, но не больше. Но большего мне пока и не нужно было. Пусть думают, что это и есть моя единственная защита. Пусть думают, что я пытаюсь задержать их танки ружейной пальбой. Чем больше они в этом уверены, тем больше у меня шансов, что я все-таки выиграю.

— Защита приглашает свидетельницу миссис Калифано из Драйвелла.

Бедная миссис Калифано казалась еще более испуганной, чем я ее помнил. Если бы здесь только была ее сестра со своей тонкой сигарой во рту... Маленькое морщинистое личико с упрямо поднятым подбородком. Бесстрашные, выцветшие старушечьи глаза. Воплощение вызова годам, судьбе и людям. Я почувствовал, как

к сердцу поднялась теплая волна. Если б я только мог еще раз увидеть ее.

Подрагивая, как больной, испуганный щенок, миссис Калифано никак не могла сообразить, куда ее просят подойти. Восьмидесятилетний щенок. Бедная Кэролин, как ей, должно быть, неуютно в мире регистрационных автоматов и судейских машин...

— Не волнуйтесь, миссис Калифано, не торопитесь, — как можно мягче сказал я. — Регистрационная машина — это вот эта штука перед вами, с освещенным стеклом.

Кэролин, должно быть, наконец сообразила, что сестры рядом нет, что нужно делать все самой, что я — это тот человек, которого она вывела ночью из Драйвелла, и успокоилась. Сразу. Она приложила руку к определителю регистрационной машины, назвала свое имя, сообщила, что она домашняя хозяйка.

— Миссис Калифано, расскажите, пожалуйста, суду, что произошло в тот вечер, когда ваша сестра стреляла в сержанта...

Шум, взмах судейского молотка. Публика уже разогрета, как на футбольном матче. Неужели они не слышали об этом? Нет, наверное, дело не в этом. Просто людей в зале поразило несоответствие между возрастом и беспомощностью миссис Калифано и тем, что ее сестра стреляла в полицейского. Если бы они только видели миссис Нильсен в своем кресле, с клетчатым пледом на острых коленях... Миссис Нильсен. Если бы не она, меня давно не было бы в живых. Сержант Лепски учел бы опыт своего начальника. Два раза такие вещи не случаются. Это было бы как раз чудо, в которое мы не верим.

— Мистер Рондол... Он пришел к нам... Сестра сразу догадалась, что он скрывается от полиции, хотя он был в маске... Сестра слышала предупреждения полиции... По телевизору... — Она повернулась ко мне. —

Но вы не отпирались... Вы сказали, что прячетесь от полиции... Ну... а потом пришел полицейский. Этот молодой... Он вошел без стука даже... тайно... Он сказал, что арестует мистера Рондола, а сестра... — Миссис Калифано вдруг заплакала, — а сестра... выстрелила в него, и он упал.

— Успокойтесь, миссис Калифано. Что было дальше? Мы-то с вами знаем, но суд не знает.

— Сестра сказала, чтобы я вывела вас из Драйвелла через рощу. Мы вышли с вами. Я отвела вас к шоссе, за тем местом, где была полиция... вернулась за нашей машиной... Ну, поехала... посадила вас, и мы поехали в Шервуд.

— Скажите, миссис Калифано, когда вы первый раз вышли со мной из дома вашей сестры, когда вы возвращались за машиной, видели ли вы около дома каких-нибудь полицейских или полицейскую машину?

— Нет, не видела.

— Благодарю вас, миссис Калифано. — Я повернулся к прокурору. — Мистер Магнусон, ваша очередь.

— Миссис Калифано, вы сами видели, кто стрелял в сержанта Лепски? — спросил Магнусон. Особой уверенности, что он выиграет что-нибудь от допроса старушки, у него, мне показалось, не было, но он все-таки решил попробовать.

— А как же... Я уже говорила в Джолле... Меня спрашивали. Я видела своими глазами, как сестра выстрелила в полицейского... Она очень вспыльчивая, но...

— А мистер Рондол не давал ей знак стрелять?

— Да нет, что вы...

Бедная Кэролин только начала входить в роль, освоилась с новой обстановкой, как Магнусон уже прекратил допрос. Как я и предполагал, он понял, что ничего не получит от старухи.

Я снова пригласил к свидетельскому пульту капитана Мэннинга.

— Скажите, капитан, если полицейский имеет основания предполагать, что в доме скрывается опасный преступник, убийца, бежавший уже после ареста, как он должен взять его?

— Не понимаю вашего вопроса.

— Поясню свою мысль. Должен ли полицейский, который направляется в этот дом, чтобы произвести арест вооруженного преступника, поставить людей на улице, особенно ночью и особенно когда дом стоит на отшибе?

Капитан молчал.

— Я жду, капитан Мэннинг.

— Да, в таком случае нужно было окружить дом. Но сержант Лепски мог не знать, что вы скрываетесь у этих женщин. Он мог просто проверять все дома подряд. В таком случае он мог бы пойти один, тем более что людей не хватало. В Драйвелле более пятисот домов...

— Я ожидал этого утверждения, капитан.

Я вызвал свидетелей — соседей миссис Нильсен слева и напротив. Оба показали, что никто из полиции в тот вечер к ним не заходил.

— Нет, капитан Мэннинг, нет, уважаемый суд, — сказал я, — сержант Лепски пришел один в дом миссис Нильсен не потому, что подряд проверял дома. Дом миссис Нильсен полиция посетила накануне. А в этот вечер сержант Лепски пришел не для проверки. Он был хорошим полицейским и каким-то образом получил сведения, где я прятался. Он был бесстрашным человеком и не очень считался с законами. Он рассчитывал на внезапность. Он проник в дом без стука. Он бы и арестовал меня, если б не миссис Нильсен. Что делать, в восемьдесят один год люди смотрят на некоторые вещи иначе, чем другие. Но дело не в этом. Сержант Лепски мог бы найти людей, чтобы окружить дом миссис Нильсен. Он шел один, потому что ему не нужны были свидете-

ли убийства арестованного при все той же попытке к бегству.

Шум в зале. Я ни разу не видел, чтобы у Магнусона так перекосилась физиономия. Еще мгновение — и он начнет свистеть и улюлюкать. Но юриспруденция одержала верх.

— Ваша честь! — крикнул он. — У обвиняемого ма-
ния преследования! Типичная паранойя. Весь мир охотится за Язоном Рондолом!

Бедный Магнусон, он даже не предполагал, как он близок к истине.

— Обвинение, — поднял голос судья-контролер, — воздерживайтесь от оскорблений, не превращайте суд в базар.

Был ночной клуб, теперь рынок. Что еще придумает старый Роджер Ивама?

— Позвольте мне закончить, ваша честь, — сказал я. — Я хочу обратить внимание суда на одну характерную деталь: сотрудники джоллской полиции почему-то упорно стремились к свиданию со мной тет-а-тет.

— Чистая спекуляция! — выкрикнул Магнусон.

— Я надеюсь показать суду, что это не спекуляция, — сказал я.

Ивама объявил о закрытии заседания.

ГЛАВА 3

Перед началом утреннего заседания меня пригласил в свою комнату секретарь-контролер. Мою просьбу Гизеле передали еще накануне, сказал он, но она только что была у него. Конверт, о котором шла речь, пропал. Она прекрасно помнит этот конверт, он все время был на месте, а когда она заехала за ним утром в контору, он исчез.

— Как ей сообщили о моей просьбе? — механически спросил я.

— По телефону.

По телефону... По телефону... Идиоты. Конечно же, телефон моей конторы прослушивался. Они узнали о моей просьбе и выкрали конверт. Они могут не знать, что там за ключи, но ключи у них.

Они своего добились. В самом конце, но добились. То, что не удалось ни Мэннингу, ни Лепски, удалось какому-нибудь уголовнику с отмычкой, которого они послали ночью в мою контору. Все так просто. Оказывается, не нужно было за мной охотиться, не нужно было мне бежать, не нужно было, чтобы миссис Нильсен выхватывала из-под пледа свой игрушечный пистолетик и всаживала настоящую пулю в настоящего сержанта Лепски. Не нужно было ничего. Профессор Ламонт рассчитал все точно.

Мои конвоиры вывели меня из комнаты секретаря-контролера и повели в зал. Я не помню, шел ли я сам или они волокли меня. Завод кончился, пружина раскрутилась. Я сделал все, что мог. Наверное, больше, чем мог.

Что ж, машины признают меня виновным, сомневаться не приходилось. Последней и главной моей надеждой были ключи. Ключи в конверте, который отправила Одри. Ключи от сейфов, куда она положила пленки с голосами Кендрию и Ивамы. Главный мой козырь. Подушечки с пальцами Кополлы. Козырные карты. Тузы.

Я едва отдавал себе отчет, где я. Мне пришлось сделать усилие, чтобы сфокусировать глаза. Оказывается, мы уже были в зале суда и Магнусон раскладывал свои бумаги, готовился к заключительному выступлению.

Как, оказывается, все просто. Зачем-то кто-то пытался открыть мою камеру, зачем-то кто-то пытался украсть

у Айвэна Бермана рыболовные крючки, зачем-то он в больнице. Все оказалось так просто. Так банально.

Я почувствовал глубочайшую усталость. Скоро нужно будет выбирать. Смерть или полная переделка. Потом, потом, сейчас я не мог решить ничего. Откуда-то издали доносился голос. Ах да, это же Магнусон.

— ...Он похищает крупную сумму денег у профессора Ламонта, с которым познакомился, готовя материал для защиты своего клиента...

Кто похищает крупную сумму денег? Ах да, это же я. Как это солидно звучит: «Похищает крупную сумму денег!»

Я начинаю испытывать к себе даже некоторое уважение. Крупная сумма денег! И похищает ее. Не крадет, а похищает.

— ...Останавливает машину на ночной дороге. Мы никогда не узнаем, что он сказал несчастному коммивояжеру, который, наверное, торопился в гостиницу, но тот согласился подвезти его. Он не знал, кого он сажает. Он не знал, что истекают последние минуты его жизни. Он не знал, что Рондол уже сжимает в руке пистолет, из которого он через несколько минут выстрелит пожилому человеку в спину. В спину...

Боже мой, какой же он негодяй, этот Рондол, пронеслось у меня в голове. Я покрутил головой. В ней тяжело плеснулись мои жидкие мозги. Реальность наплывала на меня обрывками фраз Магнусона, тяжелым, свинцовым отчаянием, мягким, ватным бессилием.

Мозг мой, мой бедный мозг мог противопоставить этой реальности лишь одну картину. Прозрачный, схваченный легким инеем саркофаг. И в нем я. Что такое я? Почему я придаю такое большое значение этой, в сущности, банальнейшей комбинации атомов, которая называется Язон Рондол?

— ...Но что-то испугало его. Он выбрасывает еще

теплый труп на шоссе и через минуту бросает и машину. Он бежит в лес...

Ну хорошо, рассыплется эта комбинация атомов, возникнет другая, как меняются узоры из цветных стекляшек при повороте детского калейдоскопа. Исчезнет Язон Рондол, появится другой. Мир не остановится. Калейдоскоп никогда не останавливается. Придет время — исчезнет и Магнусон, который так старается сейчас убедить всех, что Рондол — убийца и вор. И судья, и все сидящие в зале. Все исчезнут, растают с новым поворотом калейдоскопа. Боже, сколько комбинаций маленьких цветных стекляшек, которые называются жизнью.

— ...Он мечется по лесу. Его охватывает ужас. Он не может найти себе места в ночном лесу. За каждым деревом ему чудится...

Нет, Магнусон, он уже не мечется. Вы можете теперь не тратить красноречие. Старое доброе судебное красноречие. Оно ведь только для публики, телевидения и газет. Электронным потрохам судебных машин наплевать, скажете вы, «он мечется по ночному лесу» или «его местопребывание с такого-то по такой-то час точно не установлено». Все это словоговорение им давно уже не нужно. Они давно уже знают, что коммивояжера ухлопал Рондол, он же «похитил крупную сумму денег», он же напал на блюстителя закона и бежал. Боже, как же, должно быть, им скучно, бедным судебским машинам. Говорят, что у них нет эмоций и что потому-то они выживают из судов судей. Что-то я не очень-то верю, чтобы такие умные машины могли долго оставаться равнодушными. Ведь каждый день перед ними проходит бесконечный парад человеческих пороков. Разве могут остаться даже транзисторы равнодушными к этим сожмнутым рядам лжи, оркестру жадности, колоннам корысти, коварства и предательства?

— ...И вот, загнанный и потерянный, он снова выходит на дорогу...

Какая логика, какая поэзия! Какой сплав ума и чувства! И все для того, чтобы разделаться с одним Язоном Рондолом. Все для того, чтобы бело-розовый профессор Ламонт по-прежнему мог потирать свои чистенькие лапки и писать новые сценарии. С новыми участниками, за новые гонорары. Все правильно. Чудес действительно не бывает. Выживают сильнейшие. Маленький адвокатик вообразил себя Ричардом Львиное Сердце и отправился освобождать гроб господень. Лбом о стенку. О стенку, воздвигнутую профессором Ламонтом, его покровителями и заказчиками. Адвокатишко против системы. Отработанной, отшлифованной системы...

— ...Капитан Мэннинг сажает его в свою машину. Рядом с собой. Он отсылает даже своего помощника. Он хочет остаться с преступником с глазу на глаз. Он мучительно хочет понять, что заставило адвоката, интеллигентного человека, в одну ночь разрушить всю свою жизнь, стать на путь преступления. Он полицейский, но он человек в первую очередь. Он хочет понять...

И я хочу понять. И не могу. Почему зло настолько сильнее добра, а ложь — правды? Почему в их вечном состязании почти всегда финишной ленточки раньше касаются пороки, чем добродетели? Может быть, так и надо? Не может же природа ошибаться столько тысячелетий подряд?

— ...Воспользовавшись доверчивостью капитана, наносит ему зверский удар в лицо, последствия которого мы все видели вчера...

Бедный, бедный капитан Мэннинг, чистая, доверчивая душа. Он так верил, что адвокат выйдет из машины и подставит себя под колеса, под выстрел, а тот его обманул. Подло, позорно обманул. Трагедия преданной доверчивости.

Для чего все это проносится сквозь мой и без того

уставший мозг? Для чего все эти жалкие поправки слов? Я устал, устал, я хочу покоя.

Я вспомнил вдруг измененного, с которым столкнулся как-то на улице. Он шел осторожно, чуть бочком, как ходит большинство измененных. Не шел, а скользил. Он был довольно высокого роста, но — странное дело! — он казался маленьким. Глаза его были опущены... Как говорили когда-то? Ага, глаза его были опущены долу. На губах слабая улыбка. Улыбка просительная и прощающая. Он скользил по шумной улице, а я шел за ним, замороженный его отрешенностью. Измененные не носят особой одежды, на них нет никаких особых знаков. Но их узнаешь сразу. Они как золото. Они не вступают в реакцию с окружающей их толпой.

Измененный, за которым я долго шел по улице, словно предчувствовал, что и я столкнусь с выбором. Он взглянул на меня одновременно испуганно и с жалостью. Он скользил бочком по людной улице и был один. Он шел сквозь жадность, суету и не касался их. Тихая тень на бурлящем рынке.

Я помню, как у меня тогда сжалось сердце. За него ли, за себя?

— ...Пробрался в мирную обитель двух сестер, пожилых женщин, принеся с собой насилие и трагедию. Заставить женщину восьмидесяти одного года поднять руку на блюстителя закона — это...

А может быть, и я смогу так же идти сквозь смрадный шум человеческой ярмарки чистым и отрешенным? Может быть, когда через день дело дойдет до большого выбора, я возьму ручку и жирно перечеркну слова «смертная казнь»? Может быть, тогда я сумею отдохнуть от этой суеты?

Не было сил, не хотелось больше бороться. Отпусти руки, расслабь мышцы, отдохни.

Они все верили, измененные. Почему-то они все приходили к богу. Они находили его, и он принимал их.

Почему? Может быть, потому, что жизнь, чувственная, энергичная, полная борьбы, пугала их? Потому что они становились кроткими? А разве кротость — не шаг к богу? И эта улыбка, что всегда у них на губах... Слабая, прирушенная. Извиняющаяся и извиняющая.

Может быть, они действительно лучше нас? Может быть, спасение лежит в них? Может быть, не случайно у нас постоянно растет преступность? Может быть, это часть плана, намеченного природой или богом?

Мне было бесконечно грустно. Но не так, как тогда, во дворе у Ламонта, под холодным темным октябрьским небом, когда Одри провела рукой по моей щеке. Та грусть была светла. И в ее боли была сладость.

Теперь мне было грустно не так. Тяжелее. Темнее. Безнадежнее. Безвозвратнее. Язон, Язон, где годы твоей жизни? Куда они провалились?

— ...надеясь ввести в заблуждение суд. Да, формально он сам отдал себя в руки полиции, но позволительно спросить: а что еще оставалось ему делать, когда он чувствовал сжимающуюся вокруг себя сеть правосудия?

Мне лет шесть. А может быть, семь. Я стою с отцом у витрины часового магазина. В витрине на черном бархате большие бронзовые часы. Рядом с циферблатом маленькие ворота. Если присмотреться, видны даже желтые шляпки гвоздиков. Каждые четверть часа ворота открываются, из них выходит рыцарь и поднимает меч. И когда он поднимает меч, звенят колокольчики. Серебряно, тоненько. Так тоненько, что их можно услышать сквозь стекло витрины лишь тогда, когда вокруг нет машин и мало людей.

Рыцарь взмахнул мечом и исчез. Мне грустно. Я не слышал колокольчиков. Отец тянет меня за руку. Я не хочу уходить от рыцаря. Мне почему-то грустно. Я плачу. Отец понимает. Он всегда понимал меня. Он не говорит ни слова. Мы ждем. Долгих, бесконечных пятна-

дцать минут. Мы стоим тихо и ждем. И снова выходит рыцарь и равнодушно поднимает меч угловатыми движениями заводного человечка. И мы с отцом слышим колокольчики. А может быть, и не слышим, но уверяем друг друга, что слышим. Что, впрочем, одно и то же.

Почему я вдруг вспомнил эти часы? Потому что Магнусон напоминает мне заводного человечка? Нет. Или потому, что вижу сейчас в измененных то, что хочу видеть? Кто знает...

Анатолий Магнусон, помощник окружного прокурора, который скоро, надо думать, станет окружным прокурором, обвинитель на процессе своего старого знакомого Язона Рондола, Анатолий Магнусон заканчивает свое блестящее выступление.

Я встаю и прошу перенести мое последнее слово на следующий день. Я прошу секретаря-контролера пригласить мисс Одри Ламонт. А вдруг произойдет чудо и я услышу серебряные колокольчики?

* * *

И вот я снова в комнатке секретаря-контролера. Позади меня мои конвоиры. Впереди — секретарь-контролер. И Одри. Наверное, она больна. Совсем больна. Под странно неподвижными, напряженными глазами тени. Темные, синие тени. Теперь я точно знаю, что она больна. Совсем больна.

Я смотрю на нее. Она на меня. Вдруг она медленно поднимает руку — какое у нее тонкое запястье! — и подносит ее к моему лицу. Один из конвоиров делает шаг в сторону и смотрит, что она делает.

А она только стирает мне со щек влажные дорожки. Только и всего. Если я не проглочу этот чертов комок в горле, он задушит меня.

— Одри... — говорю я.

— Да?

— Я ни в чем не виноват...

— Я не знаю, Язон...

— Одри...

— Да?

— У меня к тебе большая просьба...

Она молчит и смотрит на меня.

— Но я тебя должен предупредить, если ты выполнишь ее, ты повредишь своему отцу.

Мы молчим. Долго молчим. У одного из конвоиров что-то булькает и переливается в животе. А может быть, это булькают и переливаются мои мысли.

— Да, Язон? — каким-то плоским, безжизненным голосом говорит Одри. Голосом, по которому проехал асфальтовый каток и выдавил из него все чувства.

— Ты помнишь два пакета, которые я передал тебе?

— Да.

— Ты выполнила мою просьбу, я знаю.

— Да, я положила ключи от сейфов в конверт и отправила в твою контору.

— Ключей нет, Одри. Их украли. От этого зависит моя жизнь. Можешь ты вспомнить, куда ты положила пакеты?

— Да. Как ты просил. В Местакский банк и в 1-й городской банк.

— Ты не можешь вспомнить номера? Номера абонированных сейфов?

— Не знаю, Язон.

— Вспомни. Сосредоточься. Вспомни. Вот тыходишь... вспомни.

Она вспоминает. По-детски. Подняв глаза. Шевеля губами. Наверное, она так отвечала у доски. Наверное, она плохо училась.

— В Местакском банке...

— Вспомни, Одри.

Она вспоминает.

— Второй ряд снизу. Крайний справа. Да, точно, крайний справа.

— А номер?

— Нет, не помню. Но я помню номер в 1-м городском. Кажется, помню. Потому что я подумала — это мое любимое число. А мое любимое число — двадцать два.

— Одри...

Она уходит. Я вижу, как она уходит, и не могу ее остановить. Есть ведь, есть такое слово, которое останавливает ее. Не может не быть такого слова. Но я его не знаю. И она уходит.

* * *

Я медленно поднимаюсь со своего места и оглядываю зал. Неспешно, спокойно. Это моя аудитория. Их я должен взять за шиворот и потрясти так, чтобы они проснулись.

Мое последнее слово. Магнусон посматривает на публику со скучающим видом человека, попавшего на детский вечер. У судьи-контролера отсутствующее выражение лица человека, привыкшего спать с открытыми глазами.

— Ваша честь, — говорю я, обращаясь к судье-контролеру, — я прошу разрешения воспользоваться магнитофоном.

— У вас последнее слово, и я не совсем понимаю...

— Ваша честь, магнитофон абсолютно необходим для моего последнего слова.

— Хорошо, — кивает Ивама.

Ко мне пододвигают магнитофон. Я ставлю пленку и поворачиваю ручку громкости до отказа. Интересно, как там моя аудитория? Ага, я их, кажется, заинтересовал. Во время последнего слова обвиняемого не пользуются магнитофоном. Они отрицают свою вину или

просят о снисхождении машину с транзисторными эмоциями.

Я нажимаю на клавишу. В притихшем зале отчетливо звучит голос судьи-контролера Роджера Ивамы. Немолодой, характерный голос. Голос, которым он только что разговаривал со мной.

— Я заявляю, — говорит судья, — что Язон Рондол ни в чем не виноват, никаких преступлений не совершал и, по моему глубокому убеждению, должен быть немедленно освобожден.

Все. Я нажимаю на клавишу остановки пленки. Теперь можно снова осмотреть мою аудиторию. У Роджера Ивамы отвисла нижняя челюсть. Если ее не поддерживать, она может упасть на пол.

Мой друг Магнусон моргает так часто и быстро, словно стреляет из пулемета. Никогда не думал, что человек может моргать с такой скоростью.

Секретарь-контролер мотает головой. Бедняга боится, что заснул, и пытается проснуться.

У ребят из газет на лицах выражение изумления, которое бывает у зевак, когда они видят на мостовой сбитого машиной человека.

Ну что ж, как будто я выдержал достаточно эффектную паузу.

— Ваша честь, — говорю я, — вы не ошиблись. И никто в зале не ошибся. Вы действительно слышали голос судьи-контролера Роджера Ивамы. Он произнес слова, которые мистер Ивама никогда не произносил. Это звучит как парадокс, но, поверьте мне, я не собираюсь развлекать суд парадоксами. Но прежде чем объяснить вам смысл моего утверждения, позвольте мне еще раз воспользоваться магнитофоном.

Я ставлю вторую пленку, на этот раз с голосом начальника полиции Шервуда Нейла Кендрию. Он говорит:

— Язон Рондол — достойнейший человек. Безусловно, он ни в чем не виновен.

— Надеюсь, — говорю я, — многие из присутствующих знают голос нашего уважаемого начальника полиции мистера Кендрию и могут подтвердить, что это его голос. Но так же, как и мистер Ивама, мистер Кендрию этих слов не произносил.

И, наконец, прежде чем я перейду к объяснениям, я прошу у судьи-контролера разрешения воспользоваться регистрационной машиной.

Судья только кивает. Слава богу, он не потерял нижнюю челюсть и сейчас даже ухитрился облизнуть пересохшие губы.

Я быстро надеваю на три пальца правой руки три резиновые подушечки с факсимиле пальцев Джона Кополлы. Я делаю это так, чтобы никто не видел. Я подхожу к регистрационной машине и прижимаю три подушечки к стеклу определителя. Обычно табло зажигается через две-три секунды. Я считаю. Раз, два, три, четыре, пять — неужели осечка? Шесть. Табло вспыхивает, Джон Кополла и его регистрационный номер.

Мне хочется раскланяться и достать на «бис» из цилиндра пару кроликов. Но я пока обвиняемый. Убийца. В зале слышен легкий хруст. Это, наверное, похрустывают шейные позвонки тех, кто пытается получше рассмотреть табло регистрационной машины.

Я замечаю двух людей, которые быстро встают и направляются к выходу. Ага, осы почувствовали опасность.

Я хозяин аудитории. Я могу делать с ней все, что мне заблагорассудится. Я хочу, чтобы она слушала меня. Это будет одно из самых длинных последних слов, которые я когда-либо слышал. И произносил.

Я рассказываю о Лансе Гереро, о моих поисках, о Джонасе, о том, как я очутился на вилле «Одри», о профессоре Ламонте, о его синтезаторе, о сценарии, приготовленном для Джона Кополлы, о двух пленках, которые я изготовил на машине профессора, о побеге,

о попытках расправиться со мной, потому что я слишком много знаю.

Я не рассказываю только об Одри. То, что я бы хотел сказать о ней, не касается никого на свете. Кроме нее и меня. Но я ее не увижу. Никогда.

И вот наконец мелодичное позвякивание судейских машин: «Не виновен, не виновен, не виновен».

Просыпается большая судейская машина, моргает своим табло и пишет на нем: «Не виновен, подлежит немедленному освобождению».

Кто-то хлопает меня по плечу, жалко улыбается. Анатоль Магнусон. Ну что ж, он еще молод и может подождать, пока его сделают окружным прокурором. Молодые гиены и шакалы обеих шервудских газет расстреливают меня блицами — суд окончен, и плевать они теперь хотели на запреты старого Ивамы... Тим что-то хочет сказать мне, но я ничего не слышу в гомоне голосов. Мелькнуло лицо Гизелы. Она так и не успела сделать себе косметику и похожа на поросеночка. Машет мне рукой человек-гора Херб Розен.

А я не могу выйти из зала суда. У меня дрожат ноги и нет сил. Чудовищная истома наваливается на меня. Я сижу посреди этого шума и гама, одинокий в толпе, и во мне нет ни радости, ни торжества победителя.

И не только потому, что я устал. Потому что среди всех этих людей нет Одри. И Айвэна Бермана. И я знаю, что сейчас заставляю себя встать, потому что я должен быть в больнице.

Я встаю и выхожу из зала суда. Без конвоиров. Под конвоем толпы.

ГЛАВА 4

Врач был молод. Он был туго накачан здоровьем и оптимизмом. Он косился на каждое окно, мимо которого мы проходили. За окнами был ноябрь-

ский вечер, и он ловил в темных стеклах свое отражение.

— Сердце работает нормально, с этой стороны опасности нет, — сказал он мне, — но мистер Берман до сих пор не пришел в сознание. Понимаете, при ранах в голову никогда нельзя быть на сто процентов уверенным, что все функции головного мозга полностью восстановятся. Мозг — это такая машина, в которой мы никак не можем разобраться до конца. Бывают, знаете, случаи, когда сносит чуть ли не полчерепа, а человек выздоравливает, а иногда сравнительно легкая травма головы ведет к тяжелым и непредсказуемым последствиям... — Доктор говорил и говорил, и я вдруг понял, что ему нравится не только его внешность, но и упитанный, округлый баритончик.

— Я понимаю, — прервал я его, — но...

— Ничего не могу сказать вам пока, — покачал головой врач, раздосадованный, должно быть, что я мешаю ему наслаждаться собственным голосом.

— И все-таки...

Теперь уже врач прервал меня.

— Увы, пока никаких прогнозов. Не хочу вселять в вас преждевременную надежду, но и обескураживать тоже не стану. Терпение, терпение... Тем более после пыток, которым он подвергся.

— Пыток?

До чего же простое слово, и как трудно укладывается оно в сознании. Особенно когда думаешь об Айвэне Бермане.

Пытки... Наше Тихое озеро, отороченное темными театральными елями, и пытка? Седой рыболов, не обиравший за жизнь никого, кроме крохотных окуньков, и пытки? Да не могло этого быть. Но опять я прятался за слова. Могло. Я знал, что это правда и что со страниц исторических романов пытки вошли в такую обычную и по-

тому страшную больничную комнату, в которой лежал мой друг. Сердце у меня сжалось.

— Да, мистер Рондол. Они прижигали ему чем-то лоб. Очевидно, сигаретой или сигарой. Вгоняли лезвие ножа под ногти.

— Простите, доктор, — сказал я, повернулся к окну и закрыл глаза. Я не хотел, чтобы он видел мое лицо. Я сам не хотел видеть свое лицо. Для чего пытаются человека? Чтобы что-то узнать. То, чего не хочет говорить. Айвэн Берман не хотел чего-то говорить! И не сказал.

В темноте вспыхнула молния, и я все понял. Сразу, мгновенно. Он сделал так, что они не могли открыть дверь моей камеры. Поэтому напрасно крутили диск замка, поэтому в конце концов визжала в коридоре дрель. Поэтому тихому Айвэну жгли лоб и вгоняли сталь под ногти. И он ничего не сказал. Добрый, робкий Айвэн ничего не сказал. Чудеса бывают. Надо только верить в них. Как, как мог он найти в себе силы? Чем я заслужил, чтобы из-за меня так страдал другой человек?

Я ощутил острое жжение во лбу и вздрогнул. Я приклонил голову к прохладному, слегка запотевшему стеклу окна.

— Пойдемте, — голос молодого доктора, любящего смотреть на свое отражение в окнах, был мягок.

— Пойдемте.

Я хотел вздохнуть поглубже, но вздох получился прерывистым. Бедный, тихий Айвэн.

Мы вошли в палату. Боже, какой он, оказывается, старый. Я никогда не замечал раньше его возраста. Конечно, я видел, как серебрились его виски, как по лицу разбежались трещинки морщин. Но он был... Айвэном. Я вообще не представлял его молодым. Он и родился, наверное, с седыми висками и морщинками вокруг глаз. И с удочкой в руках.

Голова и лоб у него были туго запеленаты в бинты. Он лежал на спине, с закрытыми глазами, и кончик носа у него вытянулся и заострился.

— Можно мне посидеть около него? — спросил я.

— Да, конечно.

Я сел около кровати. Мне вдруг показалось, что он уже умер. Мне захотелось кричать. Я впился глазами в аккуратно лежавшее на его груди одеяло. В самой уже аккуратности мне чудился приговор. Я чувствовал, что не могу пошевелиться. Надо было вскочить, броситься в коридор за врачом, но я сидел, упершись взглядом в смертельно ровный край одеяла. Ну дыши же, умоляя я его, дыши. Я сам медленно, бесконечно медленно вдыхал воздух, как бы подсказывая Айвэну, как это делается. И тут я заметил, что он жив: грудь под одеялом тихонько поднималась и опадала. Я прикоснулся ладонью к его руке, лежавшей на одеяле.

— Айвэн, — тихо сказал я, — ты меня слышишь? Я знаю, тебе тяжело мне ответить, но ты меня слышишь. Спасибо тебе, Айвэн. Я не заслужил того, что ты для меня сделал.

Как мне хотелось, чтобы он вдруг пробормотал:

«Тише, Язон, ты распугаешь всю рыбу своей болтовней. — И добавил спокойно, как обычно: — Много говорить — мало говорить».

Но мой друг ничего не сказал. Я ждал каждого следующего подъема одеяла. А вдруг я не замечу, если он перестанет дышать? Я взял его руку в свою. Не больную, что лежала неподвижно в белом марлевом коконе, а здоровую.

— Айвэн, — сказал я, — скоро начнутся холода и наше озеро замерзнет. И когда лед станет достаточно прочным, мы поедем туда. И обязательно застрянем в снегу по дороге. И будем волочить на себе палаточки, и пешни, и стульчики. И чертыхаться. И проклипать все на свете. Но не очень всерьез, потому что это замеча-

тельно — брести по снежной тропке к тихому, замерзшему озеру и проклинать все на свете.

Я никогда не знал, что могу так говорить о рыбной ловле, о нашем озере, о рыбешках, трепыхающихся на льду, о холодном ветре, от которого горит лицо, о зимней тишине, непохожей на любую другую тишину, о темно-зеленом бархате далеких елей.

Я не отпускал его руку и время от времени спрашивал:

— Ты слышишь меня, Айвэн?

И когда я спросил его в десятый, в сотый или в тысячный раз, я вдруг почувствовал слабое, еле заметное, еле ощутимое движение его пальцев. Даже не движение, а намек на движение. Я не верил себе, не разрешал верить.

— Айвэн, если ты слышишь меня, не шевели сейчас рукой. Хорошо?

Движения не было. Как мне хотелось сохранить веру в чудо еще на секундочку. Еще на одну.

— А теперь ответь мне. И тогда я буду знать, что ты, старый лентяй, просто ленишься поболтать со мной.

И снова едва уловимое сокращение мышц и движение. Значит, мозг жив, пусть хоть искорка тлеет в нем, я ее раздую, выхожу, и старый Айвэн снова будет бормотать свои нелепые и мудрые присказки.

Я ревел. Ревел бесстыже, по-детски. И не пытался остановиться. Плотину прорвало, и душа должна была облегчиться.

Наверное, мы замечаем скорее те вещи, что привычнее для нас. Я жил в мире, построенном на эгоизме и скрепленном расчетом. Я и люди моего круга привыкли по большей части считать себя прогрессивными, либеральными скептиками, иронизирующими над всеми и собою. Это, наверное, очень удобно. Чувствуешь свою принадлежность к интеллектуальной элите, и вместе

с тем принадлежность эта не обременительна, как хорошо сшитый пиджак.

А тут передо мной был человек, не умевший острить и подтрунивать над всем на свете. Он был простым тюремщиком, и он вытерпел пытки, чтобы сохранить жизнь товарищу по рыбалкам. Еще один парадокс, который, словно палицей, дробил мои духовные латы. Спасибо, Айвэн. Спасибо за кровавый урок морали.

Я сидел у его кровати всю ночь. Утром он открыл глаза. И подмигнул мне. А может быть, мне это показалось, потому что после бессонной ночи видишь не очень хорошо, особенно если смотреть сквозь слезы. Хотя за последнее время я уже начал привыкать к ним.

* * *

— Что у нас сегодня в смену? — спросил у товарища старший психокорректор 1-й шервудской тюрьмы Лоренс. — Опять всю ночь крутиться, как в прошлый раз?

— Да нет, почти ничего. В полночь вышел срок у шестьдесят третьего номера. Сейчас посмотрим его карточку, что там у него. Ага, переделка.

— Ты уже начал подготовку?

— Да нет еще, смена только началась.

— Иди выкатывай саркофаг, а я подготовлю корректор. Давай управимся с ним побыстрее, поставим на размораживание, и я врежу тебе в шахматы пять партий подряд.

— Почему это все психокорректоры такие хвастуны? Оттого, что ли, что ковыряются в чужих мозгах?

— Все мозги в мире тебе не помогут. Они у тебя все равно не прижились бы, твой организм их отторгнет.

— Ах ты, головолом ничтожный!

— Иди, иди, мальчик, бог подаст.

Они посмеялись, и младший дежурный, выполнявший, кроме помощи психокорректору, еще и функции палача,

отключая ток в случае смертной казни, пошел к саркофагу Ланса Гереро.

— А ты не знаешь, кто этот шестьдесят третий номер?

— Сейчас посмотрю. Ланс Гереро. А в чем дело?

— Да нет, ничего. Бородатенький такой...

— Ты что, бородатых не видел?

— Да нет...

Младший дежурный хотел было сказать, что властное даже в анабиозе лицо Гереро плохо вязалось с представлением о полной его переделке, но ему трудно было подобрать слова для того, чтобы выразить свою мысль, и он молча махнул рукой.

* * *

Гереро проснулся сразу, мгновенно, как он просыпался всегда. То сознание спало, то заработало, будто включенное рубильником.

Последние воспоминания. Пустая комната. Каталка с белой простыней. Судья. Рондол. Карточка с двумя кружками. В одном слова «смертная казнь», в другом — «полная переделка». Он жирно зачеркнул смертную казнь. Он не хотел умирать.

Он потянулся, разминая замлевшее тело. Значит, он измененный? А может быть, Рондол добился удовлетворения апелляции? Так что же, он измененный или нет?

Он понимал, что этот вопрос должен был быть невыносимым. Он должен был действовать. Вскочить. К двери. Распахнуть. Где люди? Почему он здесь? Один.

Он понимал все это, но — странное дело! — вопрос, изменен он или нет, не очень беспокоил его. Интересно бы, конечно, узнать, и узнать сейчас, но если он сейчас и не узнает, то узнает чуть позже, какая разница? Гереро вдруг подумал, что так же, наверное, не волно-

вался бы, узнай, что изменен. Изменен, не изменен — пустые слова, шелуха слов.

Собственно говоря, он уже знал, что изменен, потому что раньше, до того, он бы реагировал не так. Он бы бросился. Вперед. К двери, к окну. К стене, черт возьми, если бы не было ни дверей, ни окон. Он бы кричал, молотил кулаками по всему, что мешало ему, как делал всю жизнь.

А сейчас — странное дело! — чудовищной важности вопрос, вопрос жизни и смерти, проплывал в сознании легко и безразлично, как облачко, волоча за собой хвост холодящего сердце ужаса. Он бы выл и метался раньше, как зверь, попавший в капкан, он бы громыхал железными челюстями, что охватили его ногу. Он представил себе свое старое «я» и ощутил прилив легкого стыда, смешанного с брезгливостью. Так вспоминают свое поведение после пьяного дебоша.

Да, конечно, он изменен. Он знал это еще и потому, что испытывал неосознанную боязнь чего-то, а раньше он не боялся ничего. И снова воспоминание о том, предыдущем Гереро, идущем напролом, как буйвол сквозь заросли, было неприятным. Чужим. Грубая сила. Животная сила. Налитые кровью глаза. Запах пота. Запах животного.

Он вспомнил суд. Джин Уишняк. Почему они все хотели убедить его на суде, что он убил эту девушку? Он содрогнулся от глубочайшего отвращения. Слово «убил» вызывало судорожные сокращения желудка и пищевода. Не думать об этом. Никогда.

Он глубоко вздохнул. Неопределенная боязнь не проходила. Но боязнь эта не была неприятна. В ней была своя сладость.

Кто-то вошел в комнату. Гереро вздрогнул и сел на кровати.

Человек холодно посмотрел на него и вдруг крикнул:
— Чего сидишь, скотина? Встать!

По телу Гереро прошла легкая судорога. Воспоминания о том, прежнем Гереро говорили, что мышцы уже должны были бы напрячься, бросив его на человека, который кричал на него. Но то были только воспоминания. Сейчас была боязнь, и даже воспоминание о насилии было невыносимым. Оно поднимало откуда-то от живота страшную тошноту.

Он вскочил на ноги и умоляюще посмотрел на человека. Если бы он только так не кричал... так громко, так мучительно громко.

— Ты как стоишь, негодяй? Бороду отрастил, а стоять перед начальством не умеешь?

«Как он хочет, чтобы я стоял? — подумал Гереро. — Наверное, надо вытянуться. Как он кричит, как он страшно кричит. Зачем?»

Человек подошел к Гереро, замахнулся. Гереро зажмурился и втянул голову в плечи. Для чего эта жестокость, эта невыносимая жестокость, крики? Разве нельзя жить тихо?

Удара так и не последовало. Человек улыбнулся и сказал:

— Простите, мистер Гереро. Это была лишь проверка. По решению суда и согласно вашему выбору мы подвергли вас психокорректировке, называемой полной переделкой. По существующим правилам мы обязаны проверить ваши реакции. Все в порядке, мистер Гереро. Желаем вам счастья в новой жизни. Сейчас вам принесут вашу одежду. Нужно ли кому-нибудь сообщить, чтобы вас встретили?

Ему не хотелось никого видеть. Может быть, Рондола? Он ведь хотел, чтобы Рондол узнал все. О Джин Уишняк, о процессе. Но все это было совсем не так важно, как он думал когда-то.

— Спасибо, мне хотелось бы побыть одному.

Человек понимающе кивнул и вытащил сигарету. Так

с ними всегда. Они никого не хотят видеть. Во всяком случае, вначале. Воспоминания о старой жизни мучительны, и они подсознательно избегают всего, что могло бы напомнить им о ней.

— Хорошо, мистер Гереро. Сейчас вам принесут ваши вещи. Вы оденетесь и сможете поехать домой. Вам нужна помощь или вы доберетесь сами?

— О, спасибо, спасибо, я доеду домой сам. Большое вам спасибо.

Человек зевнул. Всю ночь, пока Гереро оттаивал, они резались в шахматы, и сейчас ему хотелось спать.

* * *

Я опоздал. Я вспомнил о Гереро лишь утром, когда Айвэн Берман открыл глаза и посмотрел на меня. Не знаю почему, но именно в эту секунду я вспомнил, что накануне вечером истек срок апелляции.

Ну что ж, в юриспруденции это называется форс мажор. Непреодолимая сила. Я сделал все, что мог. И не успел. Можно было, конечно, рвать на себе волосы, почему я не бросил Айвэна и не помчался составлять апелляцию. Наверное, даже нужно было рвать на себе волосы. Но не хотелось. Ничто и никто в мире не заставил бы меня вчера бросить Айвэна Бермана. Что бы ни говорили врачи, я знаю одно: если бы я не уговорил вчера Айвэна поехать со мной на наше озеро, он бы умер. Я уговорил его не умирать. Он уже совсем было собрался уйти, но я уговорил его, и он, вздыхая, остался. Он никогда никому ни в чем не мог отказать. Кроме тех, кто пытал его.

Все это, конечно, фантазия. А может быть, и не совсем фантазия. Кто знает. Но так мне легче.

Я позвонил в тюрьму. Мне сказали, что Гереро уже был дома. Я поехал к нему. Нужно было поставить точ-

ки над «i». Хватит с меня Ланса Гереро. Кроме того, нужно было возвратить ему чек. И посмотреть на него. Измененного Гереро. Следовало бы, наверное, стыдиться своего любопытства, но мне было на все наплевать. Никогда я не был так легкомысленно свободен, как сегодня.

Я поехал в Элмсвилль. Боже, какое это счастье сидеть за рулем машины и ни о чем не думать! Смотреть, как набегают на тебя лента шоссе и уносятся назад. Электромотор тихо жужжит, завывает потревоженный скоростью машины воздух. Красный столбик спидометра поднялся до семидесяти миль. Пожалуй, хватит. Больше мне не хочется. После всего, что было, совсем не хочется перевернуться на такой скорости.

Боже, как мы мало умеем радоваться! Сколько в жизни вещей, которые можно смаковать, как редчайшее старинное вино! Сколько раз, например, я ехал по этому шоссе и никогда не обращал внимания на тихий, умиротворяющий пейзаж, который медленно проплывал передо мной, плавно меняясь при каждом изгибе шоссе.

Вот и знакомый поворот. Знакомый дом. А вон и Гереро. Внешне он совершенно не изменился. Нет, нет, изменился, конечно. Глаза, опущенные глаза. И весь облик. И идет он ко мне, как все измененные. Бочком, бочком. Скользит как тень.

Наверное, я должен был испытывать стыд. Ведь это я не выполнил своего долга, ведь это по моей вине бывший настырный игрушечник идет ко мне, слабо улыбаясь. Но стыда не было. Я сделал все, что мог, а может быть, еще больше.

— Здравствуйте, мистер Гереро.

— Здравствуйте, мистер Рондол.

Что сказать ему? С чего начать? Сказать: я очень сожалею? Нет, это было бы фальшиво и жестоко. Тогда просто о деле.

— Я привез вам чек, — сказал я.

— Какой чек?

— Перед... Ну, вспомните, вы выписали мне второй чек на пять тысяч.

— Да, я помню.

— Я приехал, чтобы вернуть его.

— Спасибо, мистер Рондол, вы так любезны... Но я не могу принять его.

— Но почему же?

Поэтому-то измененные не могут заниматься бизнесом, подумал я. Человек, который отказывается от пяти тысяч НД, не может быть бизнесменом. Да, но и я... Увы, и я не могу быть деловым человеком.

— Я уже просмотрел газеты. Я знаю, что вы сделали. Я знаю теперь, что знал всегда: я не убил эту несчастную девушку.

Он дернулся, скорчился, словно его пырнули в живот ножом.

— Но я опоздал, — пробормотал я.

— Нет, — коротко сказал Гереро. — Нет, мистер Рондол, вы не опоздали. Я не жалею, что стал измененным... Я должен быть только благодарным вам за это. Поймите, я бы никогда в жизни и представить себе не мог, что найду успокоение, может быть, счастье в полной переделке. Сама эта мысль представилась бы мне абсурдной. Да она и в голову не могла мне прийти. Ланс Гереро — и измененный! Я бы посмеялся над тем, кто сказал мне, что я буду измененным. А сегодня я открываю в своей душе радости, о которых и подозревать не мог. Должен ли слепец гневаться на человека, который дал ему зрение? Я понимаю, что вам, должно быть, странно слышать это от меня... Но покой, покой в душе, о котором я раньше и не подозревал...

Боже правый! Я знал измененных, мне приходилось видеть их, но первый раз в жизни я разговариваю с измененным вот так.

— Я не представлял....

Как мне разговаривать с ним? Я пытался говорить

с ним, как разговаривают с тяжелобольным, но он не хотел этого.

— Я рад, что стал измененным. Поэтому не жалейте меня.

— Да, но...

— Я не могу вам внятно объяснить свои чувства. Прошло слишком мало времени. Но, когда я проснулся, в комнату вошел человек. Он кричал на меня, топал ногами, оскорблял.

— И вы...

— А я, я... помнил, что бы я сделал раньше. Но меня выворачивает наизнанку при одном лишь воспоминании о том, каким я был. Я боялся этого человека. Нет, не боялся, это не то слово. Боязнь, страх — неприятные, тяжелые чувства, а мне не было ни неприятно, ни тяжело. Мне не страшно было, когда он замахнулся на меня. Мне были только отвратительны крик, угрозы, насилие.

— И вы... ничего не сделали этому человеку?

Я знал измененных, но Гереро... Я все еще видел перед собой прежнего Ланса Гереро.

— Нет, — слабо улыбнулся он, и улыбка была преисполнена торжествующей кротости, — я сделал так, как он приказал. Это была проверка. Как я реагирую после... этого.

Он сделал так, как ему приказали. А Айвэн Берман не сделал того, что ему приказали. Хотя ему жгли живое мясо и загоняли металл под ногти.

— Понимаете, пока мне немножко одиноко, не буду скрывать от вас, но у меня такое ощущение, будто сейчас я смогу лучше понять какие-то вещи. Бога, например. Я никогда не мог понять смысла религии. Она казалась мне... ненужной... Как еда после сытного обеда... Она казалась мне уделом слабых, прибежищем неудачников и несчастных. А сейчас... Нет, я еще не нашел

бога, но мысль о нем уже не кажется смешной. Знаете, мне всегда было немножко смешно, когда люди всерьез обсуждали, есть ли бог, выискивали доказательства и контраргументы. Для того, кто в нем нуждается, бог есть. Он существует. Говорят, что бог — порождение веры. От этого он не становится менее реален. Я вообще думаю, что продукт веры может быть вполне реален. Но когда он не нужен, никакие чудеса не могут убедить в его существовании.

— Я понимаю, раньше он был вам не нужен.

— Да. Зато сейчас, с той самой минуты, когда я избавился от бремени многих тяжких страстей, я ищу его.

Сложное чувство вызывал у меня этот бородатый человек со слабой улыбкой на губах. Может быть, я бы понял его. Если бы не Айвэн.

— Простите, что я так много говорю, но вы первый... кто...

— Что вы, что вы... Когда вы собираетесь поехать в свою фирму?

— Фирму? Ах да... Я не знаю... Я еще не думал, как я организую свою жизнь.

Мне показалось, что я чувствую еле уловимый запах тлена. Может быть, он появляется, когда лежишь сорок дней в саркофаге. Даже свежемороженый. А может быть, мне лишь почудился этот запах.

Измененные всегда вызывали во мне смешанные чувства. Я всматривался в их лица со слегка брезгливым любопытством. Что я пытался увидеть в них? Я не могу ответить на этот вопрос. Иногда мне казалось, что люди слишком злы и жестоки, чтобы уйти от мира насилия другим путем.

Но теперь я знал. Со злом нельзя бороться, по-библейски подставляя другую щеку. Если бы на месте Айвэна Бермана был измененный, он бы не смог сопротивляться. Он бы назвал шифр, и меня давно не было. А старый Айвэн Берман боролся со злом. Он прикрыл меня своим

телом, и тем, кто хотел отправить меня на тот свет, не помогли даже пытки.

А он не был измененным. Он было просто честным человеком. И этого было достаточно. Нет, мир не спасешь, увеличивая число измененных. Скорее, наоборот: чем больше будет этих тихих, пугливых созданий, тем легче будет торжествовать злу. Всем этим профессорам Ламонтам и их покровителям. Кто платил гангстерскими денежками и тем, кто их получал.

Я все-таки оставил чек. Так мне было удобнее. Если уж быть эгоистом, так до конца.

* * *

И вот я снова у себя в конторе. Все та же блондинка жадно смотрит на масло для загара. Увы, нам придется расстаться. Давно уже прошел сентябрь, и ее курортная нагота неуместна в хмуром свете ноябрьского утра. Кто меня ждет на следующем листке календаря?

В конторе тихо. Гизелы еще нет, хотя ей давно пора прийти. Она опаздывает на целых четверть часа. А вот и звуки открываемого замка. Шаги. Двигает стул. Кладет сумку. Сейчас она достанет свою косметическую сумочку. Два щелчка, один за другим. Я их помнил и ждал, но все же вздрогнул. За это время я как-то отвык от щелканья замков ее сумки.

Сейчас я встану, подойду к настенному календарю, перегну страницу и расстанусь с блондинкой. У меня нет причин жаловаться на тебя, хотя ты слишком уж любишь море и солнце, но пришло время расставаться.

Я перегибаю большую глянцевою страницу. Брюнетка ведет под уздцы лошадь. Брюнетка смотрит на электрокар, стоящий на дороге. Теми же голодными глазами, что ее сентябрьская предшественница смотрела на масло для загара. В этой рекламной конторе манекен-

щицам выдают, наверное, глаза напрокат. На что она будет смотреть в ноябре?

Гизела открывает кому-то дверь. Сейчас она войдет и скажет мне, что напоминают об арендной плате за помещение.

Но входит не она, а Одри. Она ни о чем не говорит, она просто молчит. Мы оба молчим и смотрим друг на друга. Наконец она пробует улыбнуться. Получается не очень удачно.

Только бы она ничего не говорила. Я никогда в жизни так не боялся слов. Любое из них могло взорвать хрупкий остов острого, невероятного счастья. Когда живешь в воздушном замке, самое опасное — слово.

Я смотрю на нее и замечаю, что ее глаза не такие напряженные, как раньше. Они улыбаются, и я явственно слышу тоненький, поющий звук серебряных колокольчиков.

ГЛАВА 5

Они не отставали от меня ни днем, ни ночью. Они поджидали меня в конторе, прятались в квартире, тенью шли за мной по улице, стояли за спиной, когда я разговаривал с Одри, и усаживались вместе со мной на больничную кровать Айвэна Бермана. Повыше — Фрэнки. Пониже, с темными волосами, — Фалькони. Мне не было спасения от них. И когда они были возле меня, я чувствовал запах горящего человеческого мяса и слышал крик Айвэна, когда они вгоняли лезвие перочинного ножа под его ногти. От них не было спасения. Они в конце концов добрались до меня.

Они превращались в наваждение. Они завладели моим мозгом и хозяйничали в нем как хотели. Я не знал ни минуты покоя. Я чувствовал, что схожу с ума.

Я никогда раньше не мог понять, как это люди страдают душевными заболеваниями. То есть умом я, раз-

умеется, понять это мог. Любой адвокат знаком хотя бы с азами психиатрии. Но где-то в глубине сознания во мне жила дикарская уверенность здорового человека, что помешанные сами виноваты в помутнении своего разума. Надо просто постараться выкинуть из головы болезненные химеры.

Теперь настала моя очередь. Бог свидетель, я старался. Я сжимал зубы и в тысячный раз говорил себе: это фантазии, потерпи, они пройдут, они оставят тебя.

Но они не уходили. Мне начинало казаться, что запах горелого мяса, преследовавший меня, реален и что сошли с ума остальные, не ощущавшие его.

И я пошел к начальнику следственного отдела шервудской полиции Патрику Бракену. Приятелю Джона Кополлы.

Мистер Бракен оказался немолодым человеком с жесткими чертами лица полицейского и холодными светлыми глазами.

— Мистер Бракен, — сказал я, — единственное, что я знаю о вас, — вы друг Джона Кополлы. И кто-то хотел бы, чтобы вы...

Хозяин кабинета покачал головой и приложил палец к губам. Он открыл ящик стола, вытащил «сансуси», надел наушники сам и протянул мне. Осторожный человек мистер Бракен. Наверное, не без оснований.

— Спасибо, — сказал он. — Я давно хотел поблагодарить вас за все, что вы сделали для Кополлы и для меня. Они не останавливаются ни перед чем, чтобы только скомпрометировать меня. Даже засадить в тюрьму невинного человека, лишь бы только он был моим другом.

— Я так и думал, — кивнул я. — Я сразу понял, что Кополла лишь орудие сведения с вами счетов. Но я никак не мог понять, почему ваши враги избрали такой сложный способ нападения...

— У меня есть кое-что против них. И они это знают. Они знают, что, если ухлопают меня, я буду опасен им даже в могиле. Может быть, даже опаснее, чем сейчас. Сейчас я скован по рукам и ногам, а тогда ничто не помешает, чтобы кое-какие факты стали всеобщим достоянием... Об этом-то уж я позаботился заранее.

Знаете, Рондол, мы живем в мире клише, и большинство привычных клише неверны. Считается, например, что мертвые не говорят. Это чепуха. Не говорят живые. Живых можно купить и можно запугать. Им нужны деньги, и они боятся за свою шкуру. Или за своих близких. Мертвым ничего не страшно. Я уже много лет в полиции и давно пришел к выводу, что самые храбрые люди — это мертвецы. И я не исключение. Сегодня я боюсь сказать все, что знаю о некоторых столпах нашего общества. Когда я умру, мне нечего будет бояться. Они это прекрасно знают, мои милые друзья, те, кто заплатил за арест Джона Кополлы... Поэтому они пока что щадят меня, а у меня нет возможности нанести им удар. В политике это называется баланс сил. Или баланс страха.

С Кополлой они придумали замечательно. Когда я прочел ваше выступление на суде, я просто... руками развел. Это же надо придумать такое...

— Мистер Бракен, — сказал я, — мой друг Айвэн Берман запомнил имена людей, которые пытали его. Некий Фалькони и...

— Наверное, Фрэнки. Фрэнк Топол по кличке Банан.

— Фрэнки, верно.

— Они всегда работают вместе.

— Мистер Бракен, я нашел свидетеля. Человека, который видел, как они вели Бермана в его квартиру. Паренек из подземного гаража в доме Бермана. Чак Пополис.

Начальник следственного отдела покачал головой.

— Хотя бы и два Чака... Бессмысленно.

— Но почему?

Патрик Бракен посмотрел на меня с легкой брезгливостью.

— Потому что ни один свидетель не доживет до процесса, на котором судили бы человека Вольмута.

— Вольмута?

Брезгливость на лице Бракена сменилась состраданием.

— Теперь я понимаю, как вам удалось сделать то, что вы сделали, — усмехнулся он. — Вы просто ничего не знаете. Вы новичок, впервые попавший на бега. А новички, первый раз приходящие на ипподром, выигрывают чаще завсегдатаев. И знаете почему? Потому что они ни черта не знают. Незнание тоже сила. Если бы вы знали, против кого подняли руку...

— Но я же, как вы видите, жив...

— О, люди Вольмута знают, когда нужно отступить и когда нужно выждать. Тем более что Ламонт, как вы знаете, исчез вместе со своим аппаратом. Так что их организация особенно даже и не пострадала. Я не хочу обидеть вас, мистер Рондол, но вы не можете разрушить организацию Вольмута и Майка Перуджино.

— Перуджино?

— Это хозяин Вольмута.

— Ничего себе организация...

— Это рак, Рондол, рак в стадии метастазов. Он пронос сквозь наше общество.

— Но должно же быть средство...

— Нет, Рондол... Средств нет. Мы не можем избавить наше общество от этого рака. Он его часть. Неразрывная часть. Мы можем только изменить наше общество. Нужна полная переделка. Но другая. Полная переделка всего общества, всех его движущих сил. Но пока наша система основана на прибыли, мы никогда не изменимся.

Не будет Вольмута и Перуджино, будет кто-нибудь еще. В конце концов гангстер извлекает прибыль точно так же, как и вполне уважаемый промышленник. Один только нарушает закон в открытую, второй норовит замаскироваться. Впрочем, мафия и бизнес уже давно начали срастаться. Сегодня они настоящие сиамские близнецы. Попробуй раздели их — и обе части погибнут. Поэтому-то они так держатся друг за друга. Но так или иначе, а наше общество нужно менять. И мы должны будем либо сделать это, либо... либо жить только по закону джунглей.

— А кто же изменит наше общество?

— О, не все же хотят жить по закону джунглей... И поверьте, это будет действительно полная переделка... Возможно, со временем я познакомлю вас с людьми, которые думают так же. И не только думают...

Что ж, наверное, он был прав. Но пока что меня ждали Фрэнки по кличке Банан и Фалькони.

— Значит, мистер Бракен, вы не можете помочь мне и добиться ареста Фрэнки и Фалькони?

— Нет. Пока нет.

— А если я...

— Это ваше личное дело, мистер Рондол. В конце концов каждый вправе выбирать себе конец. Один ждет его в кровати, другой прыгает с моста, третий собирается добиваться ареста двух джентльменов без определенных занятий.

— Вы меня не поняли. Вы убедили меня, что их не арестуют. У вас вообще большой дар убеждения, мистер Бракен. Вы не только убеждаете других, вы даже себя убедили, что ничего сделать нельзя.

— Мне, наверное, следовало выбросить вас из кабинета.

— Стоит ли? Оставьте это до полной переделки общества. Вы ведь терпеливый человек. А я не могу ждать.

Не хочу ждать. Мне плевать на ваше правосудие! У меня в носу постоянно вонь от тлеющего человеческого мяса. Джунгли так джунгли. Можете вы хоть придумать способ... Подождите, Бракен... Что было бы, если бы Фрэнки и Фалькони вдруг узнали, что я собираюсь посетить гараж Чака и договориться с ним о его свидетельстве?

— Они постарались бы, чтобы вы никогда не договорились с ним. И даже не встретились.

— Хорошо. А как дать им об этом знать, чтобы не вызвать у них подозрений?

— О, у них тут много друзей. Например, Херб Розен.

— Что? Херб Розен?

Я стоял на маленькой качающейся льдинке, и она с хрустом крошилась и трескалась под ногами. Херб Розен. Человек-гора. Бракен прав. Я идиот. Я жив до сих пор только потому, что я идиот.

— Вас это удивляет? Не он один... Ему и расскажите о Чаке.

— И вы думаете...

— Я ничего не думаю. Я знаю. Пойдите к нему, сделайте вид, что хотите посоветоваться, и скажите, что будете разговаривать с этим Чаком. Потом зайдете ко мне и скажете, когда у вас назначено свидание.

Бракен подошел к сейфу, отпер его, достал пистолет и протянул его мне.

— В джунглях нужно оружие. Оно очень удобно. Без номера. Учтите, я вам его не давал. Желаю удачи. Новичкам везет.

— Везет еще и дуракам.

— Кто знает, где кончается мудрец и где начинается дурак... — Бракен внимательно посмотрел на меня, и мне показалось, что по лицу его скользнула слабая улыбка. Улыбка мудрая и сочувствующая. Все-таки в нем что-то

было. Не зря компания Вольмута и Перуджино предпочла бы видеть его скомпрометированным.

— Спасибо, — сказал я.

— Не за что, — пожал плечами Бракен. — Кто знает в наше время, за что нужно благодарить...

Ого, кажется, у Айвэна Бермана уже появились последователи.

* * *

Херб Розен был счастлив видеть меня. Он весь лучился, он таял от восторга. Он потерял на моих глазах минимум фунтов пять веса, которые целиком перешли в энергию похлопывания меня по спине.

— Ты не представляешь, Язон, как я рад за тебя. Выскочить из такой передрыги — это просто чудо. Я б на твоём месте поблагодарил бы старика...

— Старика?

— Ну, всевышнего. Обвести вокруг пальца такую компанию...

Херб покачал головой, и в глазах его было столько неподдельной симпатии ко мне, что я начал сомневаться в намеках начальника следственного отдела. Черт возьми, неужели же можно так потрясающе играть? Или нас всех окружает такое количество драматических талантов, что мы перестаём понимать, кто есть кто? Но проверить все равно нужно.

— Херб, — сказал я, — я хотел просить у тебя совета.

— В любом количестве, — прогудел мой друг.

— Мне хочется все-таки засадить за решетку Фалькони и Фрэнки.

Улыбка медленно сползала с лица полицейского.

— Кого, кого?

— Фалькони и Фрэнки Банана. Люди Вольмута.

Я никогда не видел, чтобы люди закуривали с такой

величайшей сосредоточенностью, как Херб Розен. Он долго раскатывал в руках сигарету, дул на нее, пристально рассматривал, снова крутил между огромными мясистыми пальцами, поросшими рыжими, почти белыми, жесткими волосами.

— Ты что, никогда не слышал этих имен? — спросил я.

— Если не ошибаюсь, есть такая заповедь, чтобы зря не называть всуе имени божьего. Есть еще имена, которые мне бы не хотелось называть всуе.

— Я не могу, Херб. Они прижимали горящую сигару ко лбу моего друга и загоняли ему под ногти лезвие перочинного ножа. И только из-за того, что он не хотел помочь им прикончить меня. Я просто не могу иначе...

— Лучше забудь об этом.

— Не могу.

— В наше время выживают те, кто умеет забывать.

Я хотел было сказать ему, что устал от полицейских философов, но боялся, что он догадается, кого я имею в виду.

— Я тебя ни о чем не прошу. Я просто пришел посоветоваться с тобой. Есть человек, который видел, как эти двое пришли к моему другу Айвэну Берману...

Кто сказал, что электронно-вычислительные машины работают быстрее человеческого мозга! Я чувствовал, как голова моего полицейского приятеля гудела от перебора вариантов. В конце концов он, должно быть, остановился на оптимальном варианте: продажа друга по высшей ставке. Он стал серьезен, перестал мучить сигарету. Он слушал теперь со всем вниманием.

Он целиком одобрил мой план встречи с Чаком.

— Может быть, ты и прав, — сказал он и пожал плечами. — Может быть, в твоём положении это самый правильный путь...

Я готов был поклониться, что он с нетерпением ждал моего ухода, чтобы кинуться к телефону.

Я сижу в яме под своим старым, верным «тойсуном». Около меня маленький аппаратик «уоки-токи». Второй — у Чака. А сам Чак в квартире Айвэна Бермана, из окон которой виден вход в подземный гараж.

Да, проржавел мой «тойсун». Особенно передние крылья. Там, где корочка грязи отвалилась, видна язва ржавчины. Придется, видно, сменить крылья. Если я, конечно, останусь жить.

Жить остаться можно. Уничтожить условное наклонение легче простого. Для этого надо только вылезти из ямы, сесть в машину, уехать отсюда и забыть о горящей сигаре, прижимаемой ко лбу Айвэна Бермана. Разве это трудно? Тем более что бороться в одиночку против Вольмута и Перуджино, как любезно объяснил мне накануне начальник следственного отдела полиции, бессмысленно.

Но я не вылезая. Бог свидетель, что виной тому не моя храбрость и не мое благородство. Просто эти двое, Фалькони и Фрэнки Банан, заставляют меня сделать то, что я собираюсь сделать. Они не оставили мне выбора, потому что я не могу жить, когда пахнет горячей человеческой плотью.

Я смотрю на часы. Или Херб в силу каких-то соображений не продал меня, или господин Вольмут решил до поры до времени не делать из меня покойника. Весь мой план начинает казаться мне предельно наивным. Для чего им, собственно, торопиться? Как сказал Бракен, никто никогда не решится привлечь к суду людей Вольмута. Зачем же им клевать на мою примитивную наживку?

Жужжит зуммер моего аппаратика, и я вздрагиваю, словно это по мне пропускают ток. Я нажимаю кнопку. Голос Чака испуган и возбужден.

— Идут, — шепчет он. — Они...

Нет, никто не ошибся. Ни Патрик Бракен, ни мой друг Херб Розен. Я не верил, что он желал мне зла. Но продажа меня людям Вольмута давала ему больше выгоды, чем такой пустяк, как живой приятель. Чистая арифметика.

Не ошибся и я. Ни в них, ни в тех, кто подходит сейчас к подземному гаражу. В конце концов Фалькони ведь тоже человек. И ему должно быть досадно, что какой-то там адвокатишка выставил его идиотом перед хозяином.

Подарок мистера Бракена у меня в руке. Холодный, металлический подарок без номера. Я жду. Ждет каждая из миллиардов моих клеток.

Мои глаза уже привыкли к тусклому свету подземного гаража. Они же войдут прямо с улицы. Это одно из моих преимуществ. Второе заключается в том, что я стою в смотровой яме под машиной, а они будут идти вниз по крутому пандусу.

Вверху в воротах распаивается дверь. Стрелять на таком расстоянии не стоит. Тем более вверх. Только спугнешь их. Сейчас они пойдут вниз, и, когда они будут в нескольких шагах от меня, я начну стрелять. И избавлюсь от вогнанного под ногти лезвия перочинного ножа.

Но они не идут вниз по пандусу. Почему они стоят наверху? В тишине гулко колотится чье-то сердце. Наверное, мое.

— Эй, Чак! — кричит один из двух.

Они не новички. Ни на ипподроме, ни в джунглях. Они не хотят спускаться по крутому темному пандусу, пока не убедятся, что дичь здесь. Если бы Чак был внизу, он мог крикнуть им, чтобы они спустились. Но он в квартире Бермана. Может быть, ответить мне? А если они помнят его голос? Если они крикнут мне, чтобы я вылезал? И к тому же поздно. Они совещаются о чем-то вполголоса. Сколько я ни напрягаю слух, я ничего не

слышу. Мешает грохот сердца. Только бы они его не услышали.

Они начинают осторожно спускаться вниз. Старый друг Розен сделал свое дело. Они идут медленно, бесшумно. Как охотники. Как звери. Жители джунглей.

Я поднимаю пистолет. И одновременно задеваю локтем «уоки-токи», который падает на бетонное дно ямы. Фалькони и Фрэнки отскакивают друг от друга. В их руках пистолеты. Они не понимают, что это за шум.

— Эй, Чак, это ты? — кричит один. Судя по тому, что он ниже ростом, это, наверное, Фалькони. — Иди сюда!

Я не знаю, что делать. Может быть, стрелять? Или подождать, пока они подойдут поближе? А вдруг они уйдут?

— Никого как будто нет, — бормочет Фрэнки.

— Но ведь что-то упало...

Я осторожно поднимаю голову, чтобы лучше видеть их. Я знаю, что прямо над головой у меня мокрое ржавое брюхо «тойсуна». И все же ударяюсь головой.

— Кто там?

Теперь выхода уже нет. Надо стрелять. Я смотрю на Фалькони, на мгновение затаиваю дыхание и плавно нажимаю на спусковой крючок. Чудовищный грохот выстрела. Он еще бьется под машиной, как один за другим звучат еще два выстрела. Что-то цокает о бетонный пол. Со злобным шипением выходит воздух из баллона.

Наверное, я промахнулся. На пандусе не видно ни Фрэнки, ни Фалькони. Еще выстрел. Ах, вон один, за машиной. А второй? Наверное, он проскочил в коридор. И зайдет сейчас с другой стороны.

Звучит зуммер упавшего «уоки-токи». Упал на бетонный пол и не разбился. Здорово их стали делать. Это Чак вызывает меня. Он беспокоится.

Тот, что за машиной, наверное, не может понять, что это за звук. Он на мгновение высовывается, и я снова

стреляю. И еще раз. И еще. Еще. Еще. Или он закричал, или мне послышалось. Я осторожно выглядываю, прижимаюсь лицом к мокрой, грязной резине баллона. Лежит. Кажется, я все-таки попал.

Звуки шагов. Это второй. Вот он. Я поднимаю пистолет, нажимаю на спуск. Выстрела нет. У меня нет больше патронов. Мистер Бракен был прав. Новичкам везет только первый раз. А это уже не первый раз. Ну что ж, я сделал все, что мог. Сейчас он начнет стрелять. Он увидит, что я не отвечаю. Он заглянет в яму. Осторожно, конечно. И улыбнется мне перед тем, как всадить в меня пулю. Сверху вниз. Спасибо, Херб Розен. Бедная, бедная Одри... Если уж не везет...

Выстрел. И крик:

— Мистер Рондол! Вылезайте быстрее!

Что-то не так. Что это может значить? Я поднимаю голову. В десяти шагах от ямы лежит человек. Черноволосый. Фалькони. А над ним стоит еще кто-то. Кто знает мое имя. Кто это?

— Вылезайте же быстрее, вам говорят! Вы живы?

— Да, а... — бормочу я. Я вылезаю. Может быть, это галлюцинация. Скорее всего галлюцинация.

— Да помогите же мне! — порождение моей фантазии сердится. — Берите его!

— Кого? Что? — Чего он хочет от меня?

— Кто вы?

— Меня послал мистер Бракен. Помогите мне положить его в багажник моей машины. Да пошевеливайтесь, черт побери. Вот так. А где второй?

Покорно, как автомат, как измененный, я иду за Фрэнки. Он смотрит на меня открытыми мертвыми глазами. Я пытаюсь поднять его с пыльного бетона, но наступаю ему на ноги. И понимаю, что ему не больно.

Зачем они мучили Айвэна Бермана? Почему не подумали, что сами могут превратиться в такие вот мешки с костями?

Я поднес Фрэнки к открытому багажнику машины. И положил его рядом с Фалькони. Мертвое тело укладывать в багажник намного удобнее, чем живое.

— Зачем вы забираете их? — спросил я.

— Мистер Бракен сказал, что, может быть, вы и правы.

— В чем?

— Он сказал, что вы знаете. Дайте и пистолет. Так будет лучше. — Он захлопнул багажник, сел за руль. — Откройте мне ворота.

Я повиновался. Он не сказал больше ни слова, не посмотрел даже в мою сторону. Он выехал из гаража и исчез.

Я начал закрывать ворота и увидел Чака. Он стоял в подъезде и смотрел на меня как на привидение.

— Они не пришли? — пробормотал он.

— Нет.

Мы пошли вниз. Я подошел к своему «тойсуну». Два баллона были спущены, на дверцах виднелись маленькие дырочки. Чак молча посмотрел на машину, потом на меня.

— Не пришли, — сказал он.

Умный мальчуган.

Я очень устал. Запаха горящего мяса больше не было. Но не было и чувства торжества. Кто знает, может быть, Бракен все-таки прав...

Я вытер лицо носовым платком, отряхнул куртку и пошел наверх.

— Не беспокойтесь, мистер Рондол, — сказал Чак, — сделаем вам машину лучше новой.

О оптимизм пятнадцати лет! Я-то знал, что ржавчину уже не остановить. Нужна полная переделка.

— Спасибо, Чак, — сказал я.

— До свидания, мистер Рондол.

Я поднял воротник и вышел на улицу.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть I. КЛИЕНТ

[illegible]

Часть II. ВИЛЛА «ОДРИ»

[illegible]

Часть III. ПОБЕГ

[illegible]

Часть IV. СУД

[illegible]

Юрьев 3. Ю.

Ю85 Полная переделка: Фантастический роман. — М.: Мол. гвардия, 1979.—318 с., ил. — (Б-ка советской фантастики).

95 коп. 100 000 экз.

Научно-фантастический памфлет разоблачает нравственные устои современного буржуазного общества.

**ББК 84Р7
Р2**

Ю 70302—281 240—79. 4700000000
078(02)—79

ИБ № 1750

Зиновий Юрьевич Юрьев
ПОЛНАЯ ПЕРЕДЕЛКА

Редактор **А. Лобанова**
Художник **Н. Лавецкий**
Художественный редактор **Б. Федотов**
Технический редактор **Р. Сиголаева**
Корректоры **Н. Павлова, Т. Пескова**

Сдано в набор 10.04.79. Подписано в печать 06.11.79. А00247.
Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 14. Учетно-изд. л. 14,3. Тираж 100 000 экз. Цена 95 коп. Заказ 643.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сушевская, 21.

Сканирование - Беспалов
DjVu-кодирование - Беспалов

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

ПОЛНАЯ ПЕРЕДЕЛКА 3. ЮРЬЕВ

Библиотека советской фантастики

3. ЮРЬЕВ

ПОЛНАЯ ПЕРЕДЕЛКА

